

Часть первая

.....

1.

В автобусе трясло, и я считала секунды до остановки. Ужасно тошнило, и голову разрывала боль. Я была с отцом, а он совершенно не знает, как что лечить. Да ещё и пугается. А его лучше не пугать.

Был ясный день, а я пыталась провалиться в дрему. Иногда это получалось. Но боль в голове вторила пульсирующими ударами в такт тряске автобуса.

— Сонечка, просыпайся, остановка.

Уже одно это слово словно оживило меня. Лето тут казалось гораздо более тёплым и радостным, чем в городе. Хотелось прыгать и петь, а рядом выходили угрюмые люди. Они мне все казались серыми и ненастоящими. Зато вот листва—она словно здоровалась, кланяясь мне под порывами ветра. Я поздоровалась в ответ, чуть склонив голову, словно сделала тайный реверанс, как в старых фильмах. Ветер—он хороший, он всем рассказывает обо мне и от всех приносит мне вечером сказки.

Отец купил пирожки с капустой. А запах-то от них какой! Сладкий и немного пряный. Видимо, добавили немного чёрного перца. Всё тело сжалась в судороге, отказываясь есть. Ну и ладно, снова забрались в автобус.

Мимо пронеслись цветущие поля... ну как пронеслись—скорее, медленно проползали. Через какое-то время я всё-таки смогла себя уговорить на один пирожок. Всё-таки отец всегда такой: покупает то, что мать бы не купила. Так что эти пирожки будут секретом. Не буду ей рассказывать.

Сладость теста словно наполнила всю меня. Печёное тесто никак нельзя сравнить с фруктами, но этот вкус мне показался концентратом этого солнечного дня. Он был весь ярко-жёлтый, плотный, словно ты в воде, и немного липкий. Почему липкий? Не знаю, наверное, потому, что к нёбу прилипло немного теста.

Голова заболела сильнее, да и запахи старого автобуса начали давить на нос. Ничего, надо потерпеть, уже скоро.

2.

Первое, что меня поразило,—это отсутствие цвета. Всё стало серым. Глаза отказывались полноценно открываться, отец вёл меня за руку, а в другой руке нёс сумку. Серая остановка, серый асфальт, серый вечер, зелёные ворота. О, цвета начали проявляться! Зелёная трава, коричневая тропинка. Крыльцо—оно не коричневое, оно деревянное, это другое.

Я вяло плетусь. После такого тёплого дня стало непривычно холодно, даже болезненно холодно.

Стою рядом с сумкой в коридоре, сразу после тамбура. Я в первый раз в этом доме. Вокруг много тёмных дверей. Коридор большой, расходится в две стороны. Везде—бордовые двери. Отец идёт в дальний конец и пытается открыть дверь. Как с таким коридором в доме ещё и комнаты помещаются?

Справа висит перевёрнутое ведро—кажется, видела такие в какой-то книге. Рукомойник? А как им пользоваться? Потом разберусь.

Подхожу к отцу. Напротив двери, которую он пытается открыть, стоит комод. Открыв его, я вижу книги. Я таких ещё не читала: большие—значит, детские, значит, тут хорошо. Как может быть не хорошо там, где есть такие книги? Внутри меня кто-то улыбается, даже не внутри—где-то снаружи, за спиной и под потолком. Дом? Мир этому дому! Так мама учила, так домовой не придушит. Но тут домового нет. Тут только дом. Хороший.

Отец поднимает меня с пола и говорит, что мы будем ночевать у бабы Нади. Сумку он уже занёс в комнату и запер дверь на ключ.

Мы выходим в ночь. Тишина звенит, и кажется, что тьма, объявшая нас в эту летнюю ночь, может тоже с нами говорить; по крайней мере, молчит она очень выразительно.

Мы идём вдоль старых домов, переходим неправильно дорогу, наискосок по перекрёстку. А где вообще разметка дорожная? Как тут ездят?

3.

Баба Надя о чём-то говорит с отцом. Я совсем не помню, как она нас пустила; точнее, это случилось слишком быстро. Раз—и мы уже у неё дома. Обычно всё не так. Нужно долго здороваться, а потом долго говорить. Я не успела и глазом моргнуть, как уже за столом суп ем.

А ещё тут странно пахнет теплом. Не так, как от печки, а живым теплом. То есть печка тут тоже есть. Так что тут сразу несколько тёпл. Не так — теплоты. Баба Надя очень худая и маленькая. Моя бабушка тоже маленького роста, но она кажется больше бабы Нади. А ещё у бабы Нади кудри, и платье «в цветочку», и шарф вокруг головы. Зачем он ей ночью? Кажется, у неё всё «в цветочку». Она кладёт у печки на сундук оранжевый матрас «в белую цветочку», а сверху — простыню с сиренью и подушку с голубенькими цветочками. Когда меня укладывают, бельё ещё прохладное. Я слышу, как они с папой перешёптываются. Баба Надя рассказывает, что больницу, где она работала с бабушкой папы, закрывают на ремонт. А потом меня окутывает тепло.

4.

Мне снился старый английский парк, я прекрасно знала, что мне это снится. Но я подыгрывала моим сёстрам и гувернантке. Мы были тремя сёстрами в белых платьях, белых кружевных чепчиках с нежно-розовыми лентами. Мы бегали друг за другом и всё старались отбежать дальше от места, где сидела наша гувернантка. Это было непросто, мисс Гембрид была очень строга и в случае чего могла доложить родителям, как скверно мы себя ведём. А потом, при всех, наказать нас десятью ударами линейки по ладоням. Но отбежать от мисс Гембрид было делом чести.

Все эти знания приходили ко мне по мере игры с Сюзанной и Анабель. Мне уже порядочно накупила беготня, и я предложила сыграть в прятки. Я подошла к дереву и приготовилась считать. В коре дерева был разрез, который разошёлся и оголил само нутро дерева. Как только я прикоснулась к нему, я оказалась в другой части парка. Дыхание перехватило. Я прикоснулась к дереву, рядом с которым стояла, и снова оказалась у первого дерева, с разрезом в коре. Надо запомнить: вдруг за мной будет погоня?

Перед глазами возник образ, как я, уже взрослая, бегу через парк от солдата. Он скачет за мной на чёрном коне. И вот-вот нагонит. Я вспоминаю детские игры. Только это меня и спасает, я вовремя успеваю сбегать из Англии, до того, как её захватили «вороны».

5.

Солнечный луч освещает мои сны, пронизывает веки и врывается в сновидения. Улыбаюсь и открываю глаза. Баба Надя уже хлопочет на кухне. А потом уходит из дома. Я сажусь и осматриваю всё вокруг. Белые шторы обрамляют старую раму, стекло чуть мутное и немного с полосами. Раму красили очень давно, белая краска облупилась, и осколки её висят на раме, словно белые цветы. Всё-таки я в доме какой-то цветочной бабушки.

Баба Надя заходит с ведром молока, от него идёт пар. Она ставит ведро на печь и начинает натягивать на него марлю. Передвигает другое, пустое, ведро ближе к печи и выливает из первого всё содержимое. После чего осторожно снимает марлю и кладёт в большую железную тарелку.

— Ну что, уже проснулась? Отец твой ушёл, ему много дел сегодня сделать надо. А ты не стесняйся. Хочешь, я тебе своих коровок покажу? У меня одна корова недавно телёночка родила.

Она вопросительно на меня смотрит. Что же ей сказать? Слова застряли в горле. Я киваю и улыбаюсь.

— Ладно, чего это я, правда? Ребёнок ещё не кормленный. А я уже с вопросами нападаю. Яйца варёные будешь? Ты их вообще пробовала?

— Да, буду. Спасибо.

— Ну и молочко, конечно, будешь?

— Не знаю, я не пробовала.

— Как так-то? Хотя городское молоко и правда лучше не пить. Но у нас-то настоящее. Деревенское, только из-под коровы.

— Полкружки можно?

— А чего так мало?

— Яйцо и полкружки молока. Это же много.

— Разберёмся.

Передо мной были поставлены яйцо, разрезанное пополам, чёрный хлеб, белый хлеб, зелёный лук, несколько ранеток и кружка молока.

6.

Когда пришёл отец, он смог честно выполнить свой отцовский долг и доест за мной полкружки молока, белый хлеб с луком, и ещё я поделилась половинкой яйца. Баба Надя застала его только на яйце и налетела на него:

— Ты чего ребёнка объедаешь?

— Так она сказала, что голодная.

— А сам что? Подумать не мог, что она маленькая, ещё не знает, сколько ей нужно есть?

— Я ей булочку куплю.

— Булочку, тьфу! Нет чтоб ребёнка нормальной едой кормить.

— Ну а что я-то?

— Действительно, Сашка. Вот каким ты был в десять лет, таким и остался. Ладно, пойдём кровать доставать. Сам справишься? И помыть её надо будет, всё же в коровнике стояла.

— Конечно, всё сделаю. Только покажи, где вода для шланга открывается.

— Покажу. А малая у тебя, Сашка, красавица всё-таки. На тебя похожа.

В окно я их не увидела. Наверное, они пошли в другую сторону.

7.

Посуда была тоже расписная, вся в цветах, иногда с птичками. И как же странно раньше дома

строили... Стены тёмные, лампочки не горят, а кажется, что предметы изнутри светятся. От скуки я положила голову на скатерть. Ниточки приятно вдавились в кожу, они шли крест-накрест друг к другу, огибая соседа. Всё-таки ткань—это так сложно... А если присмотреться—очень просто. Особенно с вышивкой так. Горящие цветы почти мерцают на фоне серого дома, а если приблизить край скатерти, на которой они вышиты, то всё оказывается простым: ниточка к ниточке...

За окном играло и манило лето. Я сползла со стула и пошла к выходу. Дверь поддалась со второго раза, она плотно примыкала к порогу. За ней оказалась маленькая каморка, абсолютно тёмная и прохладная. По щеке скользнула травинка. Я присмотрелась. На полках наверху стояли букеты, обёрнутые тканью. Они были уже коричневые, но не такие коричневые, как тропинка, а как старая трава. Я перешагнула порог, он был многоступенчатый. Сначала была одна широкая доска, а на ней другая—выше, но уже. Ноги встали на гладкий ковёр, плетёный. Сделала пару шагов и наткнулась на ещё одну дверь. Она поддалась с четвёртого раза.

В глаза ударил яркий свет, ветерок скользнул по щеке и улетел. Поздоровался. Справа отец что-то делал со шлангом, рядом с ним стояла сетчатая железная конструкция. Отличное слово для объяснения всего. Мама его часто повторяла на что-то сложное. Но и на такое простое оно подойдёт. Слева стоял чёрный дом, в нём не было окон, зато были большие двери. Из них вышла баба Надя. Она несла ещё одну конструкцию, без сетки. Я побежала ей помогать.

— А ты куда, маленькая, идёшь? Помогать мне? Ну, спасибо, только для тебя это пока тяжело.

Я отошла и серьёзно огорчилась. Я не маленькая и не слабая. Я два стула могу нести вместе, и не табуретки, а со спинками стулья.

Вокруг росли цветочки с очень крупными бутонами. Кажется, такие нравились матери, только я не знаю, как они называются.

Я подошла к отцу, он синей лентой обматывал шланг, бинтовал. Ну, хоть перевязки он умеет делать.

— Смотри, какая у нас кровать будет—синяя.

Я пригляделась. Кое-где действительно видно, что кровать была когда-то синей. На углах сохранилось немного краски, но в основном кровать была ржавой, а ещё она была покрыта старой листвой и травой. Я подошла ближе, и тут из шланга потекла вода. Пяточкам стало мокро и холодно, а вот мне стало радостно. Для усиления радости я ещё и прыгнула. Зря. Отец увидел, что я босая, и стал гнать меня в дом. Но в основном он поливал кровать, так что я продолжала стоять рядом и наблюдать.

От брызг образовалась радуга. Подкроватная радуга. Жаль, тут Дениса нет, я бы ему показала.

Хотя ему было бы скучно тут без машинок. Надо что-то с этим будет делать. Баба Надя принесла ещё одну конструкцию, точно такую же, как прошлую, без сетки. И пошла на огород, уточнив, что за капустой.

Я присела и стала рассматривать цветы. Они были большие, больше ладони. А ещё они были странные. У края лепестка—совсем белые, а ближе к центру—сначала становились фиолетовыми, а потом красными. И лепестков было не пять, а много, очень много.

— Соня, я что сказал? А ну марш обуваться!

Нувот, уже злитесь. Не люблю, когда люди злятся. Я пошла в дом. Открывать дверь снаружи было ещё сложнее. Я уцепилась за ручку всем телом и почти повисла. Но тут подошла баба Надя и открыла мне дверь. А потом ещё одну, положила кочан на стол и пошла в другую комнату, а я стала искать босоножки.

— Сейчас ещё супчик приготовим. Всё свежее, только с огорода.

Я попыталась представить, как это будет на вкус. Не вышло. Значит, не попробую. Странно это. Вот если нельзя представить, значит, не случится. А то, что вдруг само начинает фантазироваться,—точно сбудется.

Как же ловко она всё чистит и режет. Словно она танцует. Хотя нет, танцует—это когда всем телом, а она только руками. А может, она ведьма? Да нет... А как я это определила—не знаю. Но вот своими умениями она лечить не сможет, так что не ведьма.

В комнату заходит отец.

— Нашла босоножки? Молодец. Скажи спасибо бабе Наде, и пойдём.

— Спасибо,—я почти проглатываю это слово, я благодарна бабе Наде за то, что она покормила, за то, что собирала мне кровать, но почему-то мне стыдно перед ней, что я не помогла ей в ответ. — Саш, вы куда? Я вон супчик собралась готовить. У вас там хоть есть что есть? Там же печь не топили вона сколько лет.

— Да разберёмся, спасибо, баб Надь. Мы пойдём.

— Ну, если что—малую свою приводи.

— Хорошо.

Я опять решила представить, как меня ещё раз приведут,—не представилось; значит, соврал.

8.

Мы вышли за калитку и опять начали переходить дорогу неправильно, только ещё более неправильно, чем вчера: прямо от дома бабы Нади начали переходить.

Машин не было. И тут я увидела у самого перекрёстка, как плетётся корова. Медленно и вальяжно. Рыжая с белыми пятнами или, наоборот, белая с рыжими пятнами. Равномерно пятнобелая и пятнорыжая.

— Смотри, это тёлочка молодая, — начал мне рассказывать отец.

— А где машины?

— Их тут почти нет.

— А коровы не боятся ходить по дороге?

— Им всё равно.

— А машины их не собьют?

— Обьедут.

Мы прошли уже мимо вчерашней остановки. И при дневном свете она была серой, и асфальт был серым, а вот ворота — светло-зелёными. А за ними очень кучерявая трава.

Мы снова зашли в дом, отец открыл дверь уже гораздо быстрее. Комната была огромной, потолки были где-то очень высоко. Справа стоял огромный шкаф, к нам бы в квартиру он точно не поместился. Слева — печка. Серая, пыльная и неживая. У печки стояла наша дорожная сумка. Мама говорила, что она волшебная, она её сама из ковра сшила. Это звучало так же, как сказка, загадочно и немного правдиво.

— Посиди пока на сумке. Я скоро приду.

С этими словами отец ушёл и закрыл за собой дверь на ключ.

В комнате было две кровати. Одна стояла слева от окна, вдоль длинной стены, а вторая — у противоположной стены, она начиналась от шкафа и упиралась в стол. Не так, как в городе. Тут столы были круглые и узорчатые. Похоже, тут когда-то жили мастера. Сразу представился старик с серой бородой и серыми волосами, седыми. Он осторожно вёл по дереву ножом, только закруглённым, и создавал узоры.

Я встала и подошла к столу. Пальцами начала вести так же по вмятинам в дереве, как если бы я срезала лишнее. Дерево не злилось. Оно, как кошка, словно выгибалось под пальцами. Жалко, что со столом нельзя поиграть так же, как с кошкой. Стол двигаться не будет. Только немного вторить мыслям.

Я повернулась к окну. Сразу под окном была маленькая крыша, и она спускалась вниз вдоль дома. А ещё за окном был другой дом, без окон, зато с дверями. Не такими большими, как у бабы Нади. И он был весь в шрамах. Разрушенный старый дед — он стоял только от собственной старости. Он стоял крепко. Я туда не буду заходить.

Дверь открылась, и зашёл отец с конструкциями, теми, что без сетки. Поставил их к шкафу и ушёл. Они после чистки и правда стали синими, кое-где каски не было, но в основном они были синими. Я погладила их, металл был ещё мокрый и немного прохладный. А ещё мне понравились швы, где одна трубка с другой соединялась. Почему-то теперь, когда двери шкафа были закрыты ещё и конструкциями, захотелось посмотреть, что там в шкафу.

Снова зашёл отец. С сетчатой конструкцией.

— Так, Соня, а ну не путайся под ногами. Села — и сиди на сумке, сейчас я всё сделаю, и сможешь гулять.

Он поставил сетчатую конструкцию и пошёл к кровати, что стояла у окна, снял с неё все покрывала и матрас. Оказалось, что под ним была собранная конструкция, и тоже с сеткой, только в середине была ржавая дыра, в самой сетке. Папа начал разбирать кровать, а потом вынес её.

Я всё ещё сидела на сумке и осматривалась. Стены были сероватые. А ещё вверху, под потолком, были паутины. Пауки очень больно кусаются. Сразу всё опухает. Но мама говорит, что это я виновата, потому что у меня аллергия на их укусы.

Снова вернулся отец и начал собирать кровать, а когда собрал, начал застилать. На простынях были бордовые пятна. Сначала он положил простыню, а потом тут же снял с кровати, скрутил и бросил на пол. И пошёл к шкафу. В шкафу на дне лежало много простыней, стопочкой. Осмотрев их все, отец выбрал четыре. Совсем почти без пятен.

— А что это за пятна?

— Так, Сонечка, не мешай. Сейчас я соберу твою кровать, и ты сядешь на неё.

Когда он полностью застелил мою кровать, он пересадил меня на неё. Забираться на неё было сложно, так что он меня поднял и посадил.

Люблю быть на руках. Это как полёт. Но отец чаще поднимает Дениса. А ещё возит его на плечах. А меня почти никогда. Один раз, увидев мою обиду, поднял. А я с непривычки испугалась. И только начала привыкать, как меня уже сняли. И зачем я расту так быстро? Лучше б была маленькой, как всё вокруг.

Кровать подо мной пружинила, и создавалось впечатление, что я плыву или еду в поезде. Мне это нравилось, я немного пошаталась на ней специально, и кровать ещё какое-то время пружинила по инерции.

— Так, дочь, что тебе дать?

— Книгу.

— Какую книгу? Разве мы что-то взяли?

— Там, в комод, в коридоре.

— Какую?

— Большую и серую.

Отец вышел и вернулся с книгой. Кинул её на кровать и ушёл.

9.

На обложке был когда-то рисунок. Но от него остались только вмятины. И ещё немного позолоты. Это были какие-то узоры, плетённые кругом. Я открыла книгу. Шрифт был крупный, что подтвердило мои догадки: книга была детской. В ней были красивые иллюстрации, с животными, с охотниками, с духами. Пролистав первую сказку, я загрустила. Её нельзя будет прочесть. Просто потому, что кто-то много-много раз обвёл Кита

синей ручкой, и кита не стало. Это как вырезать ножиком. Мы так делали с братом, когда мама не видит. Правда, не мы, а я вырезала дырочки в бумаге там, где должны быть стёкла у машины.

Таких сказок набралось шесть, отчего мне стало совсем грустно. Нельзя так портить книги. А вдруг это мой отец? А вдруг он помнит, куда дел изображения? Тогда можно будет вылечить книгу. Я открыла в середине и стала читать сказку. Она рассказывала о девочке, отец которой был охотником. А ещё у неё была очень глупая мачеха, которая сначала извела отца, а потом пыталась извести девочку. Только так не выйдет, каждое последующее поколение сильнее, мне мама рассказывала. Она говорила, что они с отцом живут в краевом центре, а мы, дети, будем жить в столице, и только наши дети добьются чего-то нормального. Мы все—просто звенья.

Ну вот и девочку мачеха не извела. Та даже тигра сумела победить. А ещё у неё было очень хорошее правило. Она трижды предупреждала и только потом приступала к действиям. Так и тигра она трижды предупредила и только потом убила. Моя мама тоже считает до трёх, только по-своему. Она говорит, что досчитает до десяти, и начинает: один, два, восемь... Мы все понимаем, что она делает неправильно, но также все понимаем, что не выполнить то, что она сказала,—это равносильно самоубийству. Если не она нас убьёт за наши действия, то обстоятельства сложатся так, что мы обязательно умрём. Так вот и живём, строим слушаемся маму и тайком нарушаем все её правила. Прямо как настоящие шпионы.

А девочка из сказки стала духом. Она бродит и дарит обиженным детям хорошие сны. А ещё с ней ходит собака, ожившая статуэтка, из тех, что сделал ей отец из дерева. Жалко, что мой отец только блины жарить умеет, и то—хорошо, если раз в год, ну, максимум два.

В комнату вошёл отец. Принёс огурцов и помидоров, а ещё хлеб и пучок зелёного лука, ну и бутылку подсолнечного масла. Поставил всё на стол и ушёл. Через пару минут он вернулся с дровами. И начал растапливать печь.

Сначала он достал из шкафа газеты и порвал их, а потом свернул. Жаль, их тоже можно было бы почитать. Потом он отрезал ножом несколько щепок и запихнул их в кокон из бумаги. Потом всё это положил в печь и попытался поджечь. Горело плохо. Так что все свои действия ему пришлось повторить ещё раз, а потом ещё. Но потом всё стало гореть сильно, и он даже запихнул несколько полешек в печку и закрыл. Я придвинулась к краю кровати, который был максимально близко к печи, и ждала, когда он ещё раз откроет железную дверцу и покажет огонь. Но отец начал делать салат. А потом опять вышел и вернулся с подушкой и просто потрясающим столом. Стол был высокий

и маленький, на одного человека. У стола была узорчатая ножка, и он был белый.

—Смотри, это твой личный стол,—сказал папа и поставил стол у кровати.—Вот тебе подушка, чтобы удобнее было сидеть. Сейчас разложу салат, поедим, и я продолжу разбираться с комнатой.

Он поставил на стол белую тарелку с голубыми бабочками по краям и положил вилку, на которой были ветки сосны с орешками. Я погладила вилку, она была гладкая, а ещё очень старая и тяжёлая. Тяжелее городских. Я села на подушку; мама бы этого не разрешила, но так и правда было удобнее сидеть за таким высоким столом. Пальчиками ног я гладила ножку. Так есть было интереснее.

После еды папа всё убрал, и я опять села за чтение.

Через восемь сказок отец опять пришёл. На этот раз с ведром, тряпками, порошком и ещё белым ведром с крышкой.

—Ну что, пойдём в кино?

—А на что?

—На «Такси».

—Мы же видели.

—Так на большом экране.

—А мама разрешит?

—Мы потом с ней сходим.

Мы собрались и вышли в вечер.

10.

Небо было розово-жёлтое. Мне всегда говорили, что это к ветру. Причём к плохому ветру. Но мне показалось, что такое сказочное небо не может принести в будущий день ничего плохого.

Мы проходили деревянные домики, с разными узорчатыми окнами, с разными калитками. Казалось, что это город домиков и только домики да коровы—единственные живые существа на много километров вокруг.

Мы дошли до моста. Он был такой тоненький, что я испугалась немного, что мы упадём. Но перила у моста были просто удивительные. Это были толстые железные ветки с шишками. Я шла и гладила их. Внизу, очень далеко под нами, текла речушка, почти ручей. А вокруг неё всё цвело и росло. Там даже малина была.

Когда мы дошли до конца моста, мы встретили человека.

—Ух ты. Саш, да ты совсем не изменился!—женщина была в платке, а я думала, платки для бабушек.

—Здравствуй, Марин. Как поживаете?

—Да как поживаем? Всё хорошо. Младший вон в школу в этом году пойдёт. А у тебя как? Твоя?

—Да, это Соня.

—А сколько Соне лет?—она наклонилась ко мне и начала смотреть.

Лицо её было очень простым, как блин. Таких людей к папе на кафедру точно бы не пустили, даже у студентов лица умнее.

— Пять... — говоря это, я ещё и пальчиками показала, чтобы ей было понятнее.

— Ой, какая взрослая, невеста растёт. А мама где? — она снова переключила своё внимание на отца.

— Мама у нас в Красноярске осталась вместе с сыном. Скоро приедут.

— А я думала, вы на вокзал идёте. А куда вы шли?

— На «Такси».

— А вы что, не видели?

— Видели, конечно, но на большом экране-то интереснее.

— А-а-а-а-а...

— Ну ладно, может, как-нибудь заскочу ещё.

— А сможешь столб передвинуть? Старый прогнил, а мой на вахте, сам понимаешь...

— Конечно, помогу.

— Ну ладно, тогда завтра загляни, я как раз и зелень подготовлю, и варенье.

— Ой, спасибо.

— Ну ладно, пока. До завтра.

— До завтра.

Мы пошли дальше, и вновь нас окружали лишь дома да изредка проходившие коровы.

— Пап, а кто это?

— Одноклассница моя. Давно не виделись.

— А ты завтра к ней пойдёшь?

— Вместе пойдём.

Город был на самом деле удивительным. Постепенно становилось всё меньше очень старых деревянных домов. Стали попадаться кирпичные дома, но не выше четырёх этажей. А ворота и заборы почти везде были сделаны из плетёных железных веток. Иногда в них даже были такие же железные животные. А вверху было очень много разных пик. Потом были аллеи и памятник Ленину. А потом опять стали появляться жилые домики. Мы повернули и шли ещё немного, пока не вышли к огромной белой стене.

— Это монастырь, там живёт белочка, мы как-нибудь сходим к ней в гости.

— А когда?

— Когда мама с Денисом приедут.

Кинотеатр находился буквально в десяти шагах от входа в монастырь. Когда мы проходили мимо открытых ворот, я увидела сам храм и ещё сосну и домик у сосны. Наверное, там белочка. А ещё ворота были очень далеко от храма — очень много земли было у монастыря.

Билеты в кино стоили десять рублей, это как дважды проехать на автобусе одному. Но на автобусе ехать неинтересно, да ещё и пахнет не вкусно, и сидеть не всегда есть где. А тут в нашем распоряжении был весь зал. Мы вдвоём с папой, одни в зале, смотрели кино. Папа громко смеялся над шутками, словно слышал их в первый раз. Так

что я всегда знала, когда закрывать ушки от его громкого смеха.

Вернулись мы уже в потёмках, легли и сразу уснули.

11.

На следующий день, утром, отец помыл полы везде и перестелил свою кровать. Собрав лишний мусор, мы вышли из дома и пошли в гости.

Тётя Наташа радостно нас встретила. Меня оставили в доме, а отец с тётей Наташей пошли ремонтировать крыльцо. Я смотрела за ними в окно. Угол зрения был неудобный, и мне было мало что видно. Иногда приходила тётя Наташа и брала инструменты.

— Ты чего просто так сидишь? У нас вон кошка котят родила. Иди поиграй.

Котята были в основном чёрненькие. Но двое были с белыми большими пятнами. Я протянула к котяткам руку, чтобы они её понюхали и решили, стоит ли со мной играть. Один из котят осторожно, шатаясь, подошёл к моей ладони и обнюхал её. Потом пошёл обратно к маме и к своим братьям и сёстрам. Забрался по котяткам к маме на спину и соскочил куда-то за неё.

Сразу после этого котятка втроём подбежали ко мне и тоже обнюхали мою руку. Один из котят, чёрный, попробовал прыгнуть и вцепился мне зубками в палец, а потом начал царапаться лапами. У Ланса, кота, что у нас жил, когти были мягче, наверное потому, что толще. Нападение на мою руку длилось недолго, котёнок отцепился и поплёлся к маме. Другие котятка затеяли возню друг с другом.

Кошка, которая всё это время неотрывно наблюдала за моими действиями, напоминала какую-то царевну. Причём она была такого же окраса, что и Борис из рекламы «Китикэта». То есть не чёрная. Видимо, котятка в отца.

Когда тётя Наташа снова зашла в дом, уже с отцом, моя рука была совсем в царапинах, и даже капала кровь. Спрятав руку от взрослых, я быстро встала и села рядом с отцом за стол.

— Вы яичницу из трёх или четырёх яиц будете? — тётя Наташа уже доставала из корзины яйца, предварительно поставив огромную сковороду на печь.

— Давай-ка из двух, — ответил отец.

— Тю-ю, а чего ж так мало-то?

— Да нам хватит.

— А глазунью или омлет?

— Омлет.

Я шёпотом спросила у отца:

— А что такое глазунья?

— Это когда желтки не разбиты.

— Понятно.

Про себя я подумала, что хотела бы попробовать глазунью, но отец уже сделал выбор, и тётя Наташа что-то взбивала в тарелке. Я обтёрла капельки

крови о юбку. Когда всё было готово, перед нами поставили по огромной тарелке с омлетом. Жарили его на сале, это было сразу понятно по запаху. Так что к отцу перекечевало много кусочков жареного сала, а потом и половина моей порции. — Ну как, поиграла с котятками? — спросила тётя Наташа.

— Да. У вас же три мальчика и две девочки?

— Откуда узнала?

— По глазам. Девочка одна с пятнами, а вторая чёрная. А остальные мальчики.

— Что, прямо по глазам?

— Ну да. А как же ещё?

Видимо, определять, кто перед тобой — мальчик или девочка, тётя Наташа умела как-то по-другому, по-особенному.

Вернулись домой мы уже под вечер. Зато с кучей еды и старыми игрушками. В основном это были деревянные кубики. Это был маленький праздник, Денису будет чем играть.

12.

На следующий день отец взял огромный вязаный ковёр и постелил его на крыльце. День был очень солнечный, и чёрный ковёр быстро стал горячим. А ещё отец поставил передо мной коробку с игрушками, что мы принесли вчера. Я сидела на крыльце и смотрела, сколько каких кубиков у нас есть, что из них можно собрать и от каких можно получить занозы. Изучив всё досконально, я пошла к отцу в комнату.

В комнате всё переменилось. На кроватях вместо белья были газеты, а отец, стоя на краю кровати, держал деревянный лист и прибавал его к стене. Папа сказал, не оборачиваясь:

— Вот теперь у нас станет тепло, и бабу Агнию слышать не будем.

Я решила, что лучше его пока не трогать, и пошла смотреть, что ещё было в комод. В выдвижных отделах были железные зажимы от папок, они для файлов. У отца таких папок очень много, в них студенты приносят свои рефераты. Я часто вытаскивала их из папок, они были жёлтые, из легко гнущегося металла, и из них можно было делать фигурки. А ещё там были две деревянные катушки от ниток, россыпь гвоздей и шариковых ручек. Внизу, вместе с книгами, лежали открытки, картины в рамках и старая мыльница из алюминия. Перебрав всё это, я решила, что можно сделать машинку. Потому что Денису без машинки будет очень сложно.

Я продела в катушки железные зажимы и начала гвоздём делать в мыльнице дырки. Работа шла тяжело, но вмятины уже были серьёзные. Наконец, проделав три дырки, я решила передохнуть и просто посидеть.

Я оперлась на деревянные перила крыльца и рассматривала железные бочки, что стояли во

дворе. Все они были ржавые на тех местах, где чуть изгибались. У каждой бочки было по два изгиба, которые делили бочку на три равные части. Бочек было четыре: светло-зелёная, оранжевая, коричневая и — самая маленькая — чёрная, она раза в два была меньше других, и у неё был только один изгиб. Я погладила ковёр, это было чёрное полотно с фиолетовыми и оранжевыми цветами. Из-за того, что ковёр был очень чёрный, всё казалось ярким, даже тёмно-зелёные лепестки. А надо мной была отдельная крыша для крыльца, по её краям были узоры, как вязание, только из дерева. Интересно, в этом доме есть клад?

Мою голову что-то повернуло, и я посмотрела на тропинку. Почему-то в голове начало звенеть, да и повернуться никуда я не могла. Про себя я подумала: «Хорошо. Значит, клад под тропинкой, но я пока маленькая и ничего раскопать не смогу. Спасибо, что показал». Видимо, это было верным решением, потому что меня отпустило. А ещё появилось ощущение, что моё тело — это не только я, но и дом. И в районе чердака, у трубы, которая ведёт от печки в маленькой комнате, есть ноющее пустое чувство. А потом и это прошло. Я продолжила делать последнюю дырку в мыльнице. А потом продела железные крепежи в дыры и загнула. Вышло неплохо. Немного походило на машину, хотя на тележку было больше похоже. Я побежала показать свои труды папе. Он не глядя сказал, что красиво, и продолжил свою работу. А когда закончил, мы сели обедать.

После обеда мы вместе пошли мыть посуду к бочкам. Отец ведром зачерпнул из одной воды и поставил на маленький стул, который стоял поодаль и с крыльца его было не видно. Отец мыл тарелки, а я вытирала.

Сразу за бочками до самого забора росла крапива; она была выше меня и очень жглась. На руке сразу начали опухать те места, к которым прикоснулась крапива. Стало больно. Мы оставили посуду в комнате, и отец постучался в дверь, она была самой ближайшей к маленькой комнате. — Здравствуй, баба Агния, вот, привёл тебе свою. — Ой, какая красавица. А чего ж ты её всё не приводил-то?

— Да как-то всё заняты были.

Баба Агния была очень высокой и сухой, не худой, а именно сухой. Наверное, потому, что у неё была коричневая кожа. Она была с папу ростом, и вся одежда на ней не могла скрыть того, что она была сильно тоньше моего отца. В комнату к себе она нас не пустила. Зато дала немного пряников. Мы узнали, когда будут привозить воду и когда открывается Дом юннатов. Мы попрощались.

Я собрала игрушки, а отец унёс ковёр. Весь вечер я читала уже другую книгу. Волшебные сказки я решила оставить на потом. А ещё нужно было придумать, чем и на чём можно будет рисовать.

Размышляя, я смотрела на розово-фиолетовое небо. Как же тут много неба! В городе его гораздо меньше. На амбар села птица, она сидела и почти не шевелилась, только хвост немного ходил туда-сюда, как у часов. Я таких птиц не видела. Она была большая, как голубь, но не такая жирная. А ещё она была коричневая и с полосками на хвосте. А может, она волшебная? А может, она прилетела ко мне? Только я решила выйти и посмотреть птицу поближе, она улетела. Ну, если она ко мне прилетала, то ещё прилетит. Или нужно срочно уснуть, чтобы поймать послание от неё.

Немного подумав, я легла и уснула.

13.

На следующий день было пасмурно, и постоянно грозился начаться дождик. Побродив по коридору, я выяснила, что, несмотря на то, что было всего пять дверей, самая большая, тоже наша, комната была с номером девять. Восьмой была маленькая комната, в которой папа приступил к покраске стен белой краской. В седьмой заперлась баба Агния. В шестой не было никого. А в пятую как раз кто-то заехал. И не просто кто-то—это была семья из трёх человек. Родители и мальчик.

Он был высокий, с тёмными волосами и очень тихий. Я сидела на столе в коридоре и смотрела, как они заносили вещи, а потом мать мальчика ушла. Потом к отцу пришли гости, от них очень плохо пахло, и лица были словно из пластилина, из которого их слепили, а потом оставили на солнце. А некоторые даже неудачно пытались править. Через время мальчик вышел в коридор. Он постоял у своей двери, а потом ушёл.

Я взяла книгу со сказками и листала картинки. Когда находила интересные, начинала читать сказку. Потом мне стало скучно, и я решила проверить, что творится с небом. Я вышла из коридора и оказалась между дверями. Такое было во всех домах. Пространство между первыми дверями и дверями, ведущими в дом. Но только в нашем доме по бокам находилось ещё две двери. Получался квадрат из дверей. Когда выходишь из дома, левая дверь ведёт на чердак, а правая—в какую-то комнату, кладовку. Вот из неё-то и вышел мальчик. Я испугалась.

— Привет. Тебя как зовут?

— Соня. А тебя?

— Дима. Давай играть?

— Давай. А во что?

Отвечала я по инерции, я совершенно не представляла, во что можно играть со взрослым мальчиком.

— У меня в комнате есть игрушки. Пойдём?

— Пойдём.

Меня всю трясло от страха, я никогда не ходила в гости одна. Да ещё и к почти незнакомым людям. А ещё мне показалось, что мальчику было

самому страшно заходить к ним в комнату, что он боится отца. Почему-то это знание придало мне уверенности, и я казалась себе самой защитницей этого мальчика.

Мы зашли в их комнату. Прошли мимо людей, которые пили алкоголь, пахло от них жутко и болезненно, словно в них что-то умирало, словно их тело умирало.

Мы прошли к кровати Димы, и он мне показал коллекцию игрушек из «Киндер-сюрприза». Я была очень рада этим фигуркам и о каждой начала рассказывать историю: кто она, кем работает, какая у неё семья. Дима начал мне помогать всех расставлять. А когда его отец зачем-то начал кричать на него, он встал и тоже накричал на отца. Очень плохими словами. Вернулся он с сияющими глазами. Словно он был рыцарем, который только что сразил дракона.

Потом мы начали делиться, кто сколько прочитал книг. И о чём они были. А потом Дима узнал, что мне пять, и немного сник—он думал, что мне семь; ему самому было десять лет, и ему было стыдно, что он прочёл так мало. Я рассказала, где можно брать книги в этом доме. Мы договорились ещё как-нибудь поиграть, и я ушла.

Отец уже ждал меня у двери маленькой комнаты. Вот странно: комната-то огромная, а я её называю, как и отец, маленькой. Мы пошли гулять, и отец отвёл меня к набережной, опять через этот тонкий мост с железными ветками. Только в этот раз мы повернули перед памятником Ленину направо, и отец показал мне гостиницу и рынок перед ней. А от рынка вниз шла широкая дорога, почти площадь, которая утыкалась в каменистую набережную.

Енисей был огромен, тут он казался больше, чем в Красноярске. А ещё он был гораздо чище. Я бродила по берегу и собирала красивые камешки, тщательно отбирая каждый, чтобы все были интересные. А потом мы пошли в булочную и взяли по ромовой бабе. Мы шли и весело болтали о сказках. О том, когда приедут мама с братом, о том, что я была в гостях...

Когда мы вернулись, я увидела, какая же комната стала белая. Точнее, не так: комната была на самом деле жёлто-розовая. Вся в бликах уходящего солнца, которые входили в окно и отражались от стёкол окна. Но комната стала ровно настолько белой, чтобы всему этому не мешать и не затемнять.

Хорошо, что пока мамы нет тут, она бы не позволила таких приключений. Но скорей бы они с братом приехали, надо бы показать им все эти чудеса.

14.

На следующее утро отец быстро докрасил печь, и мы пошли по магазинам. Сначала отец купил чёрный зонтик, что повергло меня в ужас. Мама

не любит лишних расходов. Потом мы взяли тортик и поехали на автобусе. Сначала я тоже беспокоилась о лишних расходах, но ехали мы долго, и я поняла, что без автобуса мы бы просто не добрались.

Мы приехали к папиному директору музыкальной школы. Он был очень музыкальный, во всех книгах, что я видела, именно такими изображали дирижёров. Только у него были огромные очки с толстыми линзами. А ещё он почти не мог говорить. Он словно скрипел. Слушать его поначалу было очень сложно, а потом я научилась разбирать слова. У него была очень добрая жена с невероятно белыми волосами. Они были не седые, а белые, словно шёлк.

Сначала меня погнали в ванную мыться. Отец показал, как настраивать воду, и ушёл пить чай. Я помылась и переоделась. А когда вышла, увидела детей. Это были внуки папиного директора музыкальной школы. Я никак не могла запомнить, как его зовут, и обращалась на «вы».

Внуки у него были злые. Они сразу мне сказали, что я маленькая для их игр и я им не нужна. Я немного расстроилась и пошла на кухню.

Папы там не было. Зато там была жена папиного директора музыкальной школы. Она накормила меня супом, пришлось съесть всё, и напоила чаем. Потому она сказала, что мой папа в кабинете с её мужем. Я пошла туда. В квартире было три комнаты. Вот в самой дальней, у самой ванной, был кабинет. Все стены были в книгах, буквально. Полки доходили до самого потолка.

Я сразу обрадовалась и забыла, что тут есть ещё и внуки, которым я не нужна. А внукам, похоже, не нужны были книги, совсем. Они играли где-то ещё. Папа пошёл мыться, а я осталась смотреть с папиным директором музыкальной школы старый улей. Он был серый и словно из очень-очень тонкой бумаги.

Пчёлы, оказывается, очень полезны, даже их яд полезен. И хотя улей мёртвый и никаких пчёл уже там нет, всё равно приятно его хранить и знать, что когда-то в нём была жизнь. А ещё в кабинете был одноколёсный велосипед. Как у клоунов. Только это был не велосипед, а колесо с педалями и без сидушки. Я долго пыталась на нём хотя бы встать. Колесо было жёлтое, с каплей оранжевого — ну, если смешивать цвета, с чёрной резиной на педалях и шине. Я очень серьёзно подошла к вопросу и представляла, что я на арене цирка и что мне очень нужно сделать круг по арене. Я чувствовала запах лошадей и гул зрителей. И в этот момент я проехала, прямо до конца комнаты. А потом повторила. И так — пока не пришёл отец.

Я показала отцу, что могу так ездить. Он просто согласился, что я молодец, и продолжил общаться со своим директором музыкальной школы. Они говорили о домрах и о концертах. О том, как сложно сейчас в оркестрах. Как мало платят.

О том, что отец хочет вернуться преподавать дому, но в институте за ведение культурологии платят больше.

Меня позвали ужинать. И снова пришлось съесть всё. Обратное мы ехали молча. Вышли у гостиницы и опять зашли в булочную и взяли по ромовой бабе. Шли мы молча; кажется, отец грустил. А потом он сказал:

— А давай это будет нашей традицией: мы будем возвращаться вечером домой, брать в булочной ромовую бабу и вприкуску с ней идти по финишной прямой до дома.

— Давай. А так будет каждый вечер?

— Ну, как получится.

— А сказку ты мне прочитаешь?

— Какую?

— Ну, какая есть, выберем.

— Хорошо.

Но когда мы вернулись, сказка показалась мне лишней. Папа быстро уснул, а я забралась на окно и смотрела на звёзды. Каждый вечер — это очень серьёзно, это целая традиция, как Новый год. Надо будет рассказать об этом завтра Диме. Может, его тоже с нами позвать, раз у него отец пьёт и ругает сына? Мы бы могли гулять с моим папой. Дима не глупый, просто у него мало книжек в жизни было. А может, он даже согласится дружить со мной. Несмотря на то, что я маленькая.

Я уснула, и во сне почувствовала, как кто-то держит меня за руку. Я чуть надавила пальцами, и рука надавила своими пальцами мне в ответ. Чья-то рука держала меня за ладонь, чередуя свои пальцы с моими. Мне стало страшно. Но рука ничего не делала. Наверно, это был какой-то мой друг, которого я не знала. И я уснула.

Наутро я выяснила, что Дима теперь с нами не живёт. Его мать увезла его к своей матери, и больше они не появятся. Его отец постоянно пил и не выходил из своей комнаты. Вот так и закончилась дружба, которая не успела начаться.

15.

Сначала мы пошли к автовокзалу. Там находилась почта, и отец отправил маме телеграмму, что можно приезжать. А потом мы пошли в другую сторону от центра города и памятника Ленину. Мы шли к окраине и остановились у покосившихся серых ворот. За ним был ещё более покосившийся дом. К нам вышла старая-старая бабушка, она словно была Временем. Вот смотришь на неё, и перед глазами — старинные дубовые часы. Они столько лет считали время, что стали древними, как само Время. Вот и она была древней.

В доме было очень темно и тепло. Бабушка поставила передо мной огромный брикет масла и сказала кушать. Кубики были большими, но я ела их и ела и не могла остановиться. А потом мне стало стыдно, что я так много съела. Но мне

сказали есть ещё. А потом они ушли в другую комнату. Стены надвигались на меня, нестрашно. Они словно обнимались. И я уснула у печки. Точнее, я долго боролась со сном, потому что спать в гостях вообще-то не принято. Но как-то незаметно оказалось, что меня будят.

Возвращались мы со свёклой, яйцами и деревянной водовозкой. Это была машина из кубиков. Точнее, деталей, которые были как кубики, но складывались в водовозку с помощью больших железных гвоздей. Я была довольна. Теперь брату точно можно приезжать.

По дороге мы зашли ещё к одному папиному знакомому. Это был дядя Андрей. У него были чёрные волосы, светлая кожа и карие глаза. Он очень походил на пирата. Хотя у пиратов должна быть загорелая кожа. Но это было не важно, он точно был пиратом. Просто сейчас осел в этом городе. А ещё у него была собака. И мне с ней дали поиграть.

Я долго гладила собаку, потом мы вместе ходили по дому. Дом был новый, стены не были серыми. А ещё на стенах висели целыми гроздьями чеснок и лук. Это было очень красиво, прямо как на картинах. А у собаки были твёрдые, но мягкие зубы. Они не царапали, они мягко давили, и всегда можно было выскользнуть.

А потом мы пошли домой.

— А мы с Андреем вырастили вместе собаку.

— Правда? А когда? У него та же собака?

— Нет, конечно, у него другая теперь собака. У нас был чёрный пёс, мы звали его Пират.

— А где теперь Пират?

— Не знаю, давно это было. Мы кормили его гречкой и научили подавать лапы, чтобы мы их мыли после прогулки. Очень умный был пёс.

— А у нас будет собака?

— Возможно.

Я очень хотела собаку и решила обязательно запомнить, что собак можно кормить гречкой, это же такая экономия. Мама тогда, может, разрешит собаку.

Вечером я читала про охотников и их собак и как они всегда приходят на помощь. И как всегда выручают хозяина. И главное—какие они верные друзья.

16.

Весь следующий день отец мыл дом. Даже прихожую. А потом он забрался на чердак и принёс много разных книг и какие-то вещи. Вещи он начал стирать в маленькой железной ванне. А потом мы вместе их развешивали. В обед приехала водовозка. Она была с жёлтым баком. Она разлила воду по бочкам. И баба Агния тоже вышла из своей комнаты. Она говорила долго с водителем, потом дала ему денег, и он натаскал ей в комнату воды. После этого она опять заперлась.

Так, в суете и уборке, прошёл весь день, а вечером приехали мать и брат. Ночью у Дениса был приступ, и пришлось вызвать скорую.

Ему поставили укол и уехали. А потом мама рассказала, что в поезд, в котором они ехали, кинули камень. Всё обошлось, их только осколками засыпало. Но Дениса это напугало. И теперь в нём сидит страх, и иногда, когда Денис спит, страх будет выходить наружу.

Проснулась я под шум в соседней комнате. Денис спал, а родители начали делать ремонт в большой комнате.

Я тихо села и перебралась к краю кровати, где была печка. Там стоял завтрак. Две тарелки салата. Вот теперь уже точно надо будет съесть всё. Приехала мама, при ней точно не удастся отдать отцу или брату еду.

Мама привезла несколько наших книг, и я читала их. Когда в комнату зашли родители, Денис всё ещё спал.

— Мы сегодня пойдём на речку плавать, а папа покрасит большую комнату. Заодно ты мне расскажешь, как тут всё было.

— А когда мы пойдём?

— Ну, как Динька проснётся. Он всю ночь почти не спал.

Захотелось напомнить, что он спал больше нашего, но я промолчала. Мало ли, вдруг были ещё приступы, а я не проснулась. Пообедав, родители опять ушли. И тут проснулся Денис.

— А у нас тут есть игрушки,— сразу сообщила радостную весть я.

— Какие?

— Деревянные.

— Как кубики?

— Как кубики, и сами кубики. И ещё целая машина.

— Где?

У Дениса горели глаза: больше всего в жизни он любил машины. Любые—и живые, и игрушечные. Я слезла со своей кровати и достала из-под его кровати коробку. В ней хранились все деревянные сокровища. Я с трудом достала машину, катить её было гораздо легче, чем поднимать. Когда к нам зашла мать, мы уже строили замок со специальным проёмом для водовозки.

— А брату ты поесть дала?

— Он не хотел.

— Он просто не знал, что еда есть.

Она посадила его на мою кровать, за мой стол. Похоже, не быть мне больше принцессой.

Потом мы собрались и пошли на речку. После дома дяди Андрея мы повернули влево и пошли вниз по широкой дороге. Домов вдоль дороги было немного. Сразу за домами были поля, где стрекотали кузнечики. Я попыталась их ловить, но ничего не выходило. Тогда я просто продолжила идти рядом с мамой и братом и смотреть, чтобы мы не раздавили кузнечиков, которые выпрыгивали на дорогу.

Дорога была очень светлая, словно асфальт выбелился на солнце, а по краям дороги был песок. Потому всех кузнечиков сразу было видно. Они были маленькие и большие, светло-зелёные, и тёмно-зелёные, и даже коричневые. За одним коричневым я следила особенно долго.

17.

И вот мы вышли к реке. Сначала был пляж, потом вода, потом опять пляж. Всё потому, что у пляжа, через небольшое расстояние, был остров. Мать положила сумку на песок и принялась надувать круг, он был жёлтый с синими рыбками. А нам сказала раздеться до купальников — под обычной одеждой у нас были купальники. Потом, когда всё было сделано, она велела нам с братом держаться за круг крепко, а сама несла в одной руке сумку, а в другой держала нас с кругом.

Она хотела перейти с нами вместе реку вброд. Ей река была по пояс, а вот нам уже глубоко. Потому мы держались за круг. Мать решила держать за руку брата, и это было правильно, я сама боялась, что Денис отпустит круг. Вода была сначала страшная, а потом я привыкла. А когда расслабилась, поняла, что вода меня держит. Несмотря на то, что остров был прям рядом, всё равно что дорогу перейти, через воду к нему было очень трудно идти. Когда мы прошли половину пути, я увидела, что на берегу, чуть левее от нас, столпились люди.

С каждым маминим шагом мы приближались к берегу, и я видела всё больше. Первым делом я увидела мужчину с красным лицом, у которого были стеклянные пустые глаза, как у куклы, и слёзы текли без остановки. Он стоял, а вокруг него бегали люди, некоторые даже его дёргали, но он был как кукла, стоял и плакал. Его слёзы текли по подбородку, стекали на его большой живот. Но его это не волновало, его вообще ничего не волновало.

В паре шагов от него, где столпились люди, лежала девочка. Она была какая-то пустая, а ещё — чересчур синяя. И эта девочка явно всех тревожила, хотя она просто лежала. А может, их тревожило, что она пустая?

— Так, а ну смотрим на меня и никуда не смотрим больше! — громко сказала мама.

Я послушалась: она не любила, когда её не слушались. Как-то у нас во дворе была драка. Двое чужих мужчин пришли в наш двор и стали драться; я успела увидеть, как один ударил второго кирпичом по голове. Мама тогда тоже нам сказала отвернуться. И мы с братом отвернулись, а наш знакомый со двора, Рома, на всё это смотрел. И потом всем хвастался, что они друг друга чуть не убили и было море крови. Я это и без него знала, но ни за что на свете не хотела бы смотреть на это. Во-первых, мама запретила смотреть; во-вторых, какой смысл видеть то, что ты и так знаешь?

Вот и сейчас последние шаги в воде и путь до того места, где мать поставила сумку, мы прошли, никуда, кроме как на неё, не глядя.

Появились спасатели. Увезли папу и девочку, многие стали говорить про бедного ребёнка, который утонул. Ну вот, и так всё ясно, можно просто услышать и никуда не смотреть.

Я надула нарукавники. Нельзя, чтобы брат утонул. Мать учила брата плавать, а я следила, чтобы она ни на секунду не отпускала его. Денис многого боится, а если ещё и воды испугается — так и жить совсем сложно будет.

Потом поплавала и я, тоже под надзором матери, а Денис сидел на пляже на покрывале и кушал.

Вода была живая, не то что в ванне. И она была многоцветная. В ней был зелёный, он прятался глубоко на дне; в ней был синий, он был вокруг тебя, но становился прозрачным, если ты приближался. В ней даже коричневый был, там, где росли водоросли.

И песок был разный: мокрый, сухой, горячий и холодный. И не важно, сколько солнца он впитал, солнце было везде. Просто иногда песок решал, что сейчас ему хочется быть холодным.

Я тоже перекусила на покрывале. Мама оставила нас есть и греться, а сама решила поплавать. Мама у нас плавает очень быстро и очень далеко, и не важно, куда направлено течение.

Мы ещё раз поплавали и пошли домой. Ноги еле плелись по выбеленному асфальту. А кузнечиков было очень много. И я опять боялась их раздавить. — Мам, а мы купим ромовую бабу?

— Какую ромовую бабу?

— Ну, булочка такая, с изюмом.

— А зачем нам её покупать?

— А мы с папой каждый вечер, когда возвращались домой, ели ромовую бабу.

— Ну, Малахов у меня получит, ребёнка спаивает.

— Почему спаивает?

— Потому что там по рецепту ложка рома.

— А было вкусно.

— Ну ещё бы...

Оставшуюся часть пути мама была злая. Зря я рассказала. Надо было так же не рассказывать, как про пирожки с капустой. Теперь отцу попадёт из-за меня.

Вечер прошёл тихо. Мать высказала отцу всё, что думает по поводу методов его воспитания. Ужинали мы в тишине. Перед тем как я совсем заснула, я вновь ощутила, что меня кто-то держит за руку, стало спокойно. Чудеса всегда рядом с нами.

18.

Утром мы стали собираться в лес. Прямо с утра. Мама сказала, что слишком сильно пахнет краской, так что мы пойдём по грибы. Это была потрясающая новость. Мама много рассказывала, как она со своей бабушкой ходила в лес. Как её

учили различать грибы и ягоды, как рассказывали о лекарственных растениях. Я тайком тоже смотрела книги про лесные дары, но вот в лесу была мало и мелко. Проходя мимо леса, когда шли к бабушке на дачу.

Каждый взял по рюкзаку, у каждого была с собой вода, но вот нож и спички мне с собой взять не разрешили. Мы поехали на автобусе за город, а потом шли в лес. Поначалу росли только берёзы и клёны, эти деревья я знала и в городе. Под деревьями ничего примечательного не было. Только папоротники да цветы.

Потом мы вышли к большим деревьям, они были как сосны, но темнее; папа пояснил, что это кедр. Мы собирали шишки в сумки. В таком лесу воздух был сырой и прохладный. словно нет никакого летнего солнца. Деревья мне все казались старыми богатырями, которые со снисхождением за нами наблюдали. А потом мы опять вышли в тепло, на поляну.

Денис устал, и мы устроили привал. Прямо в середине поляны, у куста. Отец разжёл костер, а мы с братом собирали ветки. Мама пошла в противоположную сторону от кедров, там росли просто деревья, и начала собирать грибы. А потом я под кустом нашла синего ослика.

— Мама, мам, смотри. Я игрушку нашла.

— Где?

— Да тут, под кустом.

— Ты уверена? Откуда ей тут взяться?

— Может, фея оставила? Чтобы Денис обрадовался и больше не боялся. Может, это волшебный ослик?

— А может, просто какой-то ребёнок?

— Нет, фея. Видишь, я умею искать. Можно я с тобой грибы соби́раю?

— Только будь в пределах видимости. Далеко заходить нельзя.

Я ходила рядом с матерью. И видела я только её, чем занимаются мой брат и отец, мне уже было не разглядеть.

Грибов было немного. Все они были спрятаны, и оттого было ещё интереснее их искать. Ножик мне не дали, так что приходилось каждый раз звать маму. Но мои грибы складывались ко мне в сумку. Так я точно знала: я что-то могу. Потом мы пришли к костру.

Отец уже обжарил на костре хлеб, овощи и куски мяса.

Мы все сидели на траве и весело общались. Мама рассказывала про лесных фей и их друзей—лесных животных. Про то, что всё в лесу правильно. Даже когда волк ест мышек или зайцев. Про то, что деревья и все растения, даже самые маленькие,—живые.

Я смотрела на траву, она была светло-зелёная и отливала жёлтым на солнце. Я всё думала, о чём мне может рассказать росток, который только пробился из-под земли.

Потом я взяла у брата синего ослика и начала его гладить. Игрушка была из пластмассы. Но складывалось ощущение, что все вмятины не выплавили, а вырезали, словно игрушка была из дерева. А ещё на игрушке не было швов, в отличие от других игрушек из пластмассы. Он был гладкий, с очень печальным взглядом.

Вернулись мы уже поздним вечером. Папа с мамой стали перебирать грибы и мыть их, а мы с братом играли в кубики. Ещё до того, как родители помыли все грибы, мы с Денисом уснули.

19.

Я зашла с семьёй в дом. Мой старший брат был немного болен, и мне постоянно приходилось следить, чтобы он вёл себя прилично. Жаль, что всю его красоту скрывало глупое выражение лица с открытым ртом, из которого вытекала слюна. Девушки и не видели, какой он добрый, честный и милый.

На этот раз наш батюшка отправил нас с братом свататься к одной зажиточной барыне. Она была нам не чета. У нас был титул. Но она была богата. Хотя её дом был из дерева, а наш из кирпича, её дом превосходил и количеством комнат, и убранством.

Я зашла с братом в комнату. Барыня почти лежала на диванчике с шёлковой обивкой. Всё её лицо уже давно утонуло в бесконечных складках жира. От неё пахло прогорклым маслом и стухшим сладким кремом.

«Анастасья, подожди нас в другой комнате, мне нужно решить с твоим братом одну дилемму».

Я поклонилась и вышла из комнаты. Нищета—это то, что заставило нас кланяться перед богатой, но необразованной чернью.

В соседней комнате был сын барыни.

«Анастасья, я так ждал этого момента».

Он слишком приблизился ко мне. В нос мне ударил смердящий запах из его рта. Как и его маменька, он не отказывал себе в сладком. Его замыленные глаза выцвели, возможно, от его бесхарактерности. Он придвинулся ближе.

«Я узнавал у матушки, дозволит ли она мне жениться на вас».

«Зачем же? Разве я чем-то вас обнадёжила?»

Я рассматривала его сальное лицо, всё оно было в воспалениях. Нельзя так долго жить ради своего желудка и не отплатить за это своим здоровьем.

Тут произошло нечто странное. Сначала перед моими глазами возник голубой свет. Он откинул Валентина на пол. Потом свет стал похож на змея, только с рогами, и я вспомнила, что это всего лишь мой сон.

В моих руках был сверкающий меч; возможно, он был серебряный. Китайский синий дракон извивался предо мной, словно он был в воде.

«Убей этого слизняка и его мать. В них сидит зараза. Скоро она созреет и всех убьёт».

«Но как можно вот так просто убивать?»

«С этим мечом просто, он режет абсолютно всё». Я подняла меч правой рукой и провела по лезвию пальцами левой руки. И тут они отпали. Сначала я увидела, как от моей ладони отваливаются пальцы, а потом почувствовала резкую боль. На ковёр полилась кровь. Боль была сравнима с болью при обморожении. Когда пальцы рук настолько замерзают, что ты их не чувствуешь, но где-то в глубине болят кости, так, словно их что-то ломает.

Я наблюдала это одновременно с ужасом и спокойствием— всё-таки это сон. Я посмотрела на Валентина, он действительно очень напоминал слизняка. Он не виноват в том, что болен. А это мой сон, и всё будет по-моему.

Я подошла и присела рядом с ним, отложила меч на ковёр и погладила его правой рукой по лбу. А потом закрыла глаза и ощутила его тело. Зараза разрослась в нём, как плесень. Я просто скомкала её и вытащила из его тела. Комок я мысленно сожгла. Валентин отключился и покрылся испариной, у него начался жар.

Потом я представила, как прохожу сквозь стену к его матери и повторяю процедуру.

Не всякое оружие мне подвластно, в первую очередь я раню себя. Хороший урок. Я встала и поблагодарила дракона. Мне было пора просыпаться.

20.

Утром, прямо как проснулись и позавтракали, мы пошли в гости. Дорога была, как и на пляж, через выцветшую дорогу с кузнечиками, только, не доходя до пляжа, мы повернули.

Дом был просто огромный. Он был самый крайний в ряду домов и самый большой. В нём были два этажа и огромный чердак. А ещё дом был тёмно-зелёный и от этого казался более величественным среди выцветших на солнце светло-голубых и белых домов, среди яркого неба и травы. Его словно забрали с другой картины и поместили в яркий мир.

На первом этаже люди даже не разувались, на полу была земля, хотя и стояла мебель. Правда, когда мы поднялись на второй этаж, мы поняли, что мебель, стоящая внизу, была просто не нужна хозяевам дома. Разница была огромная. На втором этаже всё было так, словно это кукольный домик. И всё было белым. Белые шкафчики, белые табуретки, белая скатерть. Диваны были бежевыми, а деревянный пол— побелен.

Внизу же всё было очень старым, в трещинах, и древесным. Ни на шкафах, ни на полках, ни на столах не было никакого покрытия, кроме многолетней пыли, которая впиталась в структуру дерева. Но там, внизу, всё казалось живым и правильным, а на втором этаже был кукольный мир.

Хозяйка дома была матерью одноклассника отца. Это была крупная низкая женщина с короткими чёрными волосами. Она тоже казалась чужой в этом

мире кукол. Даже её пирожки здесь были чужими, и мы спустились на первый этаж и сели во дворе.

Взрослые разговаривали о своих изменениях в жизни, Денис уплетал пирожки, а мне было очень скучно. Вокруг дома и стола, за которым мы сидели, росли лилии. За ними была железная сетка, которая что-то ограждала. Поймав мой взгляд, хозяйка дома предложила показать мне курятник. Родители были не против. Отец пошёл со мной.

За железной решёткой был целый зверинец. Сначала ко мне подскочила собака. Пока папа и хозяйка дома отгоняли её, ко мне подошёл телёнок. Он был просто огромный, но в то же время маленький. Он был ростом со взрослого, но таким наивным и ждущим тепла от всего, что, пожалуй, был младше моего брата. Я погладила его по голове и нащупала только появляющиеся рожки. К нам подошли мама с братом.

— Мама, смотри, у него только рожки появляются, они совсем малюсенькие.

— А ты знаешь, как отгонять коров?

— Нет.

— Скажи: «Цыля».

— Цыля.

— Нет. Надо громко и чётко, с нажимом.

— Цыля!

Телёнок медленно попятился назад, и я наконец увидела курятник. Хозяйка дома открыла мне дверцу, и я вошла вовнутрь. Здесь было темно, и везде сидели куры. А ещё здесь везде был страх. Страх многих существ. Мне это не понравилось, и я вернулась к телёнку. Но мне уже не дали его гладить. Родители сказали, что нам пора, и мы ушли.

21.

Через пару домов отец отошёл к одному дому и постучался. К нему вышел мужчина в куртке и с очень добрым лицом. С такими лицами вырастают настоящие хулиганы, которых ругает весь двор. Но у которых самая добрая душа.

— Так, дети, познакомьтесь: это дядя Володя. Сейчас он покажет нам голубей.

Мы поздоровались и пошли все вместе к голубятне. Всё-таки взрослые странные: в городе же полно голубей, чего мне их показывать?

Голубятня стояла посреди поля, поодаль от всех домов. Она была зелёной, но тоже выбелена солнцем. Воздух и кузнечики звенели пустотой неба.

Дядя Володя пошёл в голубятню, а мы остались в нескольких шагах от неё. Из голубятни в разные стороны двумя стаями вылетели голуби, а дядя Володя вышел с большой птицей на руке.

— Ну вот, дети, это ястреб.

Он снял с ястреба шлем и чуть дёрнул рукой. Огромная птица взлетела вверх, к голубям. Несмотря на то, что ястреба я видела в первый раз, я сразу поняла, что это хищная птица. Ну не может быть у поедателя крошек и червей такой осанки

и грации. Он весь был словно хороший стальной нож: твёрдый, гладкий и опасный. Я как-то уже гладила хороший стальной нож. Он был прохладный, рука шла по нему легко, но чуть зазеваешься— и можно порезаться. Лезвие—это очень опасно.

Так вот и ястреб—он тоже птица, но он охотился на голубей. Те разлетались от него, словно они и вовсе были не птицы, а ленточки. Они кружили и кружили. Будь они самолётами, о них бы говорили, что они делают мёртвые петли. Я с ужасом наблюдала за участью бедных голубей.

А потом я посмотрела, как летает ястреб. При всей его силе и мощи, он совсем не напрягался, он всегда затормаживал чуть поодаль от голубя, он просто с ними играл. Возможно, он просто был сыт или не хотел есть сородичей по небу. В любом случае для него это была лишь игра. Это меня успокоило. Хищники умнее своей добычи, и людей в том числе.

Дядя Володя свистнул в специальный свисток, и ястреб к нему вернулся. Он надел на ястреба шлем и вернул его в голубятню. А потом и голуби вернулись к себе домой как по команде. Вернулся дядя Володя с голубем.

— Ну что, хотите погладить?

Я подошла посмотреть на голубя. Он был белый, с нежно-коричневыми пёрышками. У него было гораздо больше перьев, чем у городских.

— А он не такой, как городские,— сказала я.

— У него и штанишки есть,— с этими словами дядя Володя чуть повернул ладонь, чтобы можно было увидеть, что на лапах у голубя тоже есть перья.

— Они что, снимаются?!— воскликнула я и, уже договаривая вопрос, поняла, что это просто название. Перьев голубь не снимает.

Взрослые посмеялись. Дядя Володя попрощался и понёс голубя обратно, а мы пошли домой.

Ночью мне снилось, как у меня есть свой ястреб и я скачу в доспехах на коне. Мы не охотимся, мы ищем старого короля, что ушёл в горы. Я ехала на коне по весеннему лесу. Дорога была лёгкая. Нам не нужно было скакать среди деревьев, по лесу пролегалка каменистая дорога. И так мы скакали до самых гор, где мне пришлось оставить лошадь и продолжить свой путь вдвоём с ястребом.

Почти на каждом камне росла весенняя трава. Земля под травой была тёплой, а вот камни были холодны. Я поднималась всё выше и выше. Чем выше я поднималась, тем холоднее и острее были камни. Трава уже не росла на них. Болели мышцы, и пальцы начали саднить. Наконец я добралась до пологой площадки. Рядом с ней был вход в пещеру. Ястреб спикировал мне на плечо. Это хороший знак: значит, король рядом. Мы вошли в пещеру...

Я проснулась и стала разглядывать свои ладони. Они не были сбиты в кровь о камни и были гораздо

меньше. Мне нравятся такие сны, в них мне гораздо больше лет, чем в жизни. А ещё мне очень жалко брата, он никогда не помнит своих снов и не верит, что я не придумала свои путешествия по дальним землям.

Мы позавтракали и пошли гулять по городу. В центре города были магазины. Когда мы проходили мимо них с отцом, мне показалось, что они ненастоящие. Запутаться было легко, они очень уж походили на иллюстрации из советских книг о школьных буднях. Вывески, витрины, даже двери—и те были копиями иллюстраций. Но теперь мы шли всей семьёй, и мама, словно генерал, руководила нашими действиями.

К неописуемому восторгу, первым делом мы зашли в двери, над которыми была вывеска, гласящая, что это «Детский мир». Двери были двойные и очень высокие. Когда они захлопнулись за нашими спинами, мы оказались перед широкой деревянной лестницей. Пахло деревом и мокрой пылью. Окна были на уровне второго этажа, так что мы оказались в полумраке. Для меня это было как открытие новой книги. Ты открыл обложку, а там ещё белые листы или бессмысленное повторение названия, и надо пролистнуть пару страниц, пока не начнётся повествование. Так и мы—открыли двери, но до самого детского мира нужно было подняться через тьму на второй этаж.

А на втором этаже были точно такие же двери. А за ними—комната. Огромная комната. Вдоль каждой стены стояли стеклянные прилавки, под которыми были книги, игрушки, канцелярия. Я держалась у мебели для кукол. Осмотрела всё, вздохнула, поняла, что у меня такого не будет, и пошла дальше смотреть ассортимент.

Мама что-то разглядывала и обсуждала с продавцом у соседнего прилавка с книгами. Брат с отцом рассматривали машинки.

Я прошла вдоль всех прилавков и остановилась у канцелярии. Карандаши и альбомы были нужны, но мама уже смотрит книги и если что и выберет, то это будет единственная покупка на день.

Потом я увидела, что продавались наборы ниток и бисера и иголки. Всё, что нужно для шитья. Я ещё не умею шить, но очень хочу научиться. Возможно, удастся уговорить маму купить набор ниток и иголок.

Я сделала ещё несколько кругов. В магазине было прохладно, несмотря на жаркий день. Продавщицы были в серых вязаных шалях на плечах и с горечью и завистью смотрели на нас, почти раздетых по сравнению с ними.

Я часто говорила с бабушками у папы на работе. Они рассказывали мне, что их тревожило. Я уже привыкла, что мне достаточно посмотреть в глаза человеку, и он захочет со мной говорить, и главное—рассказывать о себе. Сначала меня это пугало, а потом я поняла, что я—просто свободные уши.

Так и эти продавщицы—долго наблюдали за нашей семьёй отстранённо, пока я не подошла и не посмотрела одной из них в глаза.

Она начала склоняться ко мне почти с обречённым взглядом:

— Милая, а ты отдохнуть к нам приехала?

— Да, мы живём там, где было детство папы.

— А мои вот дети перестали привозить ко мне внуков, а я как раз кур купила, чтобы малышей баловать их безешечками. Они очень любят безе. А коровы в этом году очень плохо дают молоко. И мой старик всё нервничает и плохо спит по ночам...

Сзади подошла мама, я сначала поняла это по округлившимся глазам продавщицы, которая тут же поспешила ретироваться, а потом почувствовала тепло матери за спиной.

Мама ощущалась так, словно она была медведицей, большой и бурой. Брат был медвежонком, а отец—старым усталым львом. У нас была очень нескладная семья. Мы с отцом были чужие в этой семье и чужие друг другу. Но как-то вот мы жили вместе—наверное, от очень большой любви друг к другу.

Мама купила книгу Кипплинга. Там были странные рассказы о животных, с иллюстрациями, которые рисовались только четырьмя цветами, даже тремя: чёрный, красный, жёлтый,—белый можно не считать. Зато там было два текста на одну сказку, один текст был на русском, а другой на английском, и так все сказки в этой книге. А ещё она купила карандаши.

Мы вышли из «Детского мира» на залитую солнцем улицу и продолжили свою прогулку по магазинам, сошедшим с иллюстраций детских книг.

23.

Следующий магазин был продуктовый. Там толпились люди. На прилавках было много овощей, которые все игнорировали. Мама взяла две буханки хлеба, и мы пошли дальше по городу.

Солнце было везде. Казалось, мы дышали солнечными лучами, и нам всем требовался отдых, но тенька рядом не было.

Мы спустились к пляжу. Нам с братом разрешили разуться и пойти вдоль берега по воде. Идти было легко и приятно, но требовалась осторожность. Если идти чересчур быстро, то волны от ног начинали мочить шорты. Я осторожно делала шаг, и волны гладили меня по коленкам. Брат отставал, и я иногда возвращалась к нему.

Весь пляж был пистой, очень редко встречались люди, которые без интереса гуляли по пляжу. Будь тут песок, людей, наверное, было бы больше. Но пляж был каменистый. Чуть вдалеке виднелся большой белый корабль. На полуденном солнце он светился.

Когда мы дошли до корабля, у входа выстроились художники. Они продавали свои картины,

написанные маслом. Мама всего один раз рисовала при нас маслом. Она рисовала бабушке на день рождения рябину. Это было очень красиво, но больше мама ничего при нас маслом не рисовала. Картины на пляже были хуже тех картин, что висели у нас по всему дому в городе.

Папа встретил ещё одну свою знакомую, и нас пустили на корабль. Он был большой, в несколько палуб, и на нём организовали выставку картин. В этих картинах была жизнь. Казалось, что листва шелестит на ветру, а волны вот-вот выльются с картины. Каждая картина была отдельным миром. Даже простой натюрморт был настолько объёмным, что каждый предмет хотелось потрогать.

Я долго рассматривала каждую картину, затаив дыхание. Я неслышно переходила от картины к картине. Смотрела, как художник вёл мазок, какие цвета смешивал. Я как-то сидела за спиной художника, пока он писал картину, и сейчас мне живо представилось, что я наблюдаю, как писались эти картины. Когда-нибудь я смогу так же просто нарисовать что-то, и в рисунке будет жизнь.

Мы ушли с корабля, по-моему, слишком быстро. Я бы хотела побыть там до самого вечера, но мы куда-то торопились. А потом я поняла куда. Мы шли к кинотеатру. В зале опять никого не было, и мы смотрели фильм одни, всей семьёй. В кинотеатре всегда холодно, как-то по-серому холодно, не болезненно.

Фильм был про мальчика-сироту, которого все дразнили. А он спал в автобусе и был всегда в чёрном. Меня поразил этот фильм, и я всё жалела, что не запомнила его название. Я шла и думала, как же трудно жить одному. Никто не верит, что ты что-то делаешь честно, все ждуют, что ты вор и разбойник. Почему же люди такие злые и глупые?

Дома я читала Кипплинга. Сказки были с очень странной логикой. Я понимала, что нос у слона длинный не из-за крокодила, а кошки не так получили право гулять сами по себе. Зачем же врать и объяснять всё по-своему? Хотя было смешно. Я прочла Денису сказку вслух, и он смеялся.

Родители делали в большой комнате уборку и перестановку. Потом они пришли к нам в комнату, и мама сказала отцу повесить мой чёрный ковёр в угол на стену. Потому что так теплее будет. Я готова была разрыдаться: это был мой ковёр специально для моего сидения на крыльце. Почему она не хочет оставить мне ничего моего?

Я прижала к себе книгу и забилась в угол кровати, с головой уйдя в эти сказки до самого вечера, пока меня не заставили ужинать.

Засыпая, я снова ощутила, что мою ладонь сжимают. Ну, хоть это у меня забрать нельзя.

24.

Утро началось со ссоры родителей. Похоже, всё входит в мирное русло. Мама полезла на чердак

смотреть, что там есть, а отец заперся в большой комнате. Нас же вывели с игрушками на крыльцо.

Погода была солнечная. Всё же Енисейск — удивительный город солнца. В Красноярске погода изменчивая и своенравная. Бывают такие ветра, которые вырывают с корнями деревья, а у самых крепких деревьев ломают ветки. Выходишь после такой бури на улицу, а по дороге ветки разбросаны, и самые большие уже пилят рабочие.

Тут же было тепло и спокойно, а главное — солнечно. Солнце было везде, даже в самые тёмные тени оно приходило бликами через пыльные стёкла. Интересно, а какое солнце на вкус?

Вот ветер — он как холодная вода из-под крана, почти безвкусный, но оставляющий сладость на языке. Очень странную сладость. Вот после сладкого чая во рту кисло, а после такой сладости ничего подобного нет. Солнечный зайчик — он как зрелая ранетка. Ранетка ведь кислая, так что глазки сжимаются, а потом оказывается сладкой. А когда первый укус делаешь, сок же брызжет прямо, так что нужно быть осторожным. Так же с солнечным зайчиком. Только прикоснёшься, как он отразится или зальёт тебя светом.

Очень странно, как свет, и вкус, и звук могут переплетаться и сравниваться. Слово одно может стать другим. Хотя, может, это действительно так? Растения же как-то это делают.

Играть с братом мне надоело, да и называть это совместной игрой было трудно. Либо он смотрит, что делаю я, либо я смотрю, что делает он. Либо мы просто существуем рядом, но каждый в своей игре. Диалог у нас выходил редко. В основном мы делились тем, что узнали отдельно друг от друга. В других случаях мы не видели смысла общаться. Мы и с людьми — то не видели смысла общаться, но они требовали от нас слов.

Я решила попробовать перелезть через перила и спуститься с другой стороны крыльца. Я пролезла между перилами и оказалась снаружи крыльца. Оно обрывалось резко, но стена была не гладкой, доски были прибиты неровно, с выступами, первый выступ был самой большой, деревянный брусочек толщиной с мою ладошку. Я переместила на него ногу и спустилась руками вниз по перилам. Они были гладкие, словно отполированные солнцем. Потом подходящей опоры не было, и я повисла, руки мои крепко держались за перила, но быстро уставали. Прыгать было высоко, да и внизу была крапива. Маленькая, но жгучая.

Когда мама с братом только приехали, мама сказала, что в этот двор нужно нагнать индюков. Они любят есть крапиву. Крапива росла вдоль всего забора, и ещё она была высокой, некоторые кусты были выше папиного плеча.

Я подумала и влезла обратно на крыльцо. Всё же я ещё мала для такого.

Очень странно понимать, что ты ещё к чему-то не готов, чего-то не можешь. Ведь если подумать, то можешь-то ты всё, ну, как это делается, ты в основном знаешь. А если не знаешь, то можно посмотреть.

Мама спустилась с чердака и вышла с тазом на крыльцо. В тазу были сокровища. Там были какие-то ткани, и какое-то стекло, и фигурки, и книги. Она разложила всё у бочек и устроила стирку. Пока она была занята, я подошла сзади и начала изучать, что же было на чердаке.

Там был бюст Гагарина, у него было такое радостное лицо, что я решила, что он будет очень хорошим другом. Я стояла и осторожно счищала пальцем пыль, ведя по его шлему. Как же всё-таки интересно устроен скафандр... Жаль, что это лишь копия и без стекла. Я провела по носу Гагарина, счищая пыль. Надеюсь, никто не обижается, когда ему чистят лицо от пыли.

Ещё там были ключи, они были разной ржавости, и они были не городскими. Эти ключи были как из сказок, с большими узорными петлями, тёмные и тяжёлые. Я забрала два в карман. А ещё было несколько свечей. Некоторые из них уже жгли. Я забрала те, что оплавилась. Только так можно спасти ключики от ржавчины.

Из стеклянных предметов там была чернильница. Но мама уже успела запретить её трогать. Она была из зелёно-голубого стекла. И на дне у неё высохли чернила. Всё дно было чёрным, а вот ближе к стенкам чёрное пятно светлело и оказывалось фиолетовым. Я и не знала, что чернила фиолетовые, они же чёрными должны быть.

Было несколько маленьких вазочек, разных, очень маленьких. В Красноярске у нас были большие вазы под букеты. И даже одна огромная, в которую мы ставили еловые ветки.

Вазочки были очень красивые. Даже маленькая вазочка из коричневого стекла была сделана так, словно она бутон. У неё была подставка из жёлтого металла. Он легко гнулся и был вырезан из одного круга. Тоже в виде лепестков. Через один они были загнуты то вверх, то вниз, нижние были своеобразными ножками. А у верхних была ещё одна отдельная кайма. Так что был основной лепесток и ещё отдельный контур. Я раздвинула контур и листок у каждого лепестка и поставила вазу в подставку. Получилась очень странная водяная лилия. С золотисто-розовыми лепестками и с тёмным бутонем, который на солнце был тёмно-медовым. И зачем с такой вазой нужны какие-то цветы?

Была ещё фарфоровая вазочка, белая, но не как лист. На белом фарфоре была плёночка, как будто крылья стрекозы. Если просто смотреть, то прозрачная, может, чуть мутная. А чуть повернёшь — и видны голубые и синие блики. Как в ракушках перламутр. Вазочка была высокая,

в две мои ладошки, она походила на женское платье. А ещё—немного на фонтан. Сначала была длинная юбка, от основания и почти до самого верха. Потом горлышко резко сужалось, образывая бортик. С двух сторон шли тоненькие ручки, круглые и приплюснутые. Как если бы на полую трубочку нажать, и она сохранит углы. А вот после резкого сужения горлышко расширялось таким образом, словно это не фарфор, а вода, не ваза, а фонтан.

Сначала я всю её погладила, она была гладкая и такая старая, что от неё чувствовалась усталость. А ещё—недовольство темнотой. Только потом я стала рассматривать мелкие цветочки на каждой стороне перед сужением. Это были синие васильки. По пять с каждой стороны, но не одинаковые. С тёмно-зелёными листьями.

25.

Вечером мы просто сидели и радовались новым милым вещам в комнате. Она словно совсем ожила. Словно все эти вазочки и фигурки были её сокровищами, кольцами и серёжками для девушки. От такого большого количества свалившегося и на нас, и на комнату счастья уснуть было просто невозможно.

— Мама, расскажи, пожалуйста, сказку,— попросила я.

— Какую?

— Какую-нибудь.

— Какую-нибудь не пойдёт. Я вам расскажу, какие феи над вами летают. Только, чтобы феи себя показали, надо закрыть глаза и совсем их не открывать. Если открыть, они снова будут невидимыми.

Я закрыла глаза. Хорошо быть мамой, все существа тебе доверяют и не боятся. Мама—она как волшебница. Я, когда вырасту, должна стать такой же сильной, чтобы феи и мне показывались. — Над Денисом летает синяя фея. Она молодая и очень красивая. У неё с крыльев сыплются голубые искры, они сыплются на веки и приносят спокойствие и хорошие сны. У неё тёмно-коричневые волосы, как кора сосны, и голубые глаза. А волшебная палочка тоненькая и прозрачная, как из стекла. Только это льдинка, с помощью неё она охлаждает любую боль, и всё проходит быстрее.

Я лежала с закрытыми глазами, но при этом мне виделось, как я стою между шкафом и печкой у изголовья кровати и наблюдаю, как над кроватью Дениса летает голубой огонёк. Когда я захотела разглядеть фею, я словно приблизилась к кровати и увидела синее платье феи и конусную шляпу, и я видела, что фея улыбается.

— А над Соней летает старая фея. Потому что Соне нужно поумнеть, а эта фея приносит мудрость. У неё жёлтое платье и золотые крылья. Волосы её убраны в причёску, и на голове корона. У неё очки в золотой оправе и золотая палочка.

Стало почему-то обидно. Я ведь и так не глупая. Фея, конечно, спасибо—может, с помощью неё я и стану самой умной. Мама ведь её специально позвала. Я ведь, по её мнению, глупая совсем.

Ну ничего, я вырасту, и пока буду расти, буду изучать совсем всё. И тогда мне уже не будет нужна мама, и я уйду. Я словно и лежала на своей кровати, и сидела. Та часть из меня, что сидела, могла смотреть. И она смотрела прямо в лицо старой фее. Я поклонилась. И правда, зачем мне спокойные сны, если я сама могу выбирать, куда мне путешествовать?

Кровать подо мной начала качаться, словно я плыла в лодке. В какой-то момент я поняла, как надо дышать, чтобы лодка качалась сильнее.

26.

Я была в парке. Это парк по дороге из дома к телевизорному парку, у самого книжного. Только сейчас в нём было больше деревьев и гораздо темнее. Я подошла к дереву, в нём была дверца, как на фонарях. Открыв её, я увидела внутри что-то наподобие кукольного домика, только он был в дереве. Когда я потянула к кровати на втором этаже руку, я оказалась на этой самой кровати. Внутри всё было так, словно не для кукол. Детскую мебель делают очень неправильно, в ней не могли бы жить уменьшенные люди. А эту мебель делали маленькие люди. Или её уменьшили так же, как и меня.

Я была в ловушке, дверца закрылась. Я находилась в доме, где свет был только от электричества...

А потом я начала звать. Как будто весь окружающий мир вокруг меня был океаном, и я могла посылать мысли волнами. Как на рисунках про радио.

Дверь открыл парень, он достал меня, словно я была Дюймовочкой. Только за границами дерева я стала нормальной и упала на траву.

27.

В веки бил летний солнечный свет... Родители что-то делали в комнате, тихо, чтобы нас не вспугнуть. Я открыла глаза и увидела, что они собирают сумки. Я сразу поняла, что мы уезжаем.

Это было ужасное утро. Мама увидела, что я проснулась и что я расстроена.

— Отца срочно вызывают на работу, какие-то проверки до начала учебного года, он же председатель профсоюза.

— А мы не можем остаться?

— Нет. Но мы зато к бабушке на дачу сможем этим летом ещё съездить, там хорошо же.

— Там пауки. Это больно.

— Ну, значит, мы не останемся на ночь. Собирай пока игрушки.

Собирать было нечего. Я собрала книги и села рисовать, пока не проснулся брат.

Мама готовила завтрак, а папа побегал за билетами, автобус отходил в два часа дня.

Я просто сидела и рисовала лица на маленьких листочках. Вот бы было просто: нарисовал лицо — и у тебя есть друг. Жалко, я не могу, как в фильмах, представить, что они действительно живы, что могут шевелиться и говорить. Всё, что они могли бы сказать, — только мои выдумки.

Проснулся Денис. Мы позавтракали. Пришёл отец, весь растерянный. Искал долго городские брюки; собрав весь городской костюм вместе, он пошёл в другую комнату и переоделся. Разница была не большой, но в городском костюме он не сутулился.

А потом мы собрали вещи и пошли на автовокзал. Там толпились люди с разноцветными тряпками на продажу. Была ли это одежда, или шарфы, или скатерти, они накидывали это на левую руку кучей-малой и расхаживали среди ожидающих автобус и покупающих билеты. Всё было на улице, прилавков не было. Продавщицы были чумазыми и серыми, отчего ткани у них в руках казались ярче. Изнурённые отъезжающие смотрели на них с раздражением и всеми силами старались их избежать. Иногда какой-нибудь из мужиков начинал на них орать, и продавщицы ненадолго отходили от людей.

Приехал автобус, и мы в него погрузились. Прощай, Енисейск.

Часть вторая

28.

Весна. В Красноярске уже начали распускаться первые почки.

Мы ехали в Енисейск. В автобусе было холодно. Телу ещё нормально, а вот ноги промёрзли до костей; я пыталась сжимать пальцы в ботинках, но это не очень помогало. Папа спал. Хорошо ему, он может спокойно отрубиться, и ему ни холод, ни запах не мешают. Мне же было очень плохо, и уснуть не получалось. Всю дорогу я пыталась не обращать внимания на тряску и холод и постоянно заставляла себя уснуть. Лишь под конец пути мне удалось отключиться.

Когда мы вышли, была ночь, тёмная и холодная. До дома мы дошли быстро. Отец открыл дверь, и мы зашли в абсолютно промёрзшую комнату. Дом был живой, но очень сонный. Папа разжёг в печке огонь. Но это почти никак не повлияло на ситуацию. Он оставил огонь гореть, и мы пошли к бабе Наде.

Она была нам рада. Даже странно, учитывая ночь и холод. По всему городу лежал снег. Есть я отказалась и просто легла спать.

Наутро я поняла, что я снова дома. В веки бил свет, яркий солнечный свет. Снова пахло старой

древесиной и травой. И молоком. Когда я открыла глаза, я поняла, что я самый счастливый человек.

Папы в доме не было, а баба Надя хлопотала на кухне. Всё это очень напоминало прошлую поездку. Только за окном не было зелени, белые кружевные занавески обрамляли белый свет из окна. Контуров невозможно было различить. Баба Надя уже заметила, что я проснулась, и поставила на стол оладушки.

— Садись пока завтракать. Саша ушёл комнату вашу прогревать, скоро вернётся. Только ты всё съедай, а то помню я твои проделки.

Я улыбнулась и села за стол. Несмотря на то, что я была значительно ближе к окну, нас разделял только стол, картинка за окном чётче не стала. Всё было белым-бело и светилось. Похоже, снег быстро таял только в городе, тут ещё царила зима. Я ела оладушки с чаем, от сметаны я отказалась, мне мама рассказывала, что от неё мне будет плохо. В городе мне было плохо от любого молочного продукта, кроме сыра.

Пришёл папа, и мы пошли к нашему дому. На всех крышах были огромные сугробы, чуть ли не в метр. На некоторых домах стояли мужики и лопатами спихивали сугробы вниз. Сначала всё было нормально: коричневые дома и белый снег. Потом всё стало чёрно-белым, только чёрные дома и очень белый снег, а люди были как тени. А потом всё стало белым. За те пять минут, которые мы потратили на путь до дома, я видела лишь белый свет с редкими розовыми и жёлтыми искрами. А потом всё стало изумрудным. Мне стало страшно.

Когда мы зашли в дом, всё пропало, и вокруг стало просто очень темно, а потом перед глазами стали расплываться изумрудные пятна.

— Пап, а я в изумрудном городе, — сказала это спокойно, а то папа мог перепутаться.

— В каком смысле?

— У меня в глазах опять всё изумрудное, как после капель для глаз.

— А голова как?

— Кружится. Но не сильно. Да это ничего, всё пройдёт.

— Ну смотри.

Мы зашли в комнату, стало гораздо теплее. Слышно было, как потрескивал огонь. Стали снова возвращаться краски. Свет в комнате был только от окна. В комнате ничего не переменилось. Только пол был весь в пыли, и наши мокрые следы сразу становились чёрными пятнами на почти оранжевом полу. Цвет был не чистый, как смесь оранжевого и капли коричневого или как старая ржавчина.

Я села на кровать. Покрывало было всё ещё холодным.

— К вечеру я всё протоплю, и мы сможем спать уже здесь, — сказал отец и начал перестилать большую кровать.

— А мама с Денисом когда приедут?

— Завтра вечером. Мы ещё должны им отправить телеграмму, что можно приезжать.

Я помогла папе перестелить обе кровати. Тахту мы решили не трогать пока, всё равно спать по одному будет холодно.

А потом мы пошли на почту. Снег был очень красивый. От тёмно-синих теней там, где он почти сползал с крыши, до золотистых пиков — отражений полуденного солнца. Наверное, так и появилась идея с куполами. На каждом доме был свой золотой купол. Только очень большой, не такой, как на церквях. Снег хрустел под ногами и совсем не скользил, он был совсем не как городской. Он был настоящий.

Но когда мы уже дошли до почты, я снова перестала видеть. Весь мир вокруг стал изумрудным. Может, Енисейск — это тоже сказочная страна? На почту я заходить не стала. Осталась на крыльце дышать воздухом. Голова кружилась, и я держалась за деревянные перила. Варежки я сняла. Холод бодрил, и я перестала бояться. Просто стояла с закрытыми глазами, слушала и дышала медленно. Чтобы услышать всё.

Мужики на крышах переругивались, в какую сторону лучше спихивать снег. Иногда можно было услышать мычание коров. Казалось, что им страшно. Мне представилось, как они стоят в своих домах и по их крыше кто-то ходит. Это и правда страшно, если не знать всего. Значит, бояться только люди, которые не знают чего-то. Как коровы в тёмном амбаре.

Вышел папа.

— Так, ну я всё отправил, пойдём теперь за хлебом.

Я взяла папу за руку и прижалась к нему.

— Ты что, опять не видишь?

— Просто изумрудный город.

— Так. Значит, домой.

Папа взял меня на руки и понёс домой. Хорошо, что это не город и нет гололёда. Это нельзя было сравнить с лодкой, папа торопился, и я словно летела по кочкам. А изумрудные и белые пятна проносились мимо.

Дома он начал собирать вещи.

29.

Он взял меня за руку, мы пошли к автовокзалу. Глаза слезились от холода и боли. Свет давил на глаза так, словно он был живым. Было обидно, словно Енисейск выгонял меня. Я старалась держать глаза закрытыми. В автобусе я сразу уснула.

Часть третья

30.

Мы снова ехали в Енисейск. За окном мелькали цветы и зелень. Всё было освещено солнцем.

В прошлый раз я уезжала в слезах, город словно выгонял меня. Зато потом он извинился.

Когда мы вернулись в Красноярск, оказалось, что у нас не было ключей от дома, и мамы с братом тоже не было. Они поехали, даже не получив телеграмму. Мы были посреди города, в котором я родилась и выросла и который так и не перестал мне быть чужим. Но тут случилось сразу много чудес подряд, которые привели нас к двоюродной тёте, которая была лишь номинальным родственником, по документам. Несмотря на это, она пустила нас переночевать. А их кот вылизывал мне волосы, пока я не уснула.

Ездить в автобусах мне было всё так же тяжело, но я была очень рада, что лето будет радостным. Ведь это был самый прекрасный город — Енисейск. А после этого лета я пойду в школу.

Приехали мы вечером и, оставив вещи в комнате, пошли к бабе Наде. Она была очень рада, что мы приехали, даже странно. Мы каждый раз будим её почти ночью, и она всегда нам рада. Она была всё такой же сказочной, хоть и стала медленнее двигаться. В её доме стало сильнее пахнуть травой и цветами. А ещё везде был запах мёда.

— Мне тут сестра привезла банки мёда. Будете? Очень полезно.

— Конечно, будем, с чаем, — ответил папа.

— А может, лучше с молочком? У меня недавно моя Мара родила телёночка и уж очень много молока даёт. Уже и творог делаю, а всё равно много. Так хоть молочка попейте. Не парное, но тоже полезное.

— У Сони с молоком совсем беда.

— Так то ж с городским. Хотя, может, и не надо. А то к Витальевне внука привезли, а он совсем ничего есть не может, городской совсем, от нормальной еды совсем плохо.

Папа пил молоко с мёдом, а я ела хлеб с мёдом и запивала чаем, в котором плавали цветы. Даже без сахара он был сладкий. Правильно сладкий, как холодная вода, без кислого осадка на языке.

31.

Я гуляла по старому городу, совсем незнакомому. То, что он старый, показывали только редкие деревянные дома с очень красивыми узорами. Но в основном все дома были современные. Я шла по длинной улице, где дома разделялись дорогой не для машин, а для людей. А под ногами были плитки мелкие. Справа и слева были магазинчики. Я зашла в один из них и увидела огромное количество масок. Они были разные, в венецианском стиле. А когда я подошла к одной из масок, висевшей на стене, из стены вышел человек, на лице которого висела эта маска.

«А эта маска — ваше лицо?»

«Конечно, нет», — ответил человек в маске спокойным мужским голосом.

«Вы играет в театре?»

«Нет, я просто гуляю.»

«А вы не знаете, куда мне идти?»

«Ты тут пока ненадолго. Можешь прогуляться со мной, если хочешь.»

«А куда вы идёте?»

«А я и сам ещё не решил, в этом и есть прелесть прогулки.»

На нём был чёрный балахон в маленьких ма-
сках, чёрные бархатные бриджи и золотые туфли
с длинными носами. Наверное, в таком не очень
удобно гулять. Человек в маске посмотрел на меня
и вышел на улицу.

Люди никак не реагировали на его вид. Нет, это
уже слишком. Я пошла в глубь магазина и нашла
выход с другой стороны. Вышла я уже в зимний
город. Было холодно и снежно. Мимо пробежали
люди с покупками, всё мигало и искрилось.

«А ты умеешь гулять лучше меня...» — сказал
за моей спиной голос.

Я повернулась и увидела человека в маске.

И тут я проснулась.

32.

Папа сидел и рассказывал, что мама думает по-
лучать образование, ещё одно. А Денис оказался
очень талантливым в музыке.

— Ты только представь. Он сначала сидел и просто
повторял все упражнения, которые ему показы-
вали. И когда все тесты прекратились, профессор
подошёл и сказал, что задатки у мальчика есть.
А в это время Динька подошёл к роялю и сыграл
свою любимую песню, которую раза два по радио
слышал. Да, одним пальцем и только основной
мотив, но абсолютно ровно и не ошибаясь в нотах.
Конечно, его надо в музыку отдавать.

— Ну а Сонечку куда?

— Галя говорит, тоже в музыку. Она ударницей
будет, мы уже учителя нашли.

— Так она же рисовала.

— Галя говорит, ей для здоровья будет полезно

— И вы девочку в барабаны запихнёте?

— У неё учительница тоже женщина. В театре
оперы и балета работает.

— А, ну если так.

Я села и потянулась. Есть не хотелось совсем.
Солнечные лучи грели, и мне казалось, что я могу,
как растение, питаться солнечным светом. Но есть
меня всё-таки заставили.

А потом мы пошли домой. Солнце было везде,
и теперь оно не било мне по глазам, а грело и под-
бадривало. Наши весенние следы так и застыли
на полу, да ещё и собрали несколько слоёв пыли.

Мы убирались и радовались, протирая каждую
фигурку от пыли. Я словно здоровалась: «Здрав-
ствуй, Гагарин, здравствуй, вазочка с цветочками,
здравствуй, чернильница, здравствуй, вазочка-
цветочек».

Я протирала их, и они по-новому блестели на
солнце.

Отец расчистил ещё и большую комнату и по-
весил белые занавески, в ней было два окна и одна
кровать. А ещё в ней был огромный стол. Он был
с резной ножкой, прямо как мой столик принцес-
сы. Только ножка была толще, стол ниже и очень
широкий. Я поставила на подоконник Гагарина
и выглянула в окно. Из этого окна были видны
двор и бочки. А второе окно выходило на амбар.
Комната была светлее и больше.

33.

Когда мы всё убрали, мы пошли в гости к тётё
Ане. Папа по дороге рассказывал, что всю жизнь
дружил с её сыном дядей Валерой. Тот просил пе-
редать своей матери, что они приедут этим летом.

Двор был очень странным, справа был дом,
в нём — три крыльца, и он был очень длинный
и одноэтажный. А ещё он был из кирпича, что
ещё больше его выделяло на фоне других домов.
Крыша у него была красно-кирпичной, а стены —
жёлтыми. И казалось, что домик кукольный. Но
стоило посмотреть влево, и ощущение менялось.

Слева стояли покосившиеся деревянные дома-
ки. Они тоже стояли ровным рядочком, изображая
общую конструкцию, но у них это не выходило
совсем. Деревянные стены соседствовали с же-
лезными решётками и сетками. В одних клетках
был курятник, а в других сидели гуси. Где-то были
замки навесные, а где-то врезанные. И всё это
абсолютно точно делалось жильцами этого дома.

Тётя Аня жила в первой квартире. Мы под-
нялись по красному крыльцу, краска местами
облупилась, но крыльцо было чистым. Дверь нам
открыла очень крепкая женщина, она была чуть
пониже папы. А ещё у неё были красивые чёрные
кудри.

— Ой, Сашенька, заходите. А я тут супчик толь-
ко начала готовить. Что ж ты не предупредил,
что с Сонечкой придёшь? Я бы чего сладенького
приготовила.

— Да мы вот сегодня первый день, вчера поздно
приехали. Как поживаете-то, тётя Ань?

— А чего мне делается? Куры вон так зиму пе-
резимовали, что теперь из подвала несколько
несушек и вовсе уходить не хотят, всю ботву мне
там пощипали. А так ничего, живу потихоньку.
— А здоровье как?

— Да тьфу-тьфу-тьфу,— она постучала по столу
кулаком.— Не жалуясь. Ты Валерку моего давно
видел?

— Да пару дней назад.

— И как он поживает? Как девчонки?

— Да они на неделе приедут погостить.

— Вот радость-то. Спасибо, хоть предупредил,
я хоть всё приготовить успею. А то любите вы,
шалопай, как снег на голову свалиться.

Она отодвинула ковёр на полу и открыла дверь подвала. Послышалось кудахтанье. Тётя Аня полезла вниз и включила лампочку.

С двух сторон от лестницы стояли стеллажи, на которых стояли банки и лежали овощи, на полу лежала картошка. На правом стеллаже целую полку занимали две курицы. Тётя Аня ругала их за то, что они поклевали листья свёклы.

После того, как мы съели суп, меня повели к курятнику на улице. Это был деревянный домик ровно напротив её крыльца. Основную часть стены занимала железная решётка, через которую можно было различить кур.

— Это сейчас непонятно, что там, зато первые солнечные лучи они ловят,—пояснила тётя Аня.

Внутри было темно и пахло сеном. Курицы не боялись свою хозяйку и даже любили её.

— А после курятника у меня огород.

Она открыла вторую дверь, за которой я увидела грядки с рассадой. Несмотря на неряшливость курятника, всё мне казалось каким-то кукольным. Словно для неё возвращать огород и ухаживать за курами не было тяжёлым трудом. Всё было сказкой или развлечением, и всё для неё было легко и просто.

— А петух старый, да молодого нельзя покупать ещё, подерутся. А убивать жалко. Я могу и мужиков попросить, чтоб они ему голову отрубили, да только мне его и правда жалко, хороший он. Да и курам крик петуха важнее всего, они и так несутся, так что пусть пока живёт.

Петух был чёрный и щуплый. Передвигался по курятнику медленно и немного шатаясь. Он был похож на отставного военного, у которого есть и медали, и ордена, да только он уже так стар, что передвигается с трудом. Так что о былых подвигах напоминают лишь его выправка да усы. А усы, точнее, гребешок и борода, были у петуха знатные. Алые, и гребешок чуть набок был повернут, как фуражка.

Когда мы вышли обратно во двор, мы начали прощаться. А потом пошли к булочной и купили ромовую бабу. Возвращение традиции мне понравилось. Казалось, что время в Енисейске остановлено, и пока мы тут находимся, всё, что за границами города,—не важно. Как будто граница города—большая прозрачно-голубая стена, за которой остальной мир.

Дома я нашла стопку религиозных журналов и, от отсутствия другого чтения, решила их почитать. Кроме огромного количества притч и рассуждений, как всем надо жить, не очень умных, на мой взгляд, там были интересные статьи. Всегда в середине журнала и с другим оформлением. Были статьи о банковских картах и о зависимости от телефонов. Мне казалось, что это статьи о том, как люди живут в Америке, только написаны за чем-то русским языком. Когда я всё это пыталась

понять, граница между Енисейском и общим миром утолщалась. Словно, кроме пространства, в эту границу каким-то образом замешивалось ещё и время.

— Завтра мы поедем на речку,—сказал папа, укладывая в рюкзак купальники и полотенца.

— Енисей?

— Нет, на Кемь.

— А это где?

— Это за городом. Там, где новые дома.

34.

Я была охотником в фабричной части города. Я лазала, как ящерица, между трубами, объединяющими все здания этого района. На этот раз у меня было два заказа. Найти юного подмастерья, он был с Диких Болот, и ему требовались инъекции раз в пять дней, чтобы выжить. А ещё—убить одного шулера, который посадил на долги большую часть инженеров.

Я лезла по трубам, осторожно рассчитывая каждый шаг, крепления труб местами проржавели и могли не выдержать дополнительной нагрузки. Убить проще, чем найти, хотя до инъекции осталось меньше суток.

Выбрав удобный ракурс, я села ждать в засаде. Скоро в пабе должен был появиться мой клиент. Тут всё просто: он садится на своё любимое место, и стрела из арбалета приходится аккуратно между его бровей.

«А вы не могли бы привести меня к мастеру по драгоценным камням?»—голос был прямо за спиной.

Неужели меня раскрыли?

Я обернулась и увидела нечто странное. Глаза были зелёные и таких размеров, что всё лицо больше напоминало змеиное. Ушей почти не было, зато на скулах были непонятные зелёные болячки.

«Ты тот ученик с Болот, что должен получить новую инъекцию?»—спросила я скорее для очистки совести.

Все данные по его внешности были мне переданы вместе с предоплатой на заказ.

«Мастер меня уже ищет?»

«Да, сегодня он нанял меня; видимо, совсем отчаялся—таких, как я, вызывают в последнюю очередь».

Под нами прошла моя первая цель, я сняла с пояса наручники и приковала парня к креплению трубы. Как только моя цель села, я увидела, что трактирщик любезно открыл перед ним окно. Вот прохвост, неужели он ему тоже должен?

Точный выстрел, и по всему бару раздались радостные крики и овации.

Я повернулась. Глаза парня стали красными и смотрели на меня с ужасом.

«Не волнуйся, он очень плохой человек. А теперь мы отведём тебя домой».

Я лежала и наслаждалась солнцем. Оно было на всех стенах и мебели. Отражаясь, оно словно лоскутками висело на каждой поверхности. В комнате было тихо—значит, папа ушёл. Надо бы поздороваться с Гагариным. Я встала, надела уличные вещи, а потом пошла в соседнюю комнату.

Папа уже был там и готовил на маленькой плитке рис.

— Проходи пока, скоро будет готово.

Большой стол стоял у окна, которое выходило в сторону бочек и теперь было открыто. Я подошла к окну. Несмотря на то, что стол стоял плотно к стене, он был круглый, и с двух сторон можно было свободно пробраться к окну.

Под окном были видны ступеньки от крыльца и зелёный почтовый ящик. Я могла бы до них дотянуться, если бы высунулась чуть больше. Но это уже было не так удобно.

Мы позавтракали.

На обед папа пожарил картошку и положил её в стеклянные банки. Ещё папа взял огурцы и помидоры, а в последний момент папа положил в рюкзак ножик.

36.

Нашу остановку мы спокойно прошли, потому что нам ещё нужен был хлеб. Магазин находился напротив дома бабы Нади, только чуть дальше по улице. Купив хлеб, мы пошли к другой остановке.

Ехали мы спокойно, людей было мало, и они жались по углам, словно боялись автобуса.

Сначала мы проехали центр города, потом была его окраина, везде были деревянные дома. Только на окраине краска облупилась. А потом дорогу стали окружать только деревья. Папа решил выйти на одной из остановок. Как он их различал и знал, где мы находимся, я совсем не понимала.

— Ну как, ты хочешь на дикий пляж или на общественный?—спросил папа.

— Да мне всё равно...

— Тогда давай пока на дикий. На общественном людей много.

Мы спустились по левой тропинке и вышли к каменистому берегу. Рядом был остров. Да и противоположный берег был не таким далёким. Мы разложили плед и переоделись. А потом я пошла в воду. Это был совсем не Енисей, это была девочка. Вода была мелкая и очень быстрая, а ещё она искрилась, как огранённые камешки, если их вертеть. Я так иногда с подвеской делаю, закручу, а потом она сама вертится, и блики во все стороны.

Лечь на воду не было никакой возможности, сносило сразу и очень быстро, плыть против течения не выходило. Вот и оставалось просто стоять и играть с этим непокорным ребёнком.

Несколько раз мимо нас проплывали лодки. А потом мы решили пообедать.

— Ну вот я дурак: ножик взял, а ложки забыл.

— А можно есть палочками. Я в журнале прочитала, как есть палочками, там даже показано было, как их держать.

— Как интересно. Ну хорошо. Я сейчас тебе палочки от коры почищу, и ты мне покажешь.

Папа взял на берегу похожие палки и счистил с них кору; это было не то же, что на картинке, но я смогла их правильно взять и даже приноровилась брать ими картошку из банки. Папа серьёзно за всем наблюдал.

— Ты, конечно, молодец, но мы люди простые.

К тому времени он и себе пару почистил, но взял лишь одну и начал протыкать картошку и вытаскивать из банки так.

Сидеть просто так и дурачиться было весело. Не нужно было быть взрослыми и серьёзными. Просто сидеть на пледе, и смотреть вокруг, и есть палочками, кто как может. На другом берегу был лес, и очень хотелось, чтобы в лесу были животные, можно даже простые. С простыми, обыкновенными животными тоже ведь можно общаться. Они же всё понимают, а если присмотреться и прислушаться и совершенно не думать рядом с ними, то легко понять, что они говорят тебе.

— А хочешь теперь на обычный пляж сходить?— прервал мои размышления папа.

— А давай,—согласилась я.

В такой день нужно было на всё соглашаться, настроение было таким хорошим, что ничего плохого просто не могло случиться.

Мы собрали пустые банки в рюкзак, полотенца и скрученный плед папа кинул себе на плечи, и мы пошли вверх по тропинке к дороге.

Наверху мы пошли вниз уже по правой тропинке. Внизу доносились голоса, да и тропинка казалась светлее, чем левая. Слово выбирая направление, мы меняли ещё и реальности или дни. Два разных пляжа—два разных дня.

На пляже было полно народу и много солнца. Противоположный берег был тоже с деревьями. Но они перестали быть такими таинственными. А ещё по всему пляжу лежали коровьи лепёшки разной сухости. Потому нам долго пришлось искать место, где мы могли бы положить плед.

Когда мы, наконец, разложились и решили полежать под солнцем, оказалось, что это невозможно. На пляже было полно слепней. Они словно специально загоняли всех отдыхающих в воду. Тех же, кто решал погреться, ждало множество болезненных укусов, которые напоминали удары кончиком хлыста. Иногда от укуса на коже проступала кровь.

Папа накинул рубашку и, казалось, совсем не боялся их. А вот я боялась: укусы насекомых сразу опухали и очень долго не проходили.

Я зашла в воду, вода тут была просто ледяной. Вот уж действительно два абсолютно разных места.

А ведь солнце обычно прогревает воду. Течение было быстрым, но река была совсем не глубокой. Чтобы оставаться в воде, приходилось сначала доверять течению, а потом пешком возвращаться обратно на согнутых ногах, чтобы почти не вылезать из воды.

Рядом играли дети, им было весело. Я впервые за долгое время загрузила, что мне совсем не с кем играть. Лучше бы мы остались на тихом пляже. Где был целый мир.

Я вышла на берег хоть немного согреться. Рядом лежали, сидели и стояли разные отдыхающие. Мужчины читали газеты, а женщины пытались загорать, втирая себе в кожу крем не для загара, а для отпугивания насекомых.

И тут я увидела странную картину. Дети на берегу у воды сделали маленькую заводь, лужицу с тонким каналом, соединяющим её с рекой, и ловили мальков. Ладонками. Просто подходили к воде, а потом зачерпывали воду вместе с мальком и, держа ладонки лодочкой, переносили его в лужицу. Мальков там уже было штук пять или шесть, их спины серебрились на солнце.

Сначала я захотела сделать то же самое. Потом я это себе представила. Вот я беру живое создание, и оно плавает у меня в заводу. А если оно проголодается, чем ему питаться? Да и разве хорошо плавать в луже, если ты плавал в целой реке? Мне не будет приятно смотреть, как малёк ищет выход, мне будет стыдно за то, что я создала клетку.

К папе обратился мужик, который сидел рядом с нами, на нём были синие шорты и белая рубашка в синюю клетку, а ещё соломенная шляпа, она была очень старой и потрёпанной.

— А вы видите вон тот берег? — он указал на огромный обрыв слева по течению.

Это был резкий подъём почти сразу после пляжа. Обрыв по полосе реки был высотой с пятиэтажный дом. На самом краю обрыва стоял домик. — Видим, конечно, — сказал папа. — Как же не видеть, такой обрыв огромный.

— А в прошлом году там было два дома. Весной река поднимается на уровень этого домика. И этой весной снесла один, словно он был картонный.

— Да что вы говорите?.. Вешние воды?

— А то ж, я давно говорил, что дома нужно переносить. Правда, даже то, что соседей снесло водой, никак не повлияло. Стоит дом, и всё тут.

— Ну, может, денег нет.

— Да вряд ли. Просто река эта такая. Её боишься, не понимаешь, и неудобная она, но никак от неё уходить не хочется.

Я долго смотрела на этот одинокий домик на обрыве. Он был голубой и почти сливался с небом. А рядом был огромный обрыв, словно бумагу оторвали. Но, наверное, это и значит — жить рядом с чудесами. Даже если опасно — уходить совсем не хочется.

На обратном пути в автобусе я уснула. И проспала только, чтобы зайти в дом. Укусы болеи, как синяки. Да ещё и чесались. Но на коже было ещё одно странное ощущение — словно меня глатит быстрый прохладный поток воды.

37.

Мы прятались в кинотеатре, у нас не было денег, чтобы сидеть в кинозале, и мы просто бродили по зданию. Пришлось разделиться. Я была в левом крыле, а мои друзья в правом и в центре. Я иногда их видела, а заодно и следила за входом. Центральная часть второго этажа была пустой. Выходило, что это даже не второй этаж, а внутренний балкон.

И тут я увидела, как наши преследователи зашли в зал. Я начала дёргать соседние двери, чтобы найти более надёжное убежище. Туалет не поддавался, зато соседняя с ним дверь открылась. Похоже, там был сломан замок. Я зашла в комнату с мыслями о том, что нужно будет её всеми силами держать изнутри.

Комната оказалась огромным балконом, даже верандой. Пол был в мраморных плитах, в середине стояли мраморные столбы, упирающиеся в крышу. После колонн веранда продолжалась и заканчивалась мраморными перилами. И если вид комнаты можно было списать на то, что кинотеатр находился в бывшей усадьбе, то вид с балкона никак нельзя было объяснить.

На многие километры впереди была равнина, на которой умирал город. Его раздирали война: взрывы, звуки выстрелов и крики. И всё это — на фоне абсолютно чёрной горы, размеры которой трудно было себе вообразить, она была на самом горизонте, но всё равно закрывала собой половину неба.

Я опешила и сделала шаг назад, снова оказавшись в кинотеатре. Может, это просто ещё одно кино? Тогда почему только для одного зрителя? Машинально я закрыла дверь. Оглянулась и увидела, что наши преследователи идут к кассам. Всё-таки лучшего убежища, чем эта странная комната, мне не найти. Я снова зашла в неё.

Чёрная гора польхала, извергая на уже мёртвый город лаву. На балконе сидело белое существо — то ли собака, то ли медвежонок. Когда я подошла к нему, я поняла, что воздух на балконе, сразу после колонн, огненный.

Я взяла существо в охапку и утащила к двери. Мир за границей этого здания умирал. Всё полыхало, а я просто прижимала к себе это странное существо. Казалось, в моих руках детёныш, хотя по размерам это была крупная собака.

Мир вокруг менялся очень быстро, как на переметке. Вот уже всё потухло и черно, вот пошли дожди. Меняются сезоны, появляется зелень. Я вышла на балкон, и всё замедлилось. Лесов ещё не было, только редкие кусты и молодые деревья.

Я перелезла через перила и попробовала спуститься вниз. Пришлось прыгать.

Вокруг была девственная природа, которая только начала восстанавливаться.

Дом. Даже особняк, с мраморными колоннами, лепниной и статуями. Я обошла его со всех сторон и попробовала войти в двери, они были закрыты. Чтобы вернуться обратно, пришлось залезать по стене, лепнина пришлась очень кстати.

Когда я перелезла через перила обратно, ко мне вышел медвежонок. На медведя это существо всё-таки походило больше, чем на собаку. Пока он ковлял до меня, он немного поскуливал, а потом прижался ко мне и перестал скулить. Я села на пол, чтобы осмотреть его. Носик немного кровоточил — видимо, он надышался горячим воздухом. И наверняка он был голоден.

Я отвела его за колонны и стала наблюдать, как мир меняется дальше. Выросли леса, стали летать птицы. Похоже, динозавров не будет. Я снова выбралась в мир, на этот раз пытаюсь найти реку. Реки не оказалось, зато за домом появились пруды, прямоугольные. Выглядело всё так, словно это сделал человек, но никаких следов я не видела. А в прудах плавали карпы. Всего было шесть прудов. Два больших, метров двадцать длиной и десять шириной, и четыре прудика между ними, идущие полосой. В мелких прудах плавали цветные карпы, а в больших — обычные.

Сняв рубашку, я наловила в неё несколько обычных карпов. Надеюсь, медведь их ест. Майка и джинсы были мокрые, а рубашка наверняка пропахнет рыбой. Как я смогу объяснить товарищам, где я была?

Забираться вверх было сложнее, чем в первый раз. Мало того, что пришлось тащить узелок с рыбой, так ещё и рыба трепыхалась в нём. Не вышел из меня убийца.

Зато из медвежонка он вышел. Три рыбины были съедены сразу, ещё две просто оглушены ударом лапы.

Поев, медвежонок лёг головой мне на ноги, и мы уснули, опираясь на внешнюю сторону колонны.

38.

Я повернулась на другой бок, кровать запружинила под весом моего тела.

— Сонь, ты чего проснулась? — спросил папа. — Рано ещё, спи.

Я забралась с головой под одеяло и продолжила спать.

39.

Когда я проснулась, медвежонок рядом не было. Пока я спала, вышло так, что голова оказалась на полу, и отчасти я спала за колонной. Садясь, я наблюдала, как время из ускоренного стало

нормальным. Моя рубашка выцвела и была совсем ветхой. А вот остальная одежда на мне не изменилась.

В этот раз сразу под моим балконом был город, в котором никто не удивлялся тому, как я выгляжу, хотя все вокруг ходили в средневековой одежде.

Вокруг особняка была площадь, от которой во все стороны расходились улочки.

Я пошла по улице, где был рынок. На прилавках висели яркие ткани, украшения, оружие и даже еда. Было солнечно, люди были веселы, мне даже надели какой-то платок на шею. Он был рыжий, с вышивкой. А когда я остановилась у прилавка с едой, продавщица с улыбкой отдала мне пирог с грибами. Пробегаящие мимо дети остановились, окружив меня, и один из них вручил мне белую маску с золотыми узорами.

40.

Я потянулась в кровати. Папа был в большой комнате.

— Сегодня у нас опять поход, — сказал папа, когда я зашла в комнату.

— А куда?

— К прабабушке. Мы на кладбище поедem.

— А это далеко?

— Ближе, чем Кемь.

Мы опять поехали на автобусе.

Вышли мы на остановке у храма. Он был очень высокий и светлый, прямо празднично светлый, люди толпились перед ним. Но мы пошли дальше и зашли на кладбище.

Было очень тихо, прямо резко тихо, и казалось, что мы тут совсем одни. А ещё вокруг была осень, деревья были в листве, но она была тёмной и казалась совсем не живой. Почва была влажной, но грязи не было. А ещё было прохладно.

Папа вёл меня вперёд, иногда петляя между оградок. Я почти не различала надгробий, хоть они и были разные; мне казалось, что они просто тени на нашем пути, что их на самом деле нет. А потом мы подошли к заброшенной ограде. Когда-то она была голубой и плетёной, но теперь она была смята и местами вдавлена в землю. В некоторых местах ржавчина совсем разъела металл до дыр.

Папа расчистил старую листву с могилы. Потом почистил скамейку, которая пряталась под грудой листьев. Почти всё он делал молча, да и мне говорить не хотелось.

Я разглядывала фото на надгробии, на нём была прабабушка, я видела её только на фото. Она была медсестрой и ещё помогала моей бабушке воспитывать папу. А ещё дом, где мы жили, был когда-то только её. А вот как и откуда она попала в Енисейск, никто не говорил, лишь иногда шептались, что она откуда-то бежала. И что всю жизнь медсестрой отработала, хотя могла быть доктором.

Папа молча сидел и смотрел на её надгробие. Чем больше он смотрел, тем больше он переставал походить на себя. Сначала он начал сереть, словно ему было тяжело даже дышать. А потом его лицо начало проясняться, и глаза заблестели. И он стал очень молодым, как его студенты. Потом он достал блины — видимо, он их утром пожарил, — и мы поели.

— Моя бабушка, твоя прабабушка, пекла особенные блины. Я таких нигде не пробовал, — начал свой рассказ папа. — Когда я уже в Красноярске учился, я пробовал сам жарить блины, но было не то. В Барнауле начал собирать разные рецепты, но они тоже не подходили. Потом уже твоя мама начала мне помогать, и мы нашли нужные пропорции. Они совсем не сладкие, даже с кислинкой. И всегда мягкие, но при этом не рвутся. Она их на сыворотке делала, а не на молоке. Уж не знаю почему, но вкус другой.

Он замолчал, а я рассматривала берёзу у скамейки. Интересно, знает ли берёза мою прабабушку? Должна знать; наверное, они даже общаются. Берёза ей рассказывает, какая сегодня погода, а прабабушка ей рассказывает свою жизнь. И берёза думает, что это всё сказки, особенно когда рассказы про путешествия.

Обратно мы шли молча, и в храм зашли тоже молча, папа только на меня косынку повязал, которую взял дома.

Потолок был очень далеко, и дело не в том, что до него было не добраться, я видела лестницы, ведущие до самого потолка. Просто казалось, что за рисунками тоже есть мир, и ещё неясно, где небо ближе — в храме или на улице. Храм был живой, как наш дом, только старше и светлее. Как старый дед с белой бородой и волосами. Такими белыми, что они светятся на солнце. Может, если наш дом простоит столько же, он так же поседет?

Было очень много воздуха, люди стояли плотно друг к другу, но места всё равно было много. Я всё боялась потерять папу. В таком большом месте мы бы уже никогда не нашли друг друга.

Папа говорил с монахом. Тот был в чёрной рясе. У него светились глаза. Видимо, он носил чёрное, чтобы скрывать, что он весь светится. А ходить в чёрных очках на глазах в помещении неудобно, вот мы и видели, что глаза у него светятся.

Потом мы вышли из храма, подошли к деревянной лавке, купили свечи и вернулись обратно в храм. Папа дал мне свечи и взял на руки, чтобы я смогла их зажечь. Он сказал, что когда их зажигаешь, надо просить у Бога, чтобы Денис и мама были здоровы.

Я осторожно наклонила свечу к горячей свече и, пока она загоралась, стала просить, чтобы у Дениса не болела голова, а у мамы зубки. Я смотрела на огонь и представляла, как я в темноте прошу у далёкого света, чтобы он помог нам. Он ведь

добрый и тёплый и всё может. Просто не всегда нужно всё прекращать или получать сразу, всё должно быть в своё время. И всё будет в нужное время, он обещает.

Обратно мы ехали по освещённому городу. Мне казалось, что город и сам как большой храм, в нём было много церквей и храмов, многие из которых были разрушены. Но это ничего не меняло, они словно были стенами или столбами, а небо — толком. Наверное, поэтому в городе было много солнца. В храме ведь всегда светло.

41.

Мы вышли у памятника Ленину и пошли к булочной. Когдаходишь к Енисею, всегда заранее пахнет рекой, водорослями и ещё немного жареной рыбой, которую продают на берегу. Но у булочной всегда пахло сладким тестом и карамелью, да так, что даже у самой воды этот запах перебивал все другие запахи. Белый маленький одноэтажный кирпичный домик находился метрах в двадцати от воды. Сразу за ним к самой воде спускалась очень крутая тропка. Так что, подходя со стороны площади Ленина, ты видел яркий белый домик и синюю гладь реки за ним, почти как море.

Внутри булочной было почти темно, пол и прилавок были деревянными, стены были оклеены тусклыми обоями. Они были так стары, что из жёлтых давно стали бежевыми, а цветы на них — коричневыми. Интересно, а эта бумага была сладкой?

Папа купил ромовые бабы, и мы пошли домой. По дороге мы проходили мимо школы, и папа увидел там свет.

— Может, там кто-то из преподавателей, которые меня учили? Давай зайдём? — сказал папа, заходя на территорию школы.

Я осталась у клумбы рассматривать цветы, а папа пошёл проверять: вдруг это был кто-то ему знакомый? Я рассматривала анютины глазки. Почему же их так называют? На глаза они совсем не похожи. Скорее, на бабочек или огоньки в темноте. Каждый из цветков — это целая история, как у Шахерезады. Или, может, это её наряд, каждым вечером разный. Но яркий, чтобы ночью была видна только она. Она бы танцевала с платками и рассказывала истории, это был бы целый театр.

Меня позвал папа, и я побежала к крыльцу школы. Только вот, огибая клумбу, я зацепилась ногой о бордюр и упала. Боль прошла по всему телу, горели руки и колени. Я поднялась и опять побежала, чтобы папа не заметил, что мне больно. Только вот когда я подбежала, его лицо было бледным.

Я была в синих колготках, на одной коленке темнело пятно, а вот на второй была дырка большая и много крови. Мы пошли в туалет, папа сказал,

чтобы я сняла колготки. А я всё думала, что мама будет ругаться за дыру; наверное, её можно зашить, но будет очень заметно.

Сидя в кабинке, я осторожно снимала их; обе коленки были разбиты в кровь. Только правая коленка была разбита сильнее, и крови текло много. Я сняла колготки и вышла из кабинки.

Папа выбросил колготки, что было странно и очень меня напугало. Теперь мама точно разозлится.

Медицинский кабинет был закрыт. Папа взял меня на руки, и мы пошли в соседнее здание. Это был маленький женский монастырь. Мне было стыдно, что я упала, что кровь не останавливалась, что ещё всё щипало и болело. Я расплакалась, и за это тоже было стыдно.

Увидев меня, женщины только покачали головой и повели нас с папой в их медицинский кабинет.

— Ну чего ты плачешь? — сказала одна из женщин. — Ты же почти женщина, должна терпеть. Это мальчики терпеть не умеют, а девочки должны терпеть.

Она приггла мне рану, и я сжала зубы, чтобы не закричать. Папа сидел всё ещё бледный.

— Ну вот и всё, кровь остановлена. Купите то, что написано на листке, инструкции будут на упаковке. Главное сейчас — рану не тревожить, — сказала эта же женщина, протягивая папе листок.

Другие женщины смотрели на меня с испугом и сочувствием.

Домой меня донёс на руках папа, я надела на ночь другие колготки, чтобы рана была закрыта, и быстро уснула.

42.

Проснувшись я от шума. Папа готовил на нашей печке. Я повернулась на бок и поняла, что колготки прилипли к ране.

— Пап, а из раны сукровица ночью потекла, — сообщила я.

— И как теперь колготки отлепить? — спросил испуганно папа.

Я испугалась: он не знал, что делать. Мама бы что-нибудь обязательно придумала. А папа сейчас может что-то не то сделать, и опять будет больно. Значит, решение придётся найти самой. Я осмотрела комнату.

— Пап, а сделай воды тёплой, мы намочим и снимем колготки.

— А ты себе рану не обожжёшь?

— Там же сейчас короста, нам только верхний слой размочить.

Папа принёс железную ванну и ещё жёлтый таз. В таз он налил кипятка, а потом холодной воды из ведра. Я поставила ногу в ванну, и папа налил воды на рану. Колготки снялись легко и почти безболезненно.

— Ну всё, теперь ложись. Я тут тебе щавеля с сахаром сделал, витамины, чтобы ты скорее выздоравливала. Я пока в аптеку схожу.

Я забралась на кровать, положила тарелку на живот и начала рассматривать, что такое щавель. Папа давно ушёл, а я всё ещё смотрела на эти листья. Пахло в основном сахаром и ещё чем-то кисленьким. Чуть щекотало язык. Я подцепила вилок один лист, положила в рот и прожевала. Вот странно, эти листья были похожи на черемшу, но по вкусу совершенно другие. Правда, в черемше ещё и фиолетовый цвет есть, может, это он такой вкус давал. Тут же листочки были светло-зелёные, а на вкус как ягодки. Я доела всё и оставила тарелку на пол. Во всём теле была слабость, и колени ныли.

Папа осторожно тряс меня за плечо. Я и не заметила, как уснула.

— Смотри, я тебе сейчас рану обработаю, будет щипать.

Он потряс белым бумажным пакетиком, оторвал у него верхушку и насыпал белый порошок на рану. Он зашипел и стал пениться, а потом потемнел. Сверху папа положил вату, а потом заклеил всё пластырем.

Я лежала и ждала, когда перестанет щипать. Папа ушёл в другую комнату.

Впервые солнце меня не радовало. Оно ярко светило, но было каким-то спокойным, а не игриво-радостным. Оно, как старший товарищ, подбадривало меня, освещая яркой полосой мою левую руку. Надо будет найти где-нибудь зеркала и играть с солнцем в солнечные зайчики.

Я стала опять засыпать.

Почти всё время до ужина я спала, лишь изредка просыпаясь, когда папа заходил в комнату. Снов не было, просто казалось, что меня несёт по реке.

Вечером папа меня разбудил, чтобы я покушала, и я опять уснула. Ему было страшно, это было очень заметно.

А наутро я проснулась, не помня, что у меня была какая-то рана. Я села, свесив ноги с кровати, и папа мне улыбнулся.

— Не болит уже коленка? — спросил папа.

— Нет, совсем нет.

— Но нам всё равно нужно заменить повязку.

Я вновь легла, папа принёс лекарства. Мы начали сдирать пластырь. И вот тут я вспомнила, почему лучше не просыпаться, совсем никогда. У папы начали трястись руки, он видел, что я сжалась от боли.

— Пап, давай я сама, — не выдержала я.

Пластырь был очень уж липучим, совсем не отходил от кожи. Так ещё местами он прилип к ране, и когда я его смещала, болела рана, как будто её резали заново. Я просто старалась всеми способами прекратить это. И правда, чего это я себе позволяю? Я уже взрослая, должна терпеть всё. А если война, я же должна и не такое терпеть.

Там же выстрелы и бомбы. А мне ещё семью защищать. А тут какая-то мелкая рана. Я сорвала окончательно пластырь и сняла вату. Рана мокла. — Надо снова засыпать порошком, — сказал папа и высыпал мне порошок из пакетика.

Снова всё шипело, и пена стала жёлто-бежевой. Боль прострелила по кости вниз. Я сжала рукой одеяло и просто ждала, пока папа положит новую вату и наклеит новый пластырь. Ваты теперь было больше.

— Смотри, я тут тебе малины принёс, — он поставил мне на живот огромную железную глубокую тарелку с малиной.

— А сколько тебе оставить?

— Ничего не надо, ты кушай и выздоравливай.

Папа лёг на другую кровать и начал читать «Руслана и Людмилу». А я ела и пыталась уловить сюжет.

Иногда читала я, чтобы папа отдохнул. К вечеру я уже не очень понимала, что происходило после полёта на бороте Черномора. Зато мы целый день были вместе, и папа делал это всё для меня. Нам было хорошо вместе, и ничего нам не мешало. Жалко, что так бывает только летом. Весь учебный год папы нет целый день.

Однажды он пообещал привести меня в музыкальную школу, в которой подрабатывал. Он обещал приехать в двенадцать, и я ровно в одиннадцать начала собираться. Даже платье надела. С полдвенадцатого я сидела на балконе, чтобы сразу увидеть, как он придёт. Чтобы видеть, как проходит первый подъезд, потом второй, а потом заходит в наш. Папа пришел в девять вечера. Мама загнала меня с балкона только в шесть, я всё ждала. Я не хотела учиться в музыкальной школе, но папа был очень рад, когда увидел, что я сразу правильно взяла барабанные палочки. Просто так я никому неинтересна. Нужно знать и уметь совсем всё. А иначе обо мне забудут, даже если обещали.

Перед сном я сжимала одеяло в ладони, и когда я уже совсем почти уснула, мою руку сжала чья-то ладонь. И я вспомнила, что так уже было. Ну, здравствуй, друг.

43.

Утром я встала с тяжёлой головой. Я долго просто лежала и не хотела открывать глаза. Я не хотела снова менять повязку.

— Сонечка, просыпайся, мы сегодня поедem к Вадиму Андреевичу.

— А кто это? — сразу открыла глаза я.

— Ну как же? Мой директор школы. Помнишь, мы у него были? Он ещё улей старый показывал.

— Опять на автобусе поедem?

— Ты с ним отдельно поедешь.

— Почему?

— Мне нужно будет ещё кое-куда зайти, я позже приеду.

Мы пошли к детской музыкальной школе.

Это было одноэтажное здание, всё новое, но деревянное. Даже деревянные кружева на крыше были новыми. Окна были пустыми и совсем не живыми — наверное, из-за чистых стёкол. Везде были мытые стёкла с неровностями и трещинками. А эти стёкла были надменно ровными. А поленья были словно покрыты карамелью. Весь дом был надменный, совсем не из этого города, как причудливый домик. Новый, но деревянный.

Папа долго разговаривал с Вадимом Андреевичем. Тот отвечал ему сдавленным шёпотом, и я всё пыталась научиться различать его слова. А потом папа ушёл, а Вадим Андреевич засобирался домой.

Он взял меня за руку левой рукой, и мы пошли к остановке. Ладонь была шершавой и мозолистой. У него были мозоли и на ладонях, и на подушечках пальцев, как у папы.

Ехали мы молча, а потом Вадим Андреевич спросил:

— Ты уже учила таблицу умножения?

— Нет, но это же просто должно быть.

— С чего ты взяла?

— Ну, в песенке поётся, что дважды два четыре, а пятью пять — двадцать пять. Значит, умножение — это сколько раз надо сложить одно и то же число.

— И почему же это просто?

— Так можно же просто сложить.

— Ну-ка сложи мне четыре на шесть.

— Восемь и ещё восемь — уже шестнадцать, и ещё восемь — это четыре до двадцати и потом ещё четыре. Двадцать четыре.

— А пять на три?

— Это десять и пять — пятнадцать.

— А семь на три?

Мы вышли из автобуса и пошли по детской площадке, я смотрела себе под ноги и считала.

— Это четырнадцать, от семи шесть до двадцати и ещё один. Двадцать один.

— Ну хорошо. А семь на восемь?

— Ой, сейчас. Двадцать один да двадцать один — это сорок два, а потом ещё сколько надо... — я задумалась и совершенно растерялась в числах.

Вадим Андреевич рассмеялся.

— Ну ладно, тебе это ещё рано знать.

Мы зашли в подъезд, поднялись и вошли в их квартиру.

Папа уже сидел на кухне и общался с женой Вадима Андреевича. Из одной из комнат вышли их внуки, у девочки тоже была разбита коленка.

— Ба-а-а-а, у меня коленка чешется.

— Ты только не чеши, чешется — значит, зарастает.

Папа вышел из кухни ко мне и повёл меня в ванную.

— Сонечка, смотри, сейчас набираешь ванну и отмачиваешь пластырь, он сам слезет, и ничего рвать не нужно. А потом выйдешь, и мы всё снова заклеим. Ты, главное, не торопись.

Он вышел из ванной, и я закрылась.

В ванне лежать было странно, да и папа ошибся, пластырь от воды, даже горячей, никак не отлипал. Пришлось снова срывать. Зато я так и рану от какой-то жёлтой плёнки почистила. Была только красная вмятина, по краям была рваная кожа. Я спустила ванну и ополоснулась, потом оделась и вышла со старым пластырем в руках.

— С лёгким паром! — сказал папа.

Я села, и он заклеил рану.

Мы пообедали с хозяевами дома. Несмотря на то, что я стала старше, пренебрежительное отношение со стороны их внуков ко мне не прошло. Они даже не сели с нами обедать, несмотря на все уговоры их бабушки.

По пути обратно в автобусе я уснула. Меня уже начинала злить эта постоянная сонливость и то, что я не могла расслабиться. Приходилось постоянно двигаться осторожно, чтобы не было больно.

Выходя из автобуса, я зацепилась за ступеньку и вывалилась на тротуар. И, конечно же, на обе колени. Злость и обида на себя начали душить. Ну как же так? Я что, совсем разучилась ходить? Неужели я вечно буду падать?

Папа довёл меня до скамейки на остановке. Рядом стояла бабушка. Сначала папа осмотрел мои колени, когда я села. Из-под пластыря текла кровь. А потом он посмотрел на бабушку.

— Сашка, неужели это ты? — спросила бабушка.

— Евгения Семёновна?

— Ну а кто ж ещё-то? Как поживаешь-то? Твоя красавица?

— Моя. Да хорошо всё, только вот Соня всё падает. — Да это ничего, возраст у неё такой. Я вон тоже падаю всё время. Выходит, мы с твоей дочкой ровесницы сейчас, — она приподняла свою юбку и показала свои разбитые колени.

Эти колени словно были совсем не её. У неё были сказочно-белоснежные волосы, и они были очень длинные. Она не убирала их в причёску как все бабушки с длинными волосами, что я видела. Нет, у неё была длинная свободная коса. Одежда на ней была светлая и «в цветочку», а ещё — удивительное лицо. Яркие голубые глаза светились изнутри, и, кроме них, ты ничего уже и не видел. Надо было очень постараться, чтобы различить морщины. Хотя морщины ничего не говорили о её возрасте, она была девочкой. В туфельках и с белыми носочками, в белой юбке с фиолетовыми цветами, которая была чуть ниже колен, в белой рубашке с жёлтыми цветами.

Я так засмотрелась на неё, что совершенно обо всём забыла — и про боль, и про досаду, я даже не слышала, о чём они говорят. И тут папа повернулся ко мне и подал мне руку. Я поняла, что нам уже давно пора домой. Мы попрощались и пошли к нашему дому.

Весь вечер я думала о той старушке. Надо же так жить, чтобы ничего тебя не тревожило... А ведь

она старенькая, ей должно быть очень больно, да и папы у неё нет, чтобы её поддерживать. А она такая красивая и радостная.

44.

Утро, уже почти по традиции, началось с медицинских процедур. Я всё думала, куда пропали мои сны. Несколько дней без снов выбивали меня из колеи. Я совсем не хотела помнить, что было вчера и когда это «вчера» вообще было. Мне было уже привычно, что между «вчера» и «сегодня» может пройти пара дней, а то и недель. Это было плохо — оставить меня наедине со своей проблемой.

День начинался странно: я просто села смотреть картинки, а папа убирал в большой комнате. Он вернулся только к обеду и предложил пойти в гости.

Дошли мы быстро, я была рада пройтись и отвлечься. В этой части города мы ещё не были. Дом был двухэтажный, и нам нужно было на второй этаж. Дверь нам открыла просто невероятная женщина. Она была выше папы и шире, не толстая, просто она была женщина-богатырь. Про себя я её назвала Хозяйкой Медной горы. В её зелёных глазах какой-то невероятный свет.

А вот в её жилье не было ничего особенного. Почти пустой деревянный пол, на котором был один маленький коврик, круглый стол у окна с белой скатертью, кровать, кресло, четыре стула у стены, тумбочка и маленький шкаф. Ещё была дверь на кухню, но я там не была.

Мы пили чай с черёмуховым вареньем. Это было что-то невероятное, я и не думала, что у этих цветов такие ягоды. Я мазала варенье на хлеб и добавляла в чай. Иногда я видела, как женщина улыбается, глядя, как я рассматриваю ягоды на ложке или как я специально держу ложечку так, чтобы с неё капало по капельке варенье и было видно, как оно растворится в чае.

Мне было всё равно, о чём общаются взрослые. Папа снова рассказывал, какие мы с братом будем музыканты, а она отвечала, что есть в кого. А ещё она огорчилась, что я ушла с танцев, променяв их на рисование. И всё вспоминала, что папа был отличным танцором и мог бы сейчас ездить по заграницам со своими данными.

Вечером она вышла вместе с нами из дома и указала на дерево прямо у неё под окном; это было огромное дерево, по которому лазали мальчишки. Их было так много на ветках, словно они были воробушками.

— Ребят, ну подождите ещё недельку, ну ведь зелёные ещё ягоды, с животом мучиться будете, — сказала женщина.

— Ничего, тётъ Тань, черёмуха уже созрела.

— Рано ей ещё созреть, — крикнула она и повернулась к нам с папой. — Вот с этого дерева вы варенье сегодня ели, правда, прошлогоднее, ягоды

поспеют через неделю или две. Если эти гаврики всё не объедят. Вот ведь нетерпеливые.

Мы шли, и каждый молчал по-своему громко. Папа, наверное, думал о танцах и о том, что он уже совсем музыкант, окончательно. А я думала о черёмухе: какая же всё-таки ягода вкусная, и название у неё чудесное.

Потом папа зашёл в булочную у дома бабы Нади, а я осталась ждать на улице. Ко мне подошла маленькая старушка, в коричневом платье и в коричневом платке.

— Ты тут кого ждёшь, маленькая? — спросила она.

— Папу, он в магазине.

— А лет тебе сколько?

— Шесть.

— А мне девяносто два. У тебя зубки уже меняются?

— Да, уже четыре передних сменилось, внизу и сверху.

— А у меня опять зубы стали расти, медленно, но растут. Вот что значит дожить до девяноста двух лет.

Я смотрела на неё и не верила своим глазам: это же почти сто лет. А она сама ходит, да и не выглядит она на девяносто. На шестьдесят. Значит, жить на природе полезно?

— А ко мне внуки скоро приедут. Ты приходи к нам, играть будете, мы вон в том дворе живём,— она показала на двор рядом с домом бабы Нади.

Потом она зашла в булочную, и через минуту вышел папа.

— Папа, а прожить сто лет возможно?

— Конечно, возможно. Раньше люди и по триста лет жили, только это было очень давно, ещё до Моисея. — Это который евреев спас от египетского царя? — Правильно.

Дальше мы шли молча. Дома мы опять сменили пластырь, рана опять была в чём-то жёлтом и липком, а ещё текло много сукровицы, и она не сохла. Папа насыпал порошка и опять всё заклеил.

45.

Я сидела одна в темноте, где-то далеко внизу были звёзды, а на горизонте светилось северное сияние. Верх и низ были просто обозначениям, чтобы не путаться. Я даже не знала, почему я сижу, а уж тем более — что есть опора в полной пустоте.

«Ты должна усмирить вóрона, — сказали голоса в моей голове. — А иначе он улетит из библиотеки, и её захватят, а от тени его крыла потухнут миры».

Я увидела, как ворон с иссиня-чёрными перьями пролетает, и от его взмахов расходятся волны, которые гасят звёзды, а планеты разлетаются, как пыль, по всей Галактике.

Вот и работа. Я словно спрыгнула с того места, где я «сидела», и полетела вниз. Сам полёт не имел значения. Я закрыла глаза и представила, что я рядом с вороном.

Он смотрел на меня очень грустными глазами. Я ощутила, что ему уже всё тяжело. Он понял, зачем я здесь. Но больше охранять библиотеку он не намерен. Он не первую тысячу лет хранит её, должен быть отдых.

Как же ему было больно и тяжело нести своё бремя! Я стала такой же большой, как он, и просто его обняла. Нужно было что-то решать. Ему и правда нужен был отдых. Я стала дышать с ним в одном ритме, и наши души стали словно одним целым. Не единым существом — скорее, и мы, и наши души обнимались. И я поняла.

На его груди появилось золотое ожерелье с голубыми камнями. Они дублировали разум ворона, и он мог разлетаться на три стороны, оставаясь в библиотеке. Он и хранил библиотеку, и путешествовал по мирам своей тенью, ничего не разрушая, но познавая настоящую жизнь, о которой лишь читал в своих книгах, ведь он сам был библиотекой, хранителем всех знаний.

Теперь он не чувствовал усталости, в нём была только благодарность. Добрый друг, надеюсь, теперь тебе будет легче нести своё бремя.

46.

Утром я долго лежала, вспоминая свой сон. Вот бы прочесть всё то, что он хранит. Хотя мне бы сейчас хоть что-нибудь почитать. Я порылась в комод, что стоял у маленькой комнаты. Яркие книжки были совсем детскими: кроме картинок, ничего и не было. Я взяла толстую чёрную книжку и пошла в комнату.

Открыв её, я поняла, что дом — отличный шутник. Книга называлась «Хозяйка Медной горы». И как он её прятал и от меня, и от мамы? Она-то точно увезла бы её в Красноярск, она же рассказывала мне про эту сказку много раз. Прочитав самый первый рассказ, я стала смотреть следующие.

Все они были про уральских мастеров по изготовлению украшений и разных сувениров из камня и металла, которые добывали на рудниках. Про храбрость и обречённость обычных людей. Главной свободой была смерть. А ведь они были мастерами, которые творили просто удивительные вещи. А ещё они не видели всей серости жизни из-за того, что были в творчестве постоянно.

Там были рассказы о волшебных камнях, которые не признавали трусов и подлецов. Были и страшилки, где кошачий глаз стал действительно глазом кошки. И с каждой страницей я всё больше хотела побывать на Урале. Хотела подняться в горы, хотела увидеть настоящих мастеров. А ещё мне хотелось выточить из камня хоть какую-нибудь фигурку.

А папа готовил что-то особенное, он вешал новые занавески и мыл полы. Мне двигаться было категорически запрещено.

Вечером, почти ночью, мы вместе вышли к оставке и стали ждать, когда придут мама и Денис.

Когда они подъехали и стали выходить из автобуса, папа сразу забрал у мамы сумки, и мы вчетвером пошли к дому. Денис почти спал. Мама спросила, зачем мне залепили коленку, если так рана может задохнуться.

Дома мы попили чаю и легли спать.

А утром мама увидела, что у меня с ногой.

— Так, для начала—больше никаких пластырей. Малашкин, ты чего, совсем, что ли? Ты хочешь, чтобы ей ногу ампутировали?

— Я всё делал так, как меня в детстве лечили.

— Даже странно, что ты дожил до своего юбилея. Хотя ты ж у меня теперь на шее. Я вас всех на себе тяну.

Папа вышел из комнаты, он был обижен. И зачем они постоянно ссорятся и говорят о разводе? Ведь это ничего не меняет, только орут много.

— Так, собирайтесь, пойдём гулять на речку,—сказала мама и вышла из комнаты.

А мы уже были в уличном, так что мы просто подождали, когда она вернётся, и пошли на каменистый пляж в центр города, без папы.

Шли мы сначала тихо, а потом Денис начал рассказывать, что за машины проезжают или стоят у обочины. Но машин было меньше, чем его познаний, так что он начал рассказывать про все марки машин. Про то, что «Мерседес» назван в честь дочери основателя, а первая скоростная машина в СССР называлась «Пионер», что скоро будут машины на электричестве, а когда-нибудь вместо колёс будут магнитные подушки.

На пляже было тепло и солнечно, только иногда холодный ветер с реки щекотал руки. Мы пришли со стороны булочной, и всё вокруг пахло сдобным тестом.

— Так, теперь оба разулись и гуляем по колено в речке. Никому не бегать. Соня, будешь гулять, пока коросты не размокут.

Мы с Денисом гуляли у берега. Он не мог гулять рядом со мной: там, где у меня вода была чуть выше колен, у него уже мокли шорты. Иногда он пытался брызгаться, но мама сразу начинала кричать, и мы просто расходились в разные стороны. Под ногами был песок. Весь пляж был в камнях, но вода бережно укрывала собой песок и водоросли.

Иногда можно было различить мальков, они огибали мои ноги. Они напоминали детей, играющих в догонялки. Наверное, все дети одинаковы.

Когда коросты стали похожи на липкое тесто, я вышла на берег. Горячие камушки почти не кололи мои оледеневшие пятки.

— Вот, держи,—сказала мать и протянула красную пластиковую плоскую расчёску.— Будешь ей снимать весь гной.

— Зачем?

— Чтобы гной не пошёл дальше в мясо.

— А может, лекарствами?

— Один уже тебе всё испоганил лекарствами. Либо сама, либо я это сделаю.

Я представила, как её руки будут этой расчёской прикасаться к ране. Мне стало не по себе, всё ждалось, и захотелось, чтобы она вообще никогда не приезжала, чтобы мы спокойно жили с папой и никто на нас не кричал просто так. Зачем она вообще приехала? Есть же у неё сын, Денис она любит. Вот бы и жила с ним и радовалась, а нас бы с отцом не трогала. Я взяла расчёску и сама начала снимать липкий верхний слой. Было больно и стыдно за всё. Капельки воды стекали вниз, к пяткам и пальчикам, и на камнях оставались мокрые следы.

Камни были разные. Для людей, которые просто ходили по пляжу, камни были серо-коричневые. Но если присмотреться к каждому из них, можно было увидеть, что все они разные. Были жёлтые, и белые, и даже совсем прозрачные в трещинах, а ещё иногда камень был смешан из других камней. А ещё были почти красные, как кирпичи.

Рядом со мной лежал один такой, маленький, похожий на сливу. Я подняла его левой рукой—в правой всё ещё была ненавистная расчёска—и стала разглядывать. С одной стороны был скол, из-за которого было видно, что красный он только снаружи, внутри он был зелёным. А вдруг он был зелёным ещё при динозаврах, а потом уже стал красным? От моих мокрых рук камешек стал бордовым. Значит, и правда волшебный, живой, с долгой-долгой жизнью. Я положила его в карман, но продолжала думать только о нём, я не хотела видеть, как я расчёской чищу рану.

— Ну вот, правильно делаешь,—сказала она, нависая за моей спиной.—Кто маму не слушает, тот долго не живёт, а так ты себе ещё пару дней выиграешь. Вот же кровь-то у тебя гнилая, панянка.

Я просто молчала. Объяснять можно только тем, кто тебя слушает, она же меня не слышала, она знала, что только она главная в нашей семье.

47.

Дома мы расселись с братом по кроватям и занялись своими делами. Я продолжила читать про мастеров Урала, а Денис читал свою энциклопедию о машинах. Родители были где-то в доме.

В комнату вошла мать. В руке у неё было что-то большое, похожее на свёрток. А потом она его поставила. Это оказался Дед Мороз, пластиковый и белый. Когда-то он был раскрашен, но теперь краска осталась только в мелких трещинах пластика.

Мы с братом рассматривали его, боясь прикоснуться. Мать вышла из комнаты и принесла ещё один свёрток. На этот раз это была женщина в русском народном костюме, только не в бело-красном, а в зелёном. У ног её были змеи, и всё платёж как бы в камнях.

— Ну вот тебе, Сонечка, и Хозяйка Медной горы. Странно, что я её в прошлый раз на чердаке не нашла. Пока ничего не трогайте, всё в пыли. Я сейчас приду с тряпкой, и мы всё протрём.

Она вышла из комнаты, а я рассматривала эту горную царицу. Кокошник у неё был как корона, а коса почти до самого пола. Смотрела она гордо и надменно, но если смотреть ей прямо в глаза, находясь на одном уровне, то казалось, что взгляд у неё добрый и заботливый. Руки были в перстнях, а сарафан по низу был расшит камнями.

А потом я отошла и поняла, что она же — просто работа очень умелого мастера, хоть и живая. А может, потому и живая, что мастер знал, кого делает. И вообще, было похоже, что дом нас всех слышит и решил меня приободрить. Услышал, как я восхитилась Хозяйкой Медной горы, и начал делать мне подарки. И ничего, что вслух я ничего не сказала, он же как Дед Мороз — всё слышит. Или как Бог. А может, они все просто Его помощники? Он всё слышит, а они исполняют. Хотя они тоже всё слышат. Наверное, они просто органы Бога, а Он везде и всюду — и в каждом из нас.

Мама принесла тряпку и всё протёрла. А я просто наблюдала, замороженная, как Хозяйка начала светиться на солнце. Она была покрыта такой краской, которая на солнце блистала, как камешки.

Вечером мама снова рассказывала о феях: — Над Дениской летает фиолетовая фея. Она поможет ему запоминать всё, и он ещё много чего узнает. У неё очки и сумка с инструментами, а ещё она не прилетела, а приехала на своей машине. Но если она захочет, она сможет переделать её в вертолёт.

Я представила, что у этой феи есть где-то далеко свой ангар с инструментами и деталями и она мастерит разные механизмы, даже механических птичек. И те могут и петь, и летать. А ещё она только к людям надевает юбку, в обычной жизни ходит в штанах и ужинает на крыше ангара, глядя на закат. — А у Сони изумрудная фея, она приносит в своём лесу здоровье всем травам. К ней приходят разные зверушки с ранками, и она всех лечит. Может, она к тебе прилетела лечить тебя.

А вот и нет, зверушек с ранками съедают волки, чтобы никто не болел и все были осторожны. Но, наверное, эта фея раньше их спасает. А может, это мама не поняла, что это наша Хозяйка Медной горы вылетела из своего тела и кружится надо мной, потому что дом приказал ей меня охранять. — Не забудьте поздравить папу завтра с днём рождения. И будьте хорошими завтра, к папе гости придут, — сказала напоследок мама.

48.

Утром мы все были в очень праздничном настроении. Родители как-то по-особенному наряжали большую комнату. Днём папа ушёл, а мы с мамой накрыли на стол. Даже достали праздничную

енисейскую посуду, которую мама не увозила, потому что в дороге могло всё разбиться.

Тарелки и чашки были в цветах и позолоте. А ещё было два стеклянных кубка. Снаружи кубки были украшены узорами.

Я всё рассматривала их и не могла понять: их так отлили или выточили? Один кубок был из розового стекла, а второй белый. Мама разлила по ним разные варенья и поставила на стол. Откуда у нас появилось варенье, я не знала, зато я знала, как появился торт.

Папа утром пожарил блины, и мама теперь промазывала каждый из них, собирая в торт. А ещё на столе стояли разные салаты и даже какая-то копчёная рыба. Всё было белым и радостным.

А потом пришёл папа и привёл с собой дядю Валеру и его жену. Его жена была просто потрясающей, она была очень худой и высокой, больше всего она походила на моделей из журналов, при этом она была инженером. А вот дядя Валера был маленький и бородатый, он был даже ниже мамы. Зато у него был свой театр и своя рекламная фирма.

Взрослые смеялись и вспоминали свои праздники, особенно те, что проводили в театре. Как они играли на сцене, а ещё иногда разыгрывали сценки прямо на улице. Вспоминали общих друзей. Все были радостны.

Мы с Денисом поняли, что нам тут не место, и ушли на крыльцо. Мы слышали, как взрослые смеются все вместе. Их радость каким-то образом заполняла всё пространство вокруг. Как же хорошо, когда родители не ссорятся.

Даже вечером, когда дядя Валера с женой ушли, сказав на прощание: «Чао-какао», — улыбка не сходила с наших лиц. Как же хорошо в Енисейске. Наш дом не терпит конфликтов, он делает всё, чтобы внутри него всё было хорошо. Вечером мы всё ещё были веселы, словно гости и не уходили.

Я лежала в кровати, и подушка приятно холодила щёку. С другой стороны на подушке были вышиты цветы. Их вышивала моя бабушка.

Из-за рассказов матери я не знала, как к ней относиться. С одной стороны, она много пила, и из-за неё у папы было не очень хорошее детство. Поэтому папа всё ещё не стал ответственным и не может за нас отвечать. А ещё она пила алкоголь. Это очень плохо и страшно. Но разве может плохой человек вышивать такие красивые цветы? Даже если она говорила, что она меня проклинает, когда я родилась.

Люди странные, они говорят и делают много всего плохо, когда им плохо. А от алкоголя людям плохо. Сначала хорошо, потом плохо. Так и появляются алкоголики. Ну, так я понимала. Мама много рассказывала, зачем люди пьют яд.

А ещё наша семья странная. Чем мы ближе по родству, тем мы меньше говорим и показываем, что любим друг друга. А ведь мы любим, как-то же мы до сих пор живём.

Утром приехали гости. Это был папин знакомый Виталий Ульянович. Он приехал с женой и сыном, на машине. У них был большой внедорожник, который они набили вещами. Папа сказал, что они на неделю приехали, и я обрадовалась: значит, и мы ещё будем жить неделю в Енисейске.

Они ворвались в нашу солнечную жизнь серой пылью города, смогом. Она шла от них, невидимая, душила, щипала носик, глушила лишним шумом. Им всем хотелось постоянно кричать, не говорить—кричать. Мама тоже это чувствовала и ходила из комнаты в комнату, тихо злясь, как кошка, которая бьёт хвостом.

— Галочка, а можно я порежу колбаску на столе? Или клеёнку положить?—сказала жена Виталия Ульяновича.

Лицо у неё было припухшее, а волосы лежали как парик.

— Вот же доска рядом,—сказала мама с улыбкой и отвернулась, выходя из комнаты.

— Ой, точно. Хорошо, порежу на ней.

Мама прошла мимо меня с очень злым лицом. Если бы эта женщина не была гостьей, мама бы её порезала на этой доске сама. Мама может.

Папа общался во дворе, у машины, с Виталием Ульяновичем, а их сын ходил по двору и курил. Если от его родителей веяло городской серостью, то от их сына веяло чернотой. Словно он был скелетом, на котором вместо мяса были слизь и чёрный дым. Ему было лет двадцать, как папиным студентам. Только папины студенты были весёлые и беззаботные. А он не жил.

Весь день родители обустроивали для них комнату. Нас с Денисом посадили в маленькой комнате, чтобы мы не мешались. Лишь изредка мы слышали разговоры. Про то, что надо выпить за встречу. Что если выпить сегодня, то завтра уже можно будет ездить на машине, и они успеют в монастырь. Мама иногда приходила, лицо её было каменным, я её боялась. Она приносила бутерброды нам и уходила. Иногда вместо бутербродов были фрукты. Мне казалось, что она это делает, чтобы не быть там.

Но когда пришёл отец, я поняла, что там действительно плохо. Он не был пьян, от него почти не пахло, но он был серым. Папа очень любит общаться с людьми, но эти люди его травили.

Потом родители нас уложили и ушли в большую комнату к гостям за стол.

Ночью, когда я уже успела уснуть, они вернулись.

— Ну и зачем они на самом деле приехали?—спросила шёпотом мама.

— Димка наркоман, Виталя уже не знает, что с ним делать.

— К наркологу, что ж ещё?

— Четыре раза к разным докторам пробовали—всё едино. Деньги-то на это есть.

— А тут он что позабыл?

— Слышал про монаха, который лечит.

— То есть уже настолько всё плохо?

— А как ты думаешь? Света спивается до «белочки», сын на наркотиках. Он уже не знает, что делать.

— И вот они собираются так всю неделю провести?

— Надеюсь, нет. Завтра в монастырь, я с ними поеду, посмотрим, что там будет.

— Думаешь, они сразу начнут себя иначе вести?

Света была пьяна уже в три часа дня. Всё готовила я, а потом твой же Виталя начал за столом говорить, что все женщины бесполезны и их заслуги сильно преувеличены.

— Он просто такой человек.

Родители замолчали. Видимо, это плохие гости. Вот бы дом умел выгонять плохих гостей.

За окном пошёл дождь, и я захотела на улицу, бегать по мокрой траве. В комнате становилось душно, пищали комары, а я не должна была двигаться, я же сплю. Писк иногда пролетал мимо уха. Я прижала ладошку к стене и представила, что я—это я и ещё я—дом.

На его серую, совсем бесчувственную крышу падали тяжёлые холодные капли. На стенах капли проникали в древесину, это было приятно, словно дождь гладили стены, и стены расслаблялись от его прикосновений. А когда дождь капал на окна, казалось, что он освежал взгляд. Днём солнце грело стёкла, а ещё к ним приставала пыль. А ночной дождь всё смывал и охлаждал. Это было приятно. Даже приятнее дневного дождя. Мокрая листва опустилась на крышу от тяжести. От порывов ветра крыша качалась в разные стороны. Такие прикосновения ощущала даже почти бесчувственная крыша, словно дом гладили по голове.

50.

Утром я проснулась под шум в соседней комнате. Гремели стеклянные бутылки, переругивались обитатели комнаты. Родителей не было. Я пыталась различить по голосам, есть ли они в соседней комнате.

Я лежала на кровати и старалась дышать как можно тише, чтобы понять, кто и где находится в доме. Но тут проснулся Денис. Он сел на кровати и стал оглядываться ещё не совсем открытыми глазами.

— А где мама?—спросил он.

— С гостями.

— А когда придёт?

— Не знаю, я их ещё не видела.

— Есть что поесть?

Денису голодать нельзя, он сразу злой становится. Я встала с кровати и пошла к печке. На ней был тёплый чайник—значит, родители ушли недавно; печка у нас сейчас не топилась—значит, чайник из другой комнаты. На тарелке были порезанные фрукты. Кольца апельсин и яблок, столбики бананов, только виноград был целым. Некоторые

фрукты были проткнуты шпажкой, некоторые просто лежали.

Я вытащила пару шпажек, розовую и светло-зелёную. Пластиковые, прозрачные, они вполне могли лежать в руках кукол, если бы они у меня были с собой. На рукоятках были полоски—видимо, не только у японских мечей рукоятки обматывают тканью. Но у шпажек была ещё дуга от того места, где лезвие переходило в рукоять, и до самого окончания рукояти. Видимо, для защиты пальцев.

Я показала шпажки Денису, но ему еда была интереснее, а я не знала, можно ли есть фрукты. Мы решили дождаться родителей. Через какое-то время я тоже захотела есть. Денис уже весь извёлся, даже попробовал грызть пальцы. Пришлось следить, чтобы его руки были далеко ото рта. Потом я взяла нам по два куска яблока и по две виноградины. Было вкусно, но мало. Каждый раз я старалась переместить фрукты так, чтобы не было заметно, что я что-то взяла.

Наконец пришли родители.

— Мама, я есть хочу!— тут же сказал Денис.

— Ну так вон же фрукты, для кого оставили-то?

— Ну, мы думали, мы их вместе есть будем, и записки нет,— сказала я.

Признаться, что мы уже давно их потихоньку едим, было стыдно.

— Значит, теперь будете есть сначала картошку, а потом фрукты.

Упапы в руках была кастрюля, он поставил её на стол и открыл крышку. Сначала из кастрюли пошёл пар, а потом я разглядела картошку в мундирах. Мама уже поставила на стол три тарелки. Каждый брал себе вилкой по картошке и чистил её, а потом ел. Мама чистила картошку Денису, потому у них была общая тарелка. Папа эстетничал, у него был ещё и специальный нож, совсем безопасный и тупой. Им он разрезал очищенную картошку, потом отрезал ножом кусочек масла и клал его на картошку. Потом резал половинку картошки с тающим маслом пополам и уже эти кусочки ел.

Денис и мама просто сразу ели очищенную картошку, ещё горячую. Как у них это выходило, я не понимала. Может, у них кожа толще? Для меня же картошка была слишком горячей. Потому я её чистила, делила на кусочки вилкой и оставляла в тарелке стыть. Мама недовольно на меня смотрела, но молчала. Как-то давно она запихнула мне горячую картофелину в рот, несмотря на мои протесты. Она была убеждена, что картошка холодная. Месяц у меня облезла с нёба кожа, о чём я ей иногда говорила. С тех пор мы больше не ссорились из-за температуры еды. Хотя она и говорила, что я пью не чай, а мочу, а суп уже давно покрылся льдом.

Почистив четыре картошки и разрубив их вилкой на куски, я всё посолила и начала есть. Временами картошка была горькой, причём настолько, что челюсть сводило. После таких кусочков сразу

хотелось больше воды и заесть это всё нормальной картошкой.

Когда в кастрюле ничего не осталось, папа сказал, что сегодня едет с гостями в монастырь.

51.

Через час они уехали, а мы остались с мамой. Она делала уборку в другой комнате, а мы строили из кубиков башни и придумывали, кто мог жить в крепости.

Под вечер папа вернулся очень грустный, а гости сразу уснули в другой комнате.

— И как прошло?—спросила мама, когда уложила нас спать и везде было темно.

— Мне было страшно.

— Почему?

— Понимаешь, монах этот просто сказал идти к нему. Мы были должны стоять у проёма, в комнату не входя, а Димка—к нему идти, через пустую комнату.

— И что?

— Ну, Димка пошёл, а монах молитвы читает. Димка шаг-другой ещё нормально, а потом на пол падает, но ползёт вперёд.

— А Витя что, так и стоял?

— Нет, он ещё и жену держал. Если бы Динька так упал, я бы не смог стоять, я бы подбежал. А он стоял с каменным лицом и просто смотрел.

— А потом что?

— Да добрался Димка до монаха, всё лицо в слюне, в слезах. Добрался, приподнялся на колени и так и стоял рядом, пока молитва не кончилась. Потом мы уже зашли в комнату, а он смотрит на нас, словно и не узнаёт. Монах сказал ещё привозить. Только Виталья не повезёт. Он его там на время жить хочет оставить.

— Может, и прав твой Виталья: а вдруг поможет? Нам-то откуда знать?

— Может, и поможет, только ты бы лицо Светы видела.

— Переживёт. А ему и правда помочь может.

— Поможет, он так уснул в машине, прямо с улыбкой. Слово с него тяжесть какую сняли.

— Конечно, сняли. Ладно, давай спать.

Родители вскоре уснули, а я лежала в кровати и думала. Как это так—сидеть и читать молитвы, из-за которых люди идти не могут? Мама рассказывала, как люди читали молитвы и останавливали кровь даже в самой тяжёлой ране. Может, правда в наркоманах селятся бесы и демоны? Они и жрут изнутри, и заставляют яд принимать. Тогда, наверное, с алкоголем та же история.

Наверное, этот монах всех очень сильно любит. Иначе невозможно творить добро. Иначе бы он не смог смотреть на то, как из-за его помощи сначала людям плохо. Он же врач, просто гной вырезает из души. Хороший, значит. Но почему-то мне было его очень жаль.

На следующий день наши гости тихо собрали вещи и уехали.

Погода портилась, и всё было серым. Мама тоже собрала вещи, и мы поехали в Красноярск.

Часть четвёртая

52.

Мы ехали в Енисейск втроём: мама, я и брат. Папа уехал за неделю до нас, и я всё ждала, когда же поедет мы. На этом различия не заканчивались. Мы ехали в машине папиного друга. Он ехал в Енисейск к своей маме. Она нам ещё когда-то отдала деревянную водовозку.

Ехали мы с вечера, сразу после работы папиного друга, чтобы утром приехать. Спать было невозможно, запах машины был хуже, чем запах автобуса, а форточку нельзя было открывать, мог простыть брат.

В основном дорога была прямой, почти без поворотов, но я точно знала, что нам ещё придётся проезжать Тёщин Язык. Это был резкий поворот направо, да ещё и дорога при этом уходила вниз. Выходило так, что мы огибали скалу, и слева от резкого падения вниз с косогора нас спасали только железные ограждения.

Когда мы стали приближаться к этому повороту, я вспомнила, что в автобусе мне не было страшно его проезжать, а вот в машине стало страшно. Словно она может не войти в поворот, проскользнуть по песку, который был рассыпан сразу после дороги, и сорваться вниз.

Мысленно я попросила скалу, чтобы она нас держала и ни в коем случае не отпускала. Я уже училась в школе, но мне всё равно казалось, что всё в мире живое и доброе, кроме некоторых людей. Почему-то школа только усилила мою веру в это.

Поворачивали мы медленно, пару раз водитель ругался, что дороги так нормальные и не делают. Что в Америке важно, чтобы дорога была прямая, и они рубят горы и строят мосты над оврагами. А у нас, наоборот, всем плевать на водителей.

Когда мы прошли поворот, он открыл форточку и закурил. Я была рада, что всё прошло благополучно, а ещё наконец-то появилось хоть немного свежего воздуха. Я и сама не заметила, как уснула.

Утром нас встретил папа. Мы зашли в маленькую комнату и легли досыпать. Папа о чём-то шептался с мамой.

53.

Проснулись мы с братом уже под вечер. Родителей не было.

Мы открыли дверь и решили выйти на крыльцо.

Папа с мамой общались с девушкой. Она была очень высокая, худая и беременная. На вид она

была очень туленькая. Лицо у неё было вытянутое, нижняя губа оттопырена, глаза были как у мёртвой селёдки. Но самое ужасное—говоря с нашими родителями, она закурила. Мама тут же поджала губы, но промолчала. Папа же так удивился, что замолчал. Да и привычная улыбка исчезла его лица.

Потом они продолжили разговор. Мы стояли у вторых дверей, и нас было не видно девушке, зато мама уже заметила, что мы проснулись. Она кивком указала папе на нас и пошла к нам. Вместе мы вернулись в комнату.

— Это наши квартиранты, они будут снимать большую комнату.

— Мама, девушка курит... — сказала шёпотом я.

— Её право, мы ей не родители.

— Мама, у неё же ребёночек в животе. А она курит.

— Я тоже это видела. Просто отходите дальше, если она будет курить.

— А они долго у нас будут жить?

— Ох, надеюсь, тогда зимой дом с нашего угла промерзает не будет.

В комнату вошёл папа.

— Ну что, дети, кто пойдёт знакомиться с соседями? У них есть собака.

Эта новость была самой важной, нужно было с неё начать.

Денис полез на кровать, а я пошла знакомиться с соседями.

Девушку звали Алёна, а её парня—Дима. Собака жила не с ними, так что они мне стали совсем не интересны. Собака Рекс жила в своей будке.

Будка находилась между бочками с водой и амбаром. Рекс был совсем щенком, похожим на бигля. Он сидел на цепи, и когда я подошла к нему, он начал на меня прыгать. Он не нападал, просто ему было скучно. Морда у него была при этом очень счастливая. Только вот его хозяева запрещали к нему подходить.

Я постояла перед его будкой и пошла домой. Гладить собаку мне тоже запретили.

Мама стала собираться гулять по городу. Я села читать сказки Пушкина, а Динька—рисовать машины.

Мама очень гордилась Динькой, говорила, что его рисунки очень техничны. Мои же рисунки она воспринимала как возрастное увлечение. Она так и говорила знакомым: «У Сони это из-за возраста. Все девочки лет до десяти рисуют и придумывают, что станут художницами. А вот у Дениса видна крепкая рука художника».

Мама вскоре вернулась и принесла пряники. Мы сели пить чай, и за чаем она достала серёжки. — Вот, смотри, этот камень называется александрит. Посмотри внимательнее, какой он под разным освещением,—сказала мама и дала мне одну серёжку.

Серёжки были из золота, даже проба на дужке была. Вокруг камня была огранка, как будто это цветок, а камень—центр цветка. Камешек был

розово-фиолетовый. Но когда он оказался у меня на руке, он стал зелёным. Я удивилась и стала рассматривать его со всех сторон. От разного освещения камень имел разный цвет.

Я специально подольше разглядывала серёжку, запах пряников мне совсем не нравился. Пряники были мятными, однако, помимо запаха мяты, который был слишком резким, пряники пахли ещё и какой-то кислинкой.

— Так, а ты чего опять не ешь? Ты ж любишь сладкое,— строго сказала мать.

И Денис, и папа к тому времени успели съесть по два пряника и ждали меня. В семье всё делилось поровну.

— Они странно пахнут,— ответила я, зная, что участь моя неизбежна.

— Ну так с мятой же. Ешь, кому говорю, и так совсем дохлая.

Пришлось взять пряник и съесть его. Если кусать помаленьку и запивать чаем в больших количествах, было не так плохо. Второй пришлось съесть уже без чая, под строгим взглядом матери. А потом и третий, и четвёртый. Это был праздник под строгим надзором.

Засыпала я тяжело, всё вспоминая чудесный камень. Вот интересно, почему он такой? Мне нравились камни, причём не важно, были они прозрачными или плотными. Хотя нет, больше всего я любила янтарь, а он в основном прозрачный. Но самое важное, что он был живее всех камней. Трогая его, ты чувствовал, что он мог растечься. С другими камнями было иначе.

Совсем непрозрачные камни чувствовались как дедушки и бабушки, которые, прожив своё время, погрузились в себя и закрылись в кокон. Глаза их закрыты, а руки лежат на коленях. Они готовы тебя защитить, спрятав в себя, но они не будут с тобой говорить. Да и зачем? Их одежды и морщины расскажут тебе больше, если уметь смотреть.

Прозрачные камни, наоборот, так уплотнились, что начали сиять, и их свет пронизывает всё вокруг. Они готовы осветить твой путь или проникнуть в тебя песнью. Только глядя на них, ты не расскажешь об их жизни, не за что зацепиться.

54.

Голову разрывала боль, и жутко тошнило. Чем больше я пыталась отвлечься, тем хуже мне становилось. Начало морозить. Я спряталась под одеяло с головой и старалась дышать медленно, прогревая своим дыханием воздух вокруг. Сейчас было очень важно отключиться прежде, чем мне станет совсем невыносимо. Вдох—выдох, вдох—выдох, вдох—выдох...

Меня рвало, меня просто выворачивало наизнанку. Каждая мышца стремилась избавиться от яда, а мозг, спасая меня от потрясений, отказывался включаться. Лишь на несколько мгновений

я увидела, что у матери испуганное лицо, что свет они не включали, что поменяли ведро на кастрюлю. Потом я опять откинулась на кровать. Простыни были холодные, меня переложили на кровать родителей. Мать поднесла к моим губам воду, я смогла отвернуться.

—пей, кому говорю, лекарство.

Главное—дышать ровно. Если я не буду осторожна, меня опять вырвет. Я поворачиваюсь и выпиваю всё. Меня трясёт, и судороги тела сбивают с ритма. Главное сейчас—считать. Раз, и два, и три, и четыре, и... Лучше через нос, так меньше тошнит. И тут новый спазм. Я еле успеваю приподняться от подушки. Судя по звуку, родители успели подставить ведро или кастрюлю, не важно. Почему же так холодно? За что мне это?

Иногда я открываю глаза; я под одеялом по самый подбородок, оно тяжёлое, и это неприятно. Слабость во всём теле такая, что я не могу повернуться на бок, хотя очень этого хочу. От стараний я опять засыпаю.

Мать подносит к губам стакан, я отворачиваюсь. Она поворачивает мою голову к стакану. Ну что такое, почему нельзя оставить меня в покое? — Это просто вода, ничего не будет. Ты слишком много жидкости потеряла.

Как же хочется спать. Приоткрываю рот, цепляюсь передними зубами за край кружки, так она не выскользнет. Вода течёт по языку, осторожно глотаю. Всё сжимается, надо перетерпеть, не вечно же меня будет так выворачивать. Допиваю до конца. — А теперь открой рот, это салат.

Пахнет вкусно, но мне же будет плохо. Зачем? — Открой, кому говорю, или я тебе сама его открою. Ты не ела весь день.

Ну не смогу я. И говорить-то не могу.

Мать давит на рот ложкой, она уже упирается в зубы. Я открываю рот и стараюсь медленно пережёвывать капусту с помидорами. Вкусно-то как. Новый спазм—и я опять успеваю только отклониться от кровати. Кислота из желудка обжигает горло. Ну всё, как закончится, буду спать, пока не стану здоровой.

Вечером я просыпаюсь одна в комнате. Солнце гладит меня по щекам. Я тоже по тебе скучала, ты же везде разное. Я сажусь. Мне кажется, что от солнечных лучей во мне становится больше сил. Какое-то время я просто сижу, свесив ноги с кровати, и согреваюсь от солнца. Как же холодно вчера было. Я открываю глаза: надо бы найти, где остальные. Я иду на крыльцо. На крыльце стоят мама и брат. Они что-то считают.

— Вон как Дениса напугала, пришлось успокаивать,— говорит мама, повернувшись ко мне.— Пойди пока тут с братом, скоро папа с лекарствами придёт. Я пока чайник поставлю.

Я встаю за спиной брата и, когда мама уходит, спрашиваю:

— Что считаем?
— Машины. Сколько в город, сколько из города.
— И как?
— Пока стоим, четыре в город, одна из города.
А ещё коровы.

— А коров мы не считаем?
— Нет, они же просто так ходят.
— Хочешь, покажу, как я лазить умею?
— А мама ругаться не будет?
— Она же пока чайник ставит, я успею.
— Давай.

Я перелезла через перила и полезла вниз по наружной части крыльца. Несложно, но немного страшно. Когда я оказалась на земле, я посмотрела снизу вверх на Диньку. Не так уж и высоко. И чего я боялась? Я стала подниматься вверх, это было труднее. Особенно перекидывать ногу через перила.

— Я так лазить не буду,— сказал Динька.
— Я и не прошу, просто показала.
— О, ещё одна, красная, в город. Уже пять.

Открылась калитка, зашёл папа, пару шагов он сделал, опустив голову, ещё в своих мыслях. Потом поднял голову и увидел, что мы стоим. Сразу улыбнулся. Когда мама рядом, ему ничего не надо решать, просто надо выполнять её указания. Он так меньше боится, но тревожность ещё остаётся. А ещё он так чаще убегает и бегаёт дольше, потому мать даёт ему сразу много поручений в дорогу, чтобы не зря бегал.

В комнате меня ждали салат и куча лекарств. Запихнув это всё в себя, я легла читать и читала, пока не уснула.

55.

Я в другой части Енисейска, такой белой и невозможной, очень советской, с Домом культуры. Нас ведёт папа, в руке у меня мороженое, я прохожу мимо белых домов с колоннами. Это как парк домов. Даже не знаю, почему я решила, что это Енисейск.

Я огибаю одно из зданий. Сначала я вижу просто стену с голубой мозаикой. Потом ступеньки, ведущие к большим дверям, по бокам от которых стоят колонны. Есть несколько вывесок-плакатов, я не могу различить, что на них написано. Может, это кинотеатр? Хотя людей нет вокруг.

Перед зданием фонтан. Очень большой, огромный. Я не видела таких больших круглых фонтанов. Прямоугольные есть в Красноярске, они даже больше и светятся. А тут большой и круглый, и в елях.

Мама рассказывала, что ели высаживали вокруг правительственных объектов, чтобы снайперам было сложно стрелять. Мама с нами нет, только я, папа и брат, и то я вечно от них отстаю. Они всё тут знают, я же стараюсь разглядеть всё и запомнить. Особенно узоры. Мне нравится, когда человек пытается повторить красоту природы. Даже простые колоски.

Солнце слепит белизной, всё вокруг словно нарисовано мелом на голубой бумаге. Дома растворяются, и вот они уже просто полоски мела. Потом полоски света. Свет.

56.

Свет бьёт в веки, тёплый, жёлтый. Может, город из сна и не Енисейск. В Енисейске-то свет жёлтый, и тёплый, и дружелюбный. За окном лают собаки. Стоп. У нас же только одна собака на дворе.

Я выглянула в окно. В самом углу, у забора перед амбаром, сидел чёрный щенок. Из подвала вышла барщица с тазиком и пошла к собаке.

— Глеб, ты чаво разгавкался? На тебе байды. Розку потом выпустим, как этот успокоится.

Она оставила тазик с едой перед собакой и пошла в подвал. Глеб был щенком и очень походил на немецкую овчарку. А ведь они умные собаки, с ними кинологи работают. Но мне его мама точно гладить не разрешит. Он же от подвальных, а от них могут быть болячки разные.

В комнату заходит папа:
— Пойдёшь к тётке Ане?
— У которой куры в подвале?
— Ну да, которая мама дяди Валеры.

— Конечно, пойду.
— Тогда собирайся, я маме скажу, что мы пошли, и мы пойдём.

Я быстро собралась. Папа как раз вернулся, когда я была готова к походу в гости. Хорошо хоть мама не заставила завтракать. Мы быстро дошли до двора тётки Ани. Она встретила нас на крыльце.
— Саш, ну чего твоей с нами, стариками, сидеть? Тут вон детей привезли. Пусть хоть побегает.
— Ну давай,— согласился папа, и я осталась на крыльце.

У второго крыльца сидели двое, девочка и мальчик. На вид они были моими ровесниками. Я подошла к ним.

— Здравствуйте. А давайте знакомиться?
— Давай. Я Настя,— сказала, повернувшись ко мне, девочка с белыми хвостиками.
— А я Коля,— сказал мальчик, и я увидела, что его зубы были просто огромными.

Они были толще моих и больше. Может, это молоко так на него повлияло? А как же он дальше жить будет? Может, в городе его зубы истончатся и станут нормальными?

— Я Соня,— ответила я.— Вы во что-то играете?
— Нет, сегодня Колю родители увозят, вот мы и ждали на крыльце. Хочешь посмотреть на моего брата?— сказала Настя.

— Давай,— согласилась я.

Мы пошли к третьему крыльцу. Напротив него сидели дедушка и совсем маленький мальчик. Он с трудом стоял на двух ногах. Молоточек в его руке, хоть и был маленьким, постоянно выпадал из ладошек мальчика, а его дедушка постоянно

говорила ему его подтянуть. То, что это дедушка и внук, было понятно по их одуванчиковым волосам. Казалось, что первый же порыв ветра их сдует и они разлетятся пухом по округе.

Дедушка поставил перед внуком доску и вбил в него гвоздь так, чтобы внук продолжил его забивать. Мне стало интересно, смогу ли я забить гвоздь.

— А можно мне попробовать? — спросила я.

— Ну попробуй, — дедушка дал мне молоток побольше.

Я попробовала забить гвоздь. Это оказалось нетрудно. Ржавый гвоздь легко входил в старую серую доску. Внук наблюдал за мной с интересом. Впрочем, Настя и Коля тоже за мной внимательно смотрели.

Я вернула молоток дедушке. Он взял доску и вбил новый гвоздь. В этот раз внук сам полез его забивать. Выходило у него не очень хорошо, он часто промахивался. Я очень хотела помочь. Но именно сейчас я чувствовала себя чужой. Гвозди и молотки — это способ деда общаться с внуком, вырастить из него мужчину. Я же просто чужая девочка.

Мы немного побегали с Настей и Колей друг за другом, а потом приехали его родители на машине, и мы начали прощаться. От неловкого одиночества, когда родители посадили Колю в машину, Настя пошла к дедушке и брату, а меня спас отец, который вышел от тёти Ани.

Мы шли вместе домой, а я всё думала, как же Коля будет жить с такими зубами. Неужели молоко и правда так влияет?

57.

Дома меня ждал нагоняй за то, что я пропустила завтрак. Мама ужасно злилась, если я не ела. После того как я выслушала её крики, мне пришлось есть суп. Не то чтобы он был невкусный. Просто я не ощущала его вкуса. Мало что можно было бы различить после того, как на тебя накричит мама. Её крики — широкие, как плохой твёрдый ветер, который бьёт тебя в грудь и оставляет чёрный след внутри. После такого всё внутри сжимается, и ты перестаёшь думать и ощущать мир. Есть в таком состоянии просто невыносимо. Каждый глоток даётся с трудом.

Вечером мама достала наволочку, в которой оказалось много разных обрезков ткани.

— Это от твоей бабушки осталось. Она шила много, — сказала мама.

— А зачем это? — спросила я.

— Кусочки оставляли для заплат. Или куклам наряды делать, если дочка была.

— И мы будем куклам наряды шить?

— Да, когда найдём для кого.

— А в Красноярск привезём? Там-то куклы есть.

— Привезём, если место будет. Ещё чего не хватало — туда-сюда тряпки возить.

Она положила наволочку в шкаф, на дно. В этот вечер мы ничего не делали с лоскутками, но я только и думала о них. Ведь можно было бы шить, а это интересно. Из ткани получался наряд. Это было интереснее, чем моделировать из бумаги. Из бумаги выходили машины, у которых большая часть стыков была прямыми линиями. А тут и кривые линии, и даже круг.

58.

Я была в лесу. В очень старом лесу, где верхушки деревьев так высоко, что свет снова начинает заливать землю, проходя сквозь далёкую листву. Корни деревьев были покрыты мхом, часто рядом со стволами росли молодые деревца, они были очень тоненькие, с маленькими листочками.

Навстречу мне вышел волк. Точнее, волчица. Это было понятно по её морде. Она смотрела на меня спокойно, словно чего-то ждала. Я не люблю убегать во сне: чем больше бежишь, тем хуже. Поэтому я просто сделала шаг в её сторону. Волчица не сдвинулась с места. Я сделала ещё один шаг; она вильнула хвостом, как собака.

Я подошла к ней, и она уткнулась мне лбом в грудь. Я попробовала погладить её по голове; шёрстка у неё была мягкая, у основания почти чёрная, потом коричневая, а на кончиках почти рыжая. Она снова посмотрела на меня и мотнула головой вправо. А потом отошла от меня и, развернувшись, пошла за деревья. Я пошла за ней, и мы пришли к её берлогу.

Не знаю почему, но я полезла за ней в её жилище. Там мы просто легли на листья и уснули. Странно, но всё пахло фиалками и ещё немного персиками.

59.

Утром мы позавтракали и пошли к юннатам. Мама всё торопила нас. Оказалось, что папа сегодня должен уехать. Отъезд папы был плохой новостью. Это его родной город, и он тут всё знает. И его все знают и рады нам просто потому, что мы его семья. А с мамой мы — просто с мамой. Очередная курортная семья. Только дом и знает, что мы здесь почти свои.

Удома юннатов мы позвонили в звонок, и к нам вышла очень советская учительница. Прямо как из фильма. У неё была высокая причёска, блузка с расшитым воротничком, коричневая жилетка и прямая юбка ниже колена, а ещё коричневые туфли на невысоком каблуке. Она улыбнулась нам. — Вы зачем пожаловали?

— За огурцами, помидорами, ещё лук зелёный, — сказал папа.

— Ой, у нас как раз все теплицы забиты. В этом году дети перестарались, и урожая вышло очень много. Вы проходите, я сейчас всё соберу.

Мы зашли всей семьёй на территорию юннатов. Тропинка была обозначена деревянными

квадратными досками, от нагрузки они немного смещались по мягкой земле то влево, то вправо. Однако учительница цокала каблучками по ним так, словно это обычный паркет. У неё была идеально прямая спина, и двигалась она почти как робот или английская леди.

Мы зашли в деревянный домик. Слева была комната администрации, а справа живой уголок — правда, за закрытыми дверями. Я прилипла к стеклу в дверях и пыталась разглядеть хоть что-нибудь. Стёкла были витражные, их покрывали крупные розовые лилии.

Я разглядела клетку с ёжиком и ещё клетку с зайцем. Судя по звукам, там были ещё и птички. — Можем попросить, чтобы комнату открыли, и ты посмотришь зверушек, — сказала мама.

Я стала ждать возвращения учительницы. Пришла она с двумя большими пакетами. Папа отдал ей пятьдесят рублей и спросил, можно ли нам посмотреть животных. Но у неё ключа не оказалась.

Обратно мы дошли быстро.

Родители начали делать салат, а я сидела на кресле и думала, что же будет вечером, ведь день начался очень плохо. Хотя в Енисейске даже плохой день был теплее и радостнее, чем в Красноярске любой день в году.

60.

Папа уехал ещё до обеда. Мы проводили его на автобус. Хорошо быть взрослым, тебя не заставляют есть. Правда, салат вкусный, но папа его всё равно не ел. На прощание папа нас всех расцеловал; правда, мама сначала отказывалась, строго говоря, целовать сначала нас. Папа всегда на прощание целует трижды, в обе щёки и в нос. При этом он исколет тебе все щёки своей бородицей с усами. После того как он целует тебя, надо так же поцеловать его. Я всегда этого стесняюсь. В семье у нас обнимаются только мама и Динька постоянно. Потому я всегда стесняюсь обниматься и тем более целовать кого-то, слишком редко это происходит. И дело не в том, что мы друг друга не любим. Мы все, конечно, боимся маму, но в целом мы просто не проявляем эмоций. Эмоции — это лишняя окраска; мама говорит, что они отнимают силы.

Когда папа нас расцеловал, мама наконец сдавалась. По её лицу было понятно, что ей тоже не нравится его борода. Хотя это она сказала её отрастить, а то он от студента не отличался.

Вытерпев его поцелуи, она наигранно и нарочито зажала его голову между ладоней и начала чмокать — не целовать, а именно чмокать. Выходило так, словно она хочет показать, что она тут главная, а он скорее домашнее животное или даже её слуга. Папа рассмеялся, взял сумку и зашёл в автобус, который скоро отъехал.

Потом мы пошли в центр, и там мама зашла в магазин, где было много серых отдельных прилавков.

Мама смотрела что-то из книг, а я увидела маленьких куколок в пластиковых чехлах.

Каждая кукла была не больше ладони, они были в современной одежде, и на наклейке сверху был рисунок, как они поют на сцене. Это были не те куклы, для которых можно шить одежду, они уже были в одежде. Но они были маленькими, и у них было столько разных деталей. Казалось, стоит их освободить из пластикового чехла, и они начнут двигаться сами. В этот миг я их очень захотела, только мама такие не купит. Я вздохнула и отошла от прилавка.

Дома мы сели за стол, и пока мама раскладывала салат, я вертела вилку в руках. В открытые окна влетали и улетали мухи. Одна из них села на ручку вилки и поползала по узорам. Я стала медленно дышать и осторожно передвинула к мухе большой палец. Миг — и её лапки с левой стороны под моим большим пальцем. Муха жужжала, но не двигалась. И зачем мне её труп? Пусть летает. Я же уже поняла, что могу её поймать. Я подняла палец, и муха улетела.

За окном начал лаять щенок подвальных жителей.

— А ведь они его съедят, — сказала мать.

— Как съедят? — удивилась я.

— Как, как — как простое мясо.

— Как же можно есть собак?

— А как можно есть коров? Они же тоже и в сараях живут, и даже сами по городу ходят.

— Но это же коровы, а тут собака.

— А в чём разница? Та же домашняя скотина.

— Но собаки умные.

— Если бы мы ели только глупых, то тебя тоже можно было пустить на мясо. Хотя нет, откуда у тебя мясо? Одни кости. Из тебя только суповой набор получится.

Есть после такого разговора не хотелось. Может, она с папой так же поговорила? Потому он и уехал, не поев вкусного салата. После таких разговоров есть совсем не хочется.

Вечер прошёл очень тихо. Мама с Динькой читали, и я пыталась прочесть сборник скандинавских сказок. В них было слишком много глупых и злых троллей. Раз я глупая, значит, я тоже злая и плохая?

61.

Я снова оказалась на мраморном балконе. Иногда мои сны были с продолжением. Мне это даже нравилось. Если сон продолжался через время, значит, он жил и без меня.

Я перелезла через балкон. Вид вокруг особняка очень изменился с тех пор, как я там была. Из эпохи средневековья он скакнул в эпоху первых паровых машин, от которых всё ещё цепенели дамы с зонтиками и маленькими собачками. Я зашла в лавку через дорогу от особняка.

На вывеске были непонятные символы и брошь. За прилавком стоял милый старичок с невероятной белыми волосами и загорелой лысиной. Он казался очень тонким, почки хрупким, и его рост только усиливал этот эффект. Он приветливо улыбнулся и поклонился. Я поклонилась в ответ и стала рассматривать застеклённые прилавки.

Похоже, в этом мире камни были гораздо крупнее, чем у нас. По крайней мере, было всего две работы с маленькими камушками: две разного размера бабочки, выполненные так, словно металл, похожий на серебро, был кружевом, усыпанным мелкими бриллиантами и топазами. В остальном же металл просто обрамлял огромные булыжники, напоминающие сапфиры, гранаты и изумруды.

Старик кашлянул, и я подняла взгляд на него. В руках он держал чёрную бархатную подушечку с брошкой. Брошка была в виде огня. Огромный, примерно с грецкий орех, оранжевый камень был огранён так, что в нём словно полыхало пламя. Оправа из странного, почти красного металла была покрыта маленькими оранжевыми камнями. Он протянул подушечку мне.

Я отступила и отрицательно покачала головой. Потом вывернула карманы, показав, что там ничего нет. Старичок улыбнулся и поднял палец вверх. На стене висел мой портрет. Это был рисунок, на котором была я. В оранжевом платке, майке, джинсах и кедах. Кто же мог меня нарисовать? И как портрет сохранился до этой эпохи?

Старичок снова протянул мне подушечку с брошью. Я взяла её и прицепила на майку. Старичок улыбнулся. Брошь была холодная, но стоило мне прицепить её, как она начала греться. А ещё она была удивительно лёгкой.

Я ещё немного поулыбалась старичку и скоро вышла из лавки. Пройдя немного вдоль особняка, я обогнула его.

Перед главным входом стояла моя статуя, метров десять высотой, белая. Какое-то время я просто стояла перед ней, не веря своим глазам.

«Если вам что-то не нравится, мы можем её изменить. Мы делали её по портретам», — сказал женский голос за моей спиной.

Я обернулась и увидела милую женщину лет пятидесяти. У неё была высокая пышная причёска и пенсне. А ещё — длинное серо-фиолетовое платье из плотной ткани.

«Да нет, очень похоже. Только зачем вам моя статуя?» — ответила я.

«Вы наша богиня, народ вас любит и чтит. Мы решили, что статуя и портреты будут радовать людей».

«Богиня?»

«Вы спите веками и лишь иногда навещаете наш мир, чтобы показать, что вы живая. В нашем мире нет войн. А все наши исследования показывают,

что именно войны уничтожили прошлых хозяев этого мира. Вы же не меняетесь никогда, как и ваш дом. Возможно, именно ваш спокойный сон и есть залог нашего мирного существования».

«А откуда такие точные портреты? Последний раз я выходила, когда здесь были рынки, а о паровых машинах ещё и не было речи».

«Мы можем наблюдать за вашим сном через открытые двери, это всё, что нам под силу, а вот зайти в вашу комнату мы не можем. Иначе мы бы уже переложили вас на кровать».

«Понятно», — сказала я.

И задумалась, смогу ли я через двери попасть в этот особняк, или мне так и придётся всегда лазать через балкон.

«А что находится в остальных комнатах?»

«Библиотека, обсерватория. Есть ещё маленькое кафе, оно совсем недавно открылось».

«Проведите мне экскурсию».

«О, я и мечтать не смела».

Она провела меня по всем залам. В книгах, что я смотрела, не оказалось ни одного знакомого символа. Да и на картах звёздного неба не было ни Медведиц, ни Кассиопеи. Я даже посмотрела на свою комнату. Войти в неё я смогла, в отличие от женщины. Она оказалась директором библиотеки.

Пока директор держала дверь, я смогла выйти обратно. А вот когда я решила провести эксперимент и она ненадолго отпустила дверь — та закрылась, и я могла выйти только в кинотеатр.

После, когда мы пили чай в её кабинете, я спросила:

«А вы не думаете, что я не бог?»

«А кто же вы?»

«Ну, скажем, просто человек из другого мира».

«И чем это отличается от богов?»

«Как же? Бог создал весь мир и помогает всем его обитателям».

«Даже если вы не бог, вы такая же достопримечательность, как и наши горы».

«Что вы имеете в виду?»

«Вы слишком долго живёте. Да, большую часть времени вы спите, но никто не может похвастаться таким долголетием. Скажите, что первое вы помните о нашем мире?»

«Войну. Потом вулкан сжёг то, что не сожгли люди. Потом уже природа начала всё сначала».

«Видите? Это было очень давно. Камень, что на вас висит, в тот момент ещё не был камнем. А вы ещё говорите, что не бог».

«По-вашему выходит, что бог — это всё странное?»

«Всё, что поддерживает мир. Вы — наглядное доказательство, что любая война уничтожит наш мир. У нас нет убийств, нет насилия как такового. Совсем. Все знают, что в особняке спит девочка-подросток и только благодаря ей всё человечество получило второй шанс».

«Странная логика».

«Она — основа нашего мира. Во всех городах стоят ваши статуи, и везде можно найти ваш протрет, бесплатно. Милосердие получают бесплатно».

62.

С мамой я меньше понимаю, что происходит вокруг. Словно перестаю видеть и слышать, и даже вкусы пропадают.

Утро пролетело незаметно. Мы что-то поели и пошли на речку, на каменистый пляж, мама не хотела идти на песчаный.

На каменистом пляже всё кажется холоднее, а может, там и правда холоднее. Мы с Динькой пытались плавать, мама всё старалась объяснить Диньке, как держаться на воде. Когда она начинала злиться, что он не понимает, она загоняла нас на плед. А сама делала заплыв до буйков и обратно.

Это было наше время. Сидя на пляже, мы тряслись от холода, обёрнутые в полотенца, и разглядывали камни.

— Смотри, этот как стекло, — сказал Динька и, осторожно наклонившись, взял маленький коричневый камушек.

При ближайшем рассмотрении камушек действительно оказался как стекло. Он был прозрачный. Посмотрев через него на солнце, можно было увидеть, что он весь в трещинках, даже немного расслаивался. Я отдала Диньке камешек и стала сама высматривать интересные.

Мы сидели на островке-пледе, и каждый высматривал свой камень. Когда камень был замечен, мы наклонялись, не покидая пледа, и брали камушек. Так было интереснее — не сходя с пледа, найти все интересные камни. Коллекцию мы складывали в центре. А когда мама плыла обратно от буйков, мы перекладывали коллекцию за край пледа.

Первым не выдержал Динька. Когда мама в третий раз вернулась от буйков, он решил показать ей свою коллекцию.

— Смотри, это камушки, — сказал он.

— Вижу. И? — ответила мама, вытираясь.

— Смотри, какие они. Вот этот как яичко, только наоборот, — он показал маме белый камушек с жёлтым пятном. — У него желток снаружи.

Мама взяла камушек и начала разглядывать. — А этот хоть и зелёный, но весь в красных точках, как в веснушках, — подал Динька следующий камешек.

— А в этом — планеты, — показала я серый камень, на котором были белые точки и несколько вкрапленных кварца; это походило на рисунок Галактики в учебнике.

— А какие ещё есть? — спросила наконец мама.

Мы вытащили всю коллекцию и начали рассказывать о каждом камушке. Мама рассматривала их вместе с нами. Потом сказала, что мы можем погулять по пляжу и ещё камни поискать.

Мне нравились прозрачные или те, в которых были прозрачные вкрапления. Я принесла несколько таких, и мама рассказала, что это кварц, из него делают стекло. Я стала представлять, как его режут и составляют пазл, чтобы получилась картинка, как мозаика. Но когда я спросила, как именно делают стекло, мама сказала, что кварц просто плавят.

А все остальные камни были глиной с разными примесями. Когда-то в земле глина была рядом с каким-нибудь металлом и под давлением стала совсем твёрдой и даже цвет сменила. А уголь вообще был когда-то деревом, а потом станет алмазом.

А потом мы нашли с Динькой леску с крючком. Мама была на плед, далеко, и мы не знали, стоит ли нести её к маме.

— А если мама будет ругаться? — сказал Динька. — Но это же для рыбалки. Может, мы рыбачить будем, а это как грибы собирать, а за грибы мама не ругалась.

— Но крючок острый, мы можем уколоться. Мама тогда точно кричать будет.

— Я возьму за леску, видишь, какой большой моток.

— Тогда крючок может потеряться.

— Я буду следить, чтобы не потерялся.

— Но несёшь ты. И нашла ты.

— Я так и скажу, не бойся.

Я взяла леску за моток, крючок болтался от каждого моего шага. Я осторожно несла его, Динька плёлся позади, глядя то на маму, то на камни. Я подошла и сразу всё выложила:

— Это леска от удочки. Тут ещё и крючок есть, всё запутано, но я могу распутать, и можно будет ловить рыбу.

— Ну, для рыбы ещё палки подходящие найти надо. Папа приедет, и пойдёте с ним рыбачить. Молодец, что нашла.

Динька насушился и показал, какие ещё камни нашёл. Мама посмотрела, а потом они пошли ещё пробовать плавать. Мама сказала найти ему у самого берега большой камень и держать его руками, а ногами шевелить так, чтобы были брызги. Так Динька точно лежал на воде.

Я плавала рядом с ними, на расстоянии видимости мамы. Как же хорошо, что мы сможем порыбачить. А потом мы будем готовить рыбу. Почему-то мечты эти показались мне фантазиями, которые не исполнятся, как текст в книге. Я постаралась забыть это ощущение.

Потом мы выбрались на пляж и стали собираться. Под юбку мама мне сказала надеть бриджи, которые она сшила из старых мужских трусов. Мама говорила, что это для того, чтобы я ноги не стирала, хотя стирал ноги Динька. Он часто потел, и ещё у него была аллергия на жару, он покрывался красными пятнышками. Но маме было всё равно. Если случилось с одним из нас, она лечила обоих, за компанию. Когда у меня постоянно шла кровь

из носа, Динька тоже какое-то время принимал мой лекарства.

На самом выходе с пляжа мы увидели пластиковую упаковку из-под гитары. Она полностью повторяла рельеф маленькой гитары, даже струны были намечены. Я взяла её и начала изображать, что играю на гитаре. Динька смотрел на меня немного ошарашенно, да и мама не понимала, зачем я держу мусор в руках. Тогда я решила спеть и начала с «Бременских музыкантов». Динька сразу понял, зачем всё, и забрал у меня пластиковую упаковку. Мы стали петь вместе. Потом мы пели Боярского, про городские цветы, потом про мушкетёров. Потом Пугачёву, про волшебника и про короля, который не мог жениться на простой девушке, потом про Арлекино. Мы пели во весь голос и по очереди играли на гитаре. Мама лишь иногда нас прерывала, когда мы переходили дорогу. Проходящие мимо бабушки улыбались нам. А я радовалась, что мы не в Красноярске. В Красноярске так петь нельзя, там люди, они будут осуждать. А тут можно спокойно петь, если поётся.

У последнего перекрёстка, перейдя дорогу, мы увидели шампиньоны. Они были большие. Гораздо больше, чем в Красноярске. Мама рассказывала, что шампиньоны растут только рядом с людьми, в деревнях и городах, а в лесу они не растут. А в деревнях некоторые не знают, что они съедобные, и зовут их шпионами. Я перелезла через маленькую железную ограду и собрала грибы. Они там были целой семьёй, даже совсем молочные попадались, у них ещё шляпка не отделилась.

А дома мама сказала мне почистить грибы, и потом мы сварили суп. Мама говорила, что и в каких количествах кидать в кастрюлю. Зато потом она говорила Диньке, что этот суп есть благодаря мне, потому что я грибы собрала. Приятно быть полезной.

63.

Утром мы позавтракали вчерашним супом и пошли гулять. На этот раз мы пошли к школе. По пути нам попадались только коровы, которых недавно выпустили погулять. Все вокруг либо ещё спали, либо закопались в огороды.

Школа была огорожена деревянным забором, издали она не отличалась от обычных домов. Как и папина школа, она была кирпичной. Только папина школа была серой, а эта была оранжевой, как персик. Солнце ярко освещало и школу, и двор вокруг неё. Всё, кроме кедров на заднем дворе школы. От деревянного забора к школе вела тропинка через луг. Вдоль тропинки росла лекарственная ромашка. Что она лекарственная, я узнала уже после того, как мне понравилось её есть, прабабушка рассказала. Мне нравилось есть жёлтые головки цветков, что-то в их вкусе заставляло меня есть их при первой возможности. Я не рассказывала об этом маме, но всегда их ела.

Вот и сейчас я сорвала несколько цветков и положила в карман. Уже в кармане я ногтем большого пальца оторвала жёлтую часть от основания цветка и сжала в ладошке. Когда мама точно на меня не смотрела, я незаметно положила это в рот. На вкус это было похоже на молодую зелень, ещё упругую, со сладковатым привкусом.

Когда мы подошли к школе, мы увидели развал. Рядом со школой была раскидана старая мебель. Белая, она казалась кукольной в окружении травы и кустов. В старых шкафах были портреты и испи-санные листки, стопки тетрадей и старые журналы. Запахи старой бумаги смешались с запахами лета. От всего происходящего стало радостно. Как будто мы были в театре. Что всё вокруг — декорации, а значит — понарошку. Мы смотрели, есть ли интересные книги в шкафах, жалели, что нельзя взять с собой парты домой. Даже разрисованные и с потрескавшийся краской, они были отличными столами, даже сидеть можно, крепкие.

И тут мы увидели карту. Она была большая, на ней был весь мир. Мама сложила её аккуратно и положила в пакет. Это было нашим школьным сокровищем.

Больше ничего интересного из того, что было можно взять с собой, на школьном дворе не оказалось. Мы с Динькой начали бегать между мебелью, играя в догонялки. Мама стала ругаться, что мы запнёмся и упадём. Потому мы побежали к кедрам.

Сухие иголки под ногами были влажными и холодными. Это чувствовалось даже через подошвы сандалий. Мы ещё немного побегали, но в тени было уже не так весело. Мы стали просто гулять под кедром, замолчали и разошлись подалее.

Стоя под кедром и глядя на солнечную поляну, на которой были парты, казалось, что все мы сейчас в фильме. В любой момент могли появиться ещё люди или животные или прилететь драконы. Но никого не было. Только мы втроём у школы.

Мама предложила пособирать шишки. Когда мы собрали все шишки, мы пошли домой. По дороге я постоянно перелезала через ограду, которой были огорожены трава и деревья у дороги, и собирала грибы. Грибов было много. Мне нравилось обходить каждое дерево и находить все грибы. Словно все они были одной системой и можно было найти лёгкий способ, даже не глядя на землю, найти все грибы. Они росли узором, и можно было рассчитать этот узор. Так до самого дома я перелезала через ограды и собирала грибы. А у дома мы собрали мелодию крапивы.

Дома мама первым делом разложила на моей кровати карту. Потом мы стали думать, куда и на что её повесить. Скотча не было. Зато были иголки из-под пятикубовых шприцев. Те, что остались после уколов Диньке.

Мы повесили карту, и мама сказала нам лежать и не мешать, пока она готовит. На карте все страны

были отмечены разными цветами. Что было написано, я не различала, даже лёжа на кровати под ней, а вот Динька с кровати напротив моей, стоящей у противоположной стенки, всё видел. Сначала мы просто перечисляли все страны, которые знаем. Я иногда садилась и смотрела, где какая страна находится, и завидовала маме и Диньке с их идеальным зрением. А потом мы начали рассказывать, какая страна на что похожа. Начали с Италии, которая похожа на сапог. Пока Динька это рассказывал, я стала искать что-нибудь необычное.

Африка была похожа на идущего робота, когда одну ногу не видно, потому что он идёт. Австралия — на голову кошки сбоку. Япония походила на морского конька, только вытянутого.

Было весело обсуждать это и иногда вставать и пальцем обводить контуры того, что видишь ты. Даже мама к нам иногда присоединялась.

Потом мы покушали и сели каждый по своим углам. Я рисовала комнату, в которой выросло много растений, а посреди комнаты на диване сидел мумми-тролль. Когда-то я видела этот рисунок в книге, и мне очень понравилось.

64.

В театре было тихо и нервно. Музыканты по очереди выступали на сцене, пробуя звук. Было много криков на звукорежиссёров. А я сидела в третьем ряду и сторожила вещи: плащ и несколько сумок. Сидела и писала картину.

Даже странно, как это было удобно. Стулья были деревянными, они остались с тех времён, когда клуб «Космос» был обычным дк космонавтов. Фрески с Гагариным да деревянные линейки стульев с откидными сиденьями — всё, что осталось от дк. На кресле справа были краски, на левом подлокотнике — палитра.

Всегда думала, что на коленках возможно писать акварелью, — по крайней мере, я это делала. А вот маслом писать было странно. В какой-то момент я заметила, что совершенно не использую льняное масло. Посмотрела на рисунок. Мазки были мелкие, больше напоминали мелкую листву.

«Зря ты используешь так много оранжевого», — раздалось за моей спиной.

«Я думаю добавить в листву ещё немного коричневого, будет совсем осень, и жёлтого».

«Жёлтого не надо, больше коричневого. Я скоро на сцену пойду, а потом мы все к тебе, так что не скучай».

«У меня картина, я не скужаю».

Справа была комната, слева осенний лес, разномастный, некоторые деревья были ещё зелены, а некоторые уже с коричневой листвой. Почти готово, остались комната и акценты в листве. Надо бы пройтись, готовая картина мне нужна к концу концерта, время есть. Встав и положив картину рядом с красками, я потянулась. Затекали все конечности

сидеть, согнувшись в три погребели, поднимая коленки к голове и опуская голову к коленкам, оставляя место только для руки с кистью. Пока ты рисуешь, напряжение всего тела незаметно.

Идти вдоль ряда было неудобно, уж очень узко. То и дело я цеплялась за деревянные подлокотники — не удивлюсь, если останутся синяки. Потом я поднялась наверх и в середине зала направилась к входу. Потом поднялась на балкон.

С балкона были видны тёмный зал, редкие кучки вещей на разных рядах; людей не было. На сцене начали петь музыканты. Одно куплета достаточно. Администратор пробежала по залу наверх, к звукачам. Потом ещё полкуплета. Администратор вернулась к нашим вещам, посмотрела картину. Интересно, она дурак?

Я спустилась. Солист уже сидел и пил минералку — надеюсь, без газа, на связках ведь отразится. Я посмотрела на картину, на ней была нимфа. Успела всё изгадить, хуже дурака. А нимфу жалко, платье и головной убор из листвы были неплохие, а вот лицо корявое, теперь править.

Нимфа села рядом и закрыла глаза. Тонкими мазками я выравнивала ей линию глаз, правила нос. Губки пришлось и вовсе закрасить и положить новые, не такие вульгарные. С этой нимфой я потеряла много времени, а ведь мебель сама по себе цвет не обретёт. Пришлось в срочном порядке лезть в картину. Пока с голубой краской. Деревянные подлокотники дивана должны быть синими, но изнутри светиться голубым, так что слоями надо цвет накладывать. Хорошо хоть кисти в картине увеличиваются до размера малярных.

В холст и из него приходилось заглядывать много раз, краски не хотели уходить вместе со мной в картину. Но даже с этими переходами работа шла гораздо быстрее, да и тело не затекало. Администратор побежала требовать бесплатный билет для нимфы.

65.

Проснувшись, я долго смотрела на белую стену, потом подняла взгляд и увидела нижнюю границу карты.

— Мам, я нашла новый способ рисовать картину.
— И какой же? — спросила мама с другой кровати.

Я повернулась и закрыла глаза, света в комнате было, как всегда, очень много.

— Нужно зайти в картину и красить каждую деталь отдельно. Я зашла в картину и красила подлокотник дивана сначала голубым, чтобы он через синий цвет светился.

— И чем же ты рисовала?

— Маслом.

— А ты хоть знаешь, как маслом-то рисовать?

— Ну, я видела.

— И где же ты видела?

— У художника, он с дядей Серёжей снимал помещение, где они папе разрешили уроки вести.

— Дядя Серёжа — это который краснодеревщик? В которого ты влюбилась?

— Я не влюблялась, он просто красивый, и всё. Ну и из дерева у него красивые вещи получаются, даже Баба Яга в карандашнице красивая.

— Ты вставать будешь, влюблённая наша?

— Ничего я не влюблённая, — сказала я, уже садясь на кровати.

Утро прошло незаметно. Я всё злилась, что мама так легко решала за меня, к кому я и как отношусь. За Диньку она так не решала. Динька был верным и не влюбчивым — значит, хорошим. А я, по её мнению, влюблялась во всех подряд и из-за этого была плохой.

После завтрака мы вышли в город. Было солнечно и пусто. Мы быстро прошли в самый центр и в этот раз повернули от памятника Ленину налево, в противоположную сторону от берега.

Домики на этой стороне улицы старались быть максимально непохожими на дома через дорогу. Даже железные ограды на этой стороне отличались от железных оград с другой стороны. Они были в краске, и ржавые, и в растениях — одним словом, живые. Дома были деревянными, с обязательной резьбой. Они выглядели как лорды и господа с кружевными воротниками и платками. Строгие и величественные. Другие дома в городе, даже с резными украшениями, были ниже их по статусу. А деревья рядом с домами в центре не были простыми плодоносящими растениями, нет, они были украшениями домов, шляпками и веерами.

Иногда между домами шли маленькие аллеи с лавками и клумбами. На входах в такие аллеи стояли турникеты, которые больше всего походили на маленькие карусели. Мы с Динькой вставляли одной ногой на противоположные деления турникетов, а другой ногой отталкивались, как на самокате, и крутились. Иногда мы по очереди вставали двумя ногами и крепко держались руками за поручень, а второй крутил за двоих. А иногда, если турникет был хорошо смазан, нас крутила мама. На нашем пути попало два голубых турникета. Тот, что был с ржавчиной, сильно скрипел, так что из него выходила плохая карусель. Следующий был чёрный, с загнутыми еловыми ветвями и шишками, крутился он очень быстро, мы на нём долго крутились. Потом было ещё два зелёных, но они были узкие.

В глубине аллеи за ними стоял дом с железной оградой. Прямо у самого дома росли деревья с красными ягодами. Сам дом был обит светлыми узкими досками. На каждом окне были деревянные кружевные рамы, окрашенные в белый цвет. Дом был утончённый и правильный, словно в нём жила старая леди. Даже деревья перед домом, с тёмной листвой, не казались лишними — это был садик для настоящей леди.

Мама подошла к железной ограде и сорвала с ветки, что росла между железной сеткой, несколько ягод.

— Это боярышник, он для сердца полезен.

Мы взяли с её ладони по ягоде и положили в рот. Это была странная ягода, в ней не было много сока, она скорее походила на варёную картошку, только с другим вкусом. А ещё внутри был твёрдый шарик. Когда я чуть надавила зубами, это оказались дольки семян. Они были твёрдые и не особо вкусные.

Мы насобирали ягод и сели на лавку их есть. Динька никак не мог научиться нормально выплёвывать. Каждый раз выходило смешно, и он обижался, а мама вытирала его подбородок и подбадривала, что он всему научится.

Динька плохо учится новому, но он основательный. Долго учит что-то одно, пока не узнает про это всё. Но пока учится, у него ничего не выходит.

Когда ему понравились шахматы, он прочитал все книги у нас в доме по шахматам, но до этого провёл много игр со мной, мамой и папой, постоянно проигрывая. От проигрышей он злился, плакал или начинал драться. И так, пока он не прочёл все книги. После этого он указывал, как та или иная стратегия, что мы ведём, называется и кто её использовал или придумал. В конечном итоге с ним стало неинтересно играть, вся игра превращалась в лекцию, и мы отвлекались и проигрывали.

Когда мы съели все ягоды, мы пошли домой. По дороге обратно мы опять катались на турникетах-каруселях. Динька из-за этого повеселел и забыл, что он не умеет плевать.

Мы начали петь песни. В этот раз у нас не было пластиковой гитары. Но разве это обязательно для пения? Мы шли и пели. Коровы настороженно поднимали головы, услышав нас.

Когда мы проходили мимо музыкальной школы, на доске объявлений мы увидели плакат. На нём было написано, что в День города пройдёт конкурс, на котором будут давать разные призы, даже велосипед. Всего-то нужно собрать много кругляшков от мороженого. Но мама не покупала нам мороженого, и конкурс был не для нас.

Мама посмотрела на меня, потом взяла с края урны два кругляшочка, слепленных вместе.

— Этой фирмы нужны? — спросила мама, протягивая мне их.

Я сверила фирму и кивнула. Я не понимала, что происходит. Мама положила кругляшки мне в нагрудный карман, и мы пошли домой.

Дома мама достала папину старую тетрадь, она смочила кругляшки водой и прижала к листку. — Так мы будем видеть, сколько уже собрали. Это как грибы собирать, только вместо грибов эти этикетки. То, что мы не покупаем мороженое, ничего не значит.

Вечером я всё смотрела на закрытую тетрадь и думала, что же мы сможем выиграть. В голове была пустота. Видимо, ничего нам не светит. Мама всё-таки странная.

66.

Мама разбудила нас среди ночи. Такое случалось, только если мы болели. Но мы были здоровы. Близились утро, за окном было светло, словно днём. Мы с братом сонно осматривались и пытались понять, что происходит.

Мама положила мне на кровать стопку вещей и начала одевать Диньку. Я оделась, всё ещё не понимая, что происходит. Мама взяла нас за руки, и мы вышли на улицу.

Было прохладно, а ещё всё было серебряное. Трава и окна, забор и вода в бочках.

— Енисейск и Питер, — начала мама, — находятся на одной широте. По ней ещё часовые пояса считают. Белые ночи в Петербурге знают все, но белые ночи идут по всей полосе.

— А разве сейчас не утро? — спросила я.

— Нет, сейчас только час ночи, максимум час тридцать. Потому и называются белыми ночами.

Мы шли по серому городу, на небе были редкие серебристые тучи. Людей не было. Было сумрачно и странно, даже страшно. Небо светилось само по себе. Мы гуляли по дорогам, и я представляла, как где-то в Питере по мостам гуляет много людей. Здесь же с нами были только деревья. Они шумели на ветру и успокаивали.

Я поняла, что мне страшно слушать, как шепчется листва. словно всё затихло в ожидании чуда и бояться нечего. Мы шли по мосту, и чугун отливал серебром. А ведь на солнце он не отливал золотом. Видимо, серебро ему ближе. Я дышала в такт своим шагам, мне казалось, что воздух тоже состоит из серебра, он был холодный и сладкий, как вода в холодном роднике.

— А ещё в Енисейске можно увидеть северное сияние, несильное, но можно, — прервала тишину мама и остановилась.

Мы смотрели на небо. Оно было всё таким же серым, и я пыталась разглядеть любые перемены. Ветер гнал тучи на нас, и я увидела, как на небе что-то сломалось. Как трещина в камне. словно радугу решили растянуть в ширину. Трещины менялись и прятались, а может, свет исходил с разных сторон. словно в небе кто-то крутил огромный прозрачный камушек, который прятал настоящее солнце, но сквозь трещины пропускать странный свет.

Город казался мёртвым. Людей не было, хотя днём это радовало. Может, не хватало коров? Хотя серые коровы, бродящие по улицам, казались бы мёртвыми.

Всё было сказочно и странно. И непонятно. словно чего-то не хватало. Динька начал зевать, и мы пошли домой. Дома мы быстро переоделись

в домашнее и легли в кровати. Стало тепло и спокойно. Может, всё должно было быть как в рассказах о Мэри Поппинс? Может, я что-то пропустила или не поняла?

Мне снились мосты и люди, и все под серебряным небом, даже почти голубым. Они не знали, как тихо и странно в городе, где всё соединилось. И белые ночи, и северное сияние. Сказочный город.

67.

Утро выдалось холодным, за окном лил дождь. Мама пошла на чердак. Я хотела с ней, но она сказала, что на чердаке столько пыли, что у меня от этого обязательно начнётся пневмония. Я ждала её у лестницы внизу и пыталась понять, в чём между нами разница, раз она на чердаке пневмонией не заболела. Через какое-то время мама спустилась с ворохом перчаток и варежек.

Меня она загнала в комнату сидеть с Динькой и следить за водой, что кипятилась на печи. Когда вода закипела, я вышла из комнаты к маме в коридор.

На столе мама разложила перчатки отдельно от варежек и общалась с какой-то женщиной. Когда я подошла к ним, я вспомнила, что это мама того мальчика, с которым я играла когда-то. Я сказала маме про воду, и мы вместе пошли в комнату. Мама поставила кастрюлю на стул и пошла обратно к женщине. Через дверь я старалась услышать, о чём они говорят.

— Я решила продать... — говорила мама Димы.

— Уверены? Давно ведь стоит. Почему только теперь?

— Сдавать пытались. Да разве в этом городе остались нормальные люди?

— А продавать кому будете?

— Не важно, мы в Лесосибирске теперь будем... В нашей кладовке есть Димины игрушки, можете забрать. Он вырос, да и возить их смысла нет, новые куплю.

Потом послышались шаги, и хлопнула дверь. Следом мама зашла в комнату и взяла кастрюлю. Я сидела и ждала, когда она позовёт доставать игрушки. За дверью было слышно, как она переливает воду, потом замачивает варежки и перчатки, потом тоже уходит и хлопает дверью. Потом она вернулась, оставила что-то на столе и опять пошла к комнате.

— Идите с Денисом посмотреть игрушки. Может, какие починить удастся, — сказала мама, открыв дверь.

Динька непонимающе на неё смотрел, а я пыталась выйти за дверь.

— Куда разутой? Пол холодный.

— Так ведь из дерева.

— Это не означает, что он тёплый. Обуетесь с братом и идите к кладовке.

Мама ушла, а я стала надевать сандалии, потом завязала брату кроссовки. Мы вышли в коридор

и сразу пошли к выходу. Дверь кладовки была напротив двери на наш чердак. Вышло так, что со всех четырёх сторон были двери.

Мама вынесла нам несколько пластиковых солдатиков и машинок, потом какую-то железную машинку, залепленную пластилином. Пока мама стирала в коридоре, мы с Денисом чистили игрушки. Когда я протёрла солдат, я приступила к машине. Для начала я убрала весь пластилин — очень странный способ ремонта железных машин.

Без пластилина машина выглядела гораздо лучше. Это была моделька машины, которые ездили в старой Англии, когда ещё танцевали на балах. Машина была тёмно-зелёной, без крыши, хотя насчёт крыши я не была уверена; у машинки было много повреждений. Пластилином была прилеплена решётка спереди, без пластилина она не держалась, так что я решила от неё отказаться. Было много ржавчины, и колёса плохо крутились. Большим плюсом было то, что гвоздики у машинки не углублялись, а были на поверхности. Так что я открутила их с помощью ложки и отсоединила дно.

Когда Динька это увидел, он расплакался и пошёл жаловаться маме. Мама пришла рассерженная вместе с плачущим Динькой.

— Что ты тут устроила? Денис говорит, что ты сломала игрушку, — сказала мама.

Я почувствовала себя жалкой, я ведь всё нормально делала. Пришлось показывать, что я делаю. — Пластилин мешался, я его убрала, весь пластилин с машины вот, — сказала я, показывая три маленьких кусочка: чёрный, голубой и зелёный. — Шурупы или гвоздики, как правильно? Вот все три. Видишь, в дне три отверстия? Я ничего не потеряла. Колёса плохо крутились, вот я и разобрала. Решётку на место не получится вернуть, можно на спички заменить, но так мне тоже нравится.

Мама всё посмотрела и ушла. Динька, всё ещё заплаканный, сел рядом смотреть, что я делаю. Машина оказалась с моторчиком: если её покатить назад, заводя моторчик, то она поедет вперёд. Только на железячке, соединяющей колёса, было много волос, потому ничего не работало. Я всё почистила и собрала машинку обратно.

Потом я стала искать парафин. Динька начал ныть, чтобы я дала ему машину поиграть. Три маленькие машины ему уже были неинтересны. Пришлось объяснять, что без парафина она быстро сломается, а то он опять собирался жаловаться маме. Найдя остатки свечи, я протёрла все места, где отошла краска и где появилась ржавчина. После этого я отдала машину Диньке и начала чистить маленькие машинки. Их я тоже разобрала. У одной пришлось раскручивать шурупы кончиком ножа; хорошо, что мама не видела. Их все я тоже протёрла остатком свечи.

Вернулась мама и развесила варежки и перчатки перед печкой. Дождь за окном закончился,

выглянуло солнце. Мы собрали игрушки и пошли гулять.

68.

Мы дошли до пляжа. На улице было холодно, и о купании не могло быть и речи. Однако и мы, и мама хотели на пляж.

От реки дул холодный ветер, никакая вязаная кофта не могла от него спасти. Серые камни казались в таком холоде гораздо острее обычного. Мы с Динькой кидали их в волнующиеся воды Енисея. Это не были волны. Волны, что я видела на картинках, были с пеной и большие. Казалось, что где-то далеко кто-то большой встряхнул полотно Енисея, словно покрывало.

Мы даже не понимали, зачем нам нужно было кидать камни. В этом не было соревнования, я была старше и кидала камни лучше. Зато у Диньки они падали близко от берега и с большими брызгами, на что ругалась мама. Может, мы просто так грелись или воевали с Енисеем, чтобы он скорее успокоился.

Река и правда становилась спокойнее. Я стала упрашивать маму, чтобы разрешила мне пройтись вдоль берега в воде. На удивление, мама согласилась. Я не понимала почему. Даже мне эта идея казалась глупой и холодной. Но хотелось.

Я разулась и зашла по щиколотку в воду. Все мышцы в теле сжались, а ещё стало щекотно от любого порыва ветра. Я шла у границы накатывающей на пляж воды, волны то поднимались выше щиколотки, то чуть задевали ступни. Брат смотрел на меня с недоверием, он прекрасно понимал, как мне холодно. При каждом шаге я заново ступала на острые камушки, это не было больно, просто нужно было заранее сжаться и потерпеть. Если просто долго стоять на одном месте, камушки не чувствовались, только вода гладила по ногам.

Дальше я не заходила, но хотела намочить бриджи. А ещё дальше начинались водоросли, их прибило к берегу с глубины. Иногда я их задевала ногой, они были склизкие и холодные. И хотя в них не было ничего опасного, мне не хотелось к ним прикасаться.

Когда берег пошёл на подъём, я вышла на пляж и стала ходить по сухим камням, чтобы быстрее высушить ноги. Это было не так приятно, как в воде, острее. Я ходила по камушкам, пока за мной не перестали оставаться мокрые следы. Отпечатки моих ног становились всё тоньше и бледнее, пока вовсе не исчезли. Я села на камни и надела носки, а следом — обувь. Стало мягко и тепло. Мы пошли к дому.

Когда мы проходили мимо папиной школы, где я когда-то разбила коленку, мы решили зайти во двор. Во дворе мы прошли мимо клумб налево, к игровой площадке. На площадке было много горок, шины, вкопанные в землю ступеньками.

Я ходила по деревянным брусьям, которые были высоко над землёй, и вспоминала, как однажды упала примерно с такой высоты.

69.

Похороны проходили тихо, все ходили оглоушенные, словно осенние мухи, и ждали машину.

Посреди комнаты стоял гроб, в нём лежала прабабушка, не спала, она в нём мёртвая лежала. Не понимаю, зачем мне мать сказала представить, что она спит. Разве не глупо спать в гробу?

Потом мужики закрыли гроб. Почему этого не делал мой дядя — неясно; он красный сидел в углу и смотрел на нас пустым взглядом.

Потом мы в автобусе поехали на кладбище. Там мне дали монетки, чтобы я их кинула, когда будут закапывать прабабушку. Одна монетка завалилась за рукав, пришлось кидать несколько раз. Я достала монетку, когда все уже кинули свои горсти и монет, и земли. Стало стыдно, но я кинула.

А дома у прабабушки накрыли на стол. Было много пьяных рож, в основном мужских, и трезвые женские. А ещё мы все пели. Да так, что люстра звенела от каждой песни. Но только если пели вместе — я, мама, тётя и бабушка. Если кто-то молчал, то всё было в порядке.

Потом все расходиться начали, зазвучало про посошок. Я спряталась на кухню, на кухне хорошо. Тут прабабушка читала молитвы, чтобы я спала лучше. Иногда мне казалось, что мама привозит меня к прабабушке только ради этих молитв.

Забравшись на стул с ногами, как мама не разрешает, я положила голову на колени и просто наблюдала за выходом. А ещё за теперь уже частыми пьяными рожками.

Потом мама с тётей начали убирать со стола и носить всё на кухню. Папа вышел со мной на улицу, и я стала ходить по бетонному крыльцу. Пять шагов туда, пять обратно.

Прабабушки больше нет.

Она как-то подарила хвост глухаря, и мы сделали фото. Значит, теперь я увижу её только на фото. А ещё она радовалась моему рисунку девочки, которой не существует. А потом высморкалась в него — значит, она не видела, что я нарисовала.

А когда она стала глохнуть, мама пожарила церковные свечи на сковородке, они растаяли, а папа обмакивал полоски ткани в воск, он порвал наволочку. И они сделали большую трубу, как подозрную, только из воска и ткани. Странно, свечи церковные, а теперь воск обычный. Потом они положили прабабушку, воткнули в ухо эту трубу и подожгли. А когда догорело почти до головы прабабушки, они вытащили. Оказалось, что у прабабушки было много серы в ухе, и без неё она опять слышать начала.

А когда весной мама сказала мне спросить, как было на войне, прабабушка расплакалась. И мне

было стыдно, я не хотела задавать этот вопрос, но маму я боялась сильнее.

70.

Падаю. Очень медленно, как в кино. Или во сне. Асфальт приближается, и мне не верится в происходящее. А потом на время всё исчезает, и меня окружает тьма. Папа поднимает меня, держа за локоть. Немного больно от его пальцев. Кружится голова, капает кровь.

Когда мы заходим в квартиру прабабушки, мама начинает кричать на папу и искать, чем мне остановить кровь. Тётя просто бледнеет и смотрит на меня. Крови она, что ли, не видела?

71.

Я ходила по брёвнам, шаги были ритмичными, чтобы не теряться в пространстве. Я вспоминала, как было на похоронах. Было странно видеть перед глазами прошедшие события и при этом идти над землёй по бревну. Но возможность навернуться и пораниться меня сдерживала, я просто думала и вспоминала, без эмоций. Плакать можно только маленьким и если уже не можешь терпеть.

В какой-то момент меня окликнула мама, я спустилась, и мы пошли домой.

Дома мы поужинали, и мама села за шитьё. Я тут же полезла ей помогать. Сначала мама сказала, что в помощи не нуждается, а потом, когда порезала варежки на детали, велела каждую деталь выкройки обмёточным швом обшить, чтобы не рассыпалось ничего. Я села на кровать и начала выполнять задание. Мама на своей кровати занималась тем же.

Динька на тахте сидел за столом и рисовал машинки. Когда я заканчивала одну деталь, мама давала мне следующую. Мне всё хотелось шить быстрее мамы, но она уже принялась собирать детали вместе. Из нескольких варежек она намшила вязаные ботинки, которые походили на мозаичные носки.

— Вот вам носки. Снимете — убью, нечего простужаться, — сказала мама, протягивая нам носки. — Но мы же сейчас спать будем, — сказала я.

Динька уже надевал второй носок.

— И пока спите, тоже снимать нельзя.

Я надела носки, и мы легли спать. Ноги чесались из-за шерсти. Постоянно хотелось снять носки.

72.

Утром я проснулась без носков.

На улице шумела компания. К кому это они приехали?

Мама зашла в комнату сердитая, это сразу почувствовалось. Она когда сердится, вокруг неё всё разлетается, словно она ураган, причём чёрный.

Мы позавтракали, и я собралась выходить из комнаты босая. Мама стала кричать на меня, и я получила свою порцию чёрного ветра. Когда мама

так кричит, ты даже не разбираешь слов, просто ощущаешь, как сквозь тебя проходит чёрный ветер, оседая в тебе, где-то внутри, песком. Я надела босоножки и вышла из комнаты.

В коридоре не было ничего интересного, а вот на крыльце было шумно. Оказалось, что к нашим квартирантам приехали друзья. Они заехали шумной компанией прямо к нам во двор и поставили машину напротив бочек.

Пёс квартирантов, который постоянно сидел на цепи у будки, бегал по двору. А ещё вокруг крыльца были натянуты нитки, и на них были вьюны. — Красиво ведь, цветы, — сказала девушка, что теперь жила в нашей большой комнате, и хлебнула пива.

Я не могла вспомнить её имени и просто мотнула головой. Беременная, а пиво пьёт и курит. Странная.

Вьюны были тонкие, светло-зелёные, с красными маленькими цветами. И они не должны были тут расти. Крыльцо и само по себе красивое. Как теперь с него слезать через перила? И как она смеет менять что-то в доме? Кто ей вообще разрешил?

Пришёл Динька, принёс свои машинки и кубики. Мы сели на крыльце играть и греться на солнышке. Рекс бегал по лугу, то гоняясь за бочками, то приставая к Розе.

Роза рычала на него и не позволяла приближаться. Когда Рексу всё надоело, он стал подниматься к нам на крыльцо. Сначала я решила, что он поиграет с нами. Но когда он к нам приблизился, он зарычал и попробовал укусить Диньку. Я оттянула его за ошейник и спустила по лестнице вниз. Уже внизу, сидя на последней ступеньке, я начала уже лично общаться с Рексом, осторожно протягивая ему ладонь и давая её обнюхать. Пару раз он дал себя погладить. А потом начал кусать. Я не понимала его поведения, я ведь не сделала ему ничего плохого. За моей спиной, наверху, послышался голос хозяина Рекса.

— Правильно, надо кусаться, нечего быть слизняком, — сказал парень и затаился сигаретой.

Я улыбнулась ему и посмотрела псу в глаза. Это была абсолютно тупая собака, которая не хотела дружить. Он просто хотел всё грызть. Вот почему его отгоняла Роза.

Я встала и подошла к Розе. Сначала она на меня лаяла, но не нападала, а отходила. Тогда я присела и посмотрела ей в глаза. После этого она подошла ко мне и стала обнюхивать, даже разрешила погладить. А потом из её жилища — нескольких сваленных досок — вышли два щенка. Крепкий мальчик и очень маленькая девочка. Она была раза в два меньше своего брата. Оба меня обнюхали и продолжили свои игры.

Я вернулась на крыльцо. Динька сидел в оцепенении и следил за Рексом. Вышла мама.

— Рекс Диньку попытался укусить! — выпалила сразу я.

— Ну, на пельмени пустим, в чём проблема-то? — спокойно сказала мама, выливая из пластикового ведра воду.

— Он не наш, это чужой пёс.

— Ну, значит, у хозяев глаз на жопу натянем, чтобы собаку воспитывали. А собаку на пельмени.

— А если никого не убивать?

— А если не убивать, то... — мама спустилась со ступенек, обошла машину, набрала в ведро воды и вернулась к нам. — Вот вам вода. Как собака подходит — брызгаете её водой и говорите: «Цыля!»

— У Розы щенки.

— И что?

— Можно поиграть? Они смиренные.

— Вот ещё заразы не хватало, — мама ушла, оставив нам ведёрко.

Мы продолжили играть, построили город, и Динька катал машины по трассам. К ступенькам приблизился Рекс. Динька даже шею вжал от страха. Я встала, макнула руку в воду и брызнула на пса: — Цыля!

Пёс дёрнулся от воды и попятился. Потом опять попробовал подняться к нам.

— Цыля, кому сказала! — прокричала я страшным голосом и брызнула ещё воды.

Пёс обиделся и ушёл. Вышла беременная девушка и недовольным голосом сказала:

— А чего вы с Рексом не играете?

— А он кусается, — сказала я.

— А почему он не на крыльце?

— А мы его водичкой брызгаем, чтобы на крыльцо не поднимался.

— А... — сказала девушка и недовольно поджала губы.

Тут я поняла, что они нам совсем не друзья, они хотели, чтобы мы боялись собаки, чтобы она нас по дурости укусила. Как же можно быть такими подлыми? Динька успокоился и уже не следил за Рексом. Он и так боялся животных, а если бы он начал их бояться ещё больше из-за укуса, он бы от нашей кошки по всему дому бегал. Хотя Софка хорошая и совсем не царапается.

Снова вышла мама.

— Ну как, больше не лез?

— Я его водой брызнула, и больше он не поднимался.

— Вот только раз попробует укусить... Ладно, там баба Агния рыбой нас угостила, идите пробовать. Это стерлядь.

73.

Мы зашли в комнату. На столе, который стоял между моей кроватью и Динькиной тахтой, на тарелке лежали три кусочка рыбки. Бежевые, с жёлтым отливом, они казались совсем не съедобными. Запах был новым, сельдь пахла иначе, да и горбуша

тоже. У этой рыбы в запахе была какая-то кислота, не как от прокисшего, а своя. Динька, как послушный или голодный, сразу съел кусок, который протянула на вилке мама. Он покривился, и я поняла, что есть рыбу не стоит. Мама тоже съела свой кусок. — А тебе что, особое приглашение нужно? — спросила мама.

— Я не буду это есть, съешьте сами.

— Как это не будешь? Ты знаешь, что это реликтовая рыба? У неё вместо костей хрящи.

— Не буду, — сказала я и сжала губы и зубы, чтобы мама не пропихнула мне рыбу.

— А ну ешь, кому говорю. Она знаешь какая дорогая?

— Вот и съешьте с Денисом.

— Ешь!

— Нет!

— Ешь! — она взяла меня за руку, а другой рукой начала тыкать мне в лицо рыбой.

Я до боли сжала губы. Динька начал плакать. Наконец я сдалась, и мать запихнула мне в рот кусочек. Он и правда был чуть кислват, а ещё рыба была старой, мясо было немного ватным и как будто зернистым, языком спокойно раздавливалось в кашу. Начался рвотный рефлекс. Язык у самого горла свело, начался спазм, и я почувствовала вкус кислоты, обожгло горло. Рот наполнился слюной. Я втянула носом воздух и проглотила злосчастный кусок.

— Всё, теперь можете идти, — сказала мама, и мы выбежали на крыльцо.

На крыльце к нам пару раз приставал Рекс. Но вода быстро его отгоняла. Всё ещё помня вкус рыбы, я пошла к маме в комнату.

— А рыба ещё осталась? — спросила я.

— Нет, конечно, — ответила мама.

Я выдохнула: больше её не придётся есть.

— Ну хорошо, — сказала я, поворачиваясь уходить. — И чего ты так выделывалась? Стоило пугать брата и устраивать сцены, раз так понравилось?

Я почувствовала, что у меня краснеют уши. Мама неправильно поняла мои слова.

— Вот и не надо больше истерик разводить. Сначала истерику устраивает, что есть не будет, а потом добавки просит.

Я поспешила уйти из комнаты. Объяснять матери, почему я спросила про рыбу, было стыдно. Обычно я спрашивала о том, чего боялась, изображая заинтересованность, чтобы точно знать, что меня ждёт.

Я вернулась на крыльцо. Быть рядом с мамой было стыдно, а рядом с Динькой скучно.

Я спускаюсь с крыльца и осторожно иду к Розе. Щенки играют друг с другом, не дерутся, играют. Девочка-щенок очень медленно передвигается, то и дело заваливаясь на бок. Её брат бегает вокруг неё, иногда помогая ей встать, подталкивая сбоку своей мордочкой. Он такой крепкий, сильный,

даже, кажется, серьёзный; про себя я называю его Глебом. Есть в этом имени что-то широкоостное.

Я осторожно подхожу к ним, а потом сажусь перед ними на коленки. Роза настороженно наблюдает за мной. Глеб подбегает ко мне, обнюхивает и снова бежит к сестре. Она медленно идёт, переваливаясь, в мою сторону. Я беру её на руки. Она такая маленькая, что умещается в двух ладошках. Я кладу её к себе на коленки, она не сходит с них. Немного повозившись, она сворачивается калачиком и засыпает. Чем больше я сижу, стараясь не тревожить её сон, тем больше понимаю глупость своего положения. Ноги затекают, трава начинает впиваться в кожу, словно железные прутья, да и мама может выйти в любую минуту. Я глажу девочку. Про себя я уже решила, что она Лиза.

Лиза не просыпается от моих прикосновений, просто мирно дышит у меня на коленках. Глеб иногда подбегает к нам посмотреть, всё ли в порядке с сестрой.

Когда терпеть долгое сидение становится совсем больно, я осторожно сгребая Лизу в ладони и перекладываю на траву. Она начинает пищать во сне, не открывая глаз. Глеб подбегает, смотрит на неё какое-то время и убегает дальше охотиться на насекомых.

Я встаю с колен, кровь начинает приливать к ногам, это очень больно. Я стою и терплю покалывания. Просто ровно дышу, уговаривая себя, что скоро всё прекратится. Покалывания прекращаются, и я иду на крыльцо.

Глупые цветы. И зачем только их посадили? Тут открывается калитка, и заходит корова. Такого раньше не было. Я просто стою и смотрю, как она проходит к нам во двор, не обращая внимания на лай Рекса, и подходит к крыльцу. Рога у неё ещё маленькие, это молодая тёлочка, белая, с коричневыми и рыжими пятнами. Она смотрит на меня, а потом открывает рот и высовывает длинный язык. Мне становится страшно. Я оглядываю крыльцо в поисках ведра и беру его в руки. Корова слизывает с верёвочек цветы.

Пока я стою и думаю, в какой момент стоит прервать поедание вьюнков и стоит ли, на крыльцо выбегают наши квартиранты и мама. Глупый Рекс, зачем он лаял? Я макаю руку в воду и брызгаю на корову:

— Цыля!

Корова отодвигается от крыльца и удивлённо на меня смотрит. Потом она делает два шага назад и снова тянется к цветам.

— Да сделайте уже что-нибудь! — противно вопит беременная девушка.

Я снова брызгаю на корову и кричу. Корова пятится и выходит за ворота хвостом вперёд. Мама за моей спиной улыбается, я это знаю, даже если не вижу, даже если этого вообще никто не видит. Квартиранты возвращаются в дом, а мама говорит:

— А почему калитка не закрыта?

— Не знаю, я не проверяла.

— Ну так иди и закрой. Мало ли кто ещё зайдёт? Корова могла начать бодаться.

Я спускаюсь с крыльца и иду к калитке. Обычно она защёлкивается сама, если плотно закрыть дверь. Корова зашла потому, что дверь была даже приоткрыта. Я делаю громкий щелчок, и мама уходит в дом. Потом я открываю дверь и выглядываю на улицу. Коров не видно, машин тоже. Сзади подходит Динька.

— Что там, на улице?— спрашивает он.

— Ничего, даже машин нет.

— Дай посмотреть.

— Смотри.

— Надо выйти.

— Нельзя.

— А почему тебе можно?

— А я не выхожу.

— А я маме всё расскажу.

— Ладно, но стой у двери, никуда не отходи, и как скажу— возвращайся.

Динька вышел за калитку и встал, прижавшись спиной к светло-зелёным доскам забора. Я стояла рядом. Всё вокруг было неподвижным, словно это просто картина. Лишь иногда львиный зев, который вырос между асфальтом и домом, колыхался на ветру. Он рос у самой скамейки, на которой мы никогда не сидели. Она была покрашена вся светло-зелёной краской, как и забор. Дверь калитки не могла открыться полностью, потому что скамейка чуть покосилась в сторону двери.

— Так, всё, пойдём на крыльцо,— сказала я.

— Нет, не пойду.

— А теперь я маме расскажу, что ты выходил за ворота.

— А я скажу, что это ты мне сказала.

— Всё равно мы оба за это получим.

Динька начал жевать нижнюю губу, а потом зашёл во двор. Я оставила дверь открытой, чтобы коровы могли спокойно к нам приходиться. На крыльце я только и ждала, когда же коровы придут доесть оставшиеся цветы. Те цветы, что уже были пожёваны, свисали с верёвки там, где зацепились листочками. Мне не было их жаль, их посадили сюда без надобности, и это было не их место.

Во двор зашла коричневая корова с белыми пятнами на лице, она громко замычала, и Рекс тут же замолчал и спрятался за бочки. Она быстро двинулась к цветам и начала их есть. Я спустилась вниз и погладила корову по большому тёплому животу. Корова поела цветы, словно это лапша, зажёвывая тонкие стебли себе в рот.

Снова выскочили квартиранты. Парень сбежал с крыльца и резко двинулся на корову. И вот тут произошло то, о чём предупреждала мама. Корова опустила голову и пошла на него. Рога у неё не

острые, но выглядело это страшно. Пришлось встать.

— Цыля!— крикнула я и сорвала траву.— Цыля!

Я махнула на неё травой, и корова недоуменно посмотрела на меня: мол, ты же меня только что гладила.

Парень опять пошёл на корову. Та замычала и побежала на него с рогами наготове. Даже царапнула ими машину. Парень поспешил спрятаться за амбар и оттуда закричал матом. Вышла мама.— Цыля!— снова крикнула я.

Нужно было всё решить, пока мама не начала действовать. А то она могла убить корову.

Корова медленно пошла ко мне. Я протянула ей траву, она шумно втянула воздух и потянулась к траве. Я сделала шаг к калитке, потом ещё один—и так, пока не упёрлась в неё спиной. Калитка была закрыта. Хорошая калитка, сама закрывается. Я переложила траву в левую руку и быстро стала открывать замок, глядя корове в глаза.

Потом я открыла дверь и вышла вместе с коровой на улицу. Траву я кинула подальше, и корова за ней пошла, а я вернулась во двор.

Беременная девушка ругала своего парня за никчёмность.

Мама сердито смотрела на меня. Я почувствовала, как стали горячими щёки. Не хочу при квартирантах объяснять, что коровы нужны для поедания вьюнков вокруг крыльца. Придётся врать.— Это ты не закрыла калитку?

— Нет, я закрыла.

— А корова тогда как зашла?

— Не знаю.

— Что ты не знаешь? Не закрыла—так и скажи.

— Я закрыла, ты же слышала щелчок.

— А почему тогда корова зашла?

— Сама зашла.

— Ага, у тебя всё само.

Мама развернулась и пошла в дом. Настроение у неё было хуже некуда. Лучше ей вообще не попадаться на глаза, совсем. Вторая корова объела не только вьюнки, она ещё нитки порвала. Крыльцо выглядело несколько потрёпанным с такими ниточными украшениями, зато так было лучше—может, нитки совсем уберут.

В Красноярске у нас висит картина, где нарисован наш дом. Мама рассказывала, что к ним пришёл художник и стал рисовать дом, а папа потом выкупил картину. Картина была странной, дом на ней имел светло-зелёный оттенок, как и вся картина. Слово художник смотрел через зелёные очки в солнечный день. А ещё на картине было видно, что когда-то с крыльца было два выхода.

Мама вышла на крыльцо с пакетом и злая. Я сразу начинаю вспоминать, чем ещё я могла провиниться сегодня.

— Мы идём гулять, игрушки занесёте позже.

— А если с ними что-нибудь сделают? — спросил Динька.

— Кому они нужны? Пойдём быстрее гулять.
Мы спустились с крыльца и пошли в город.

74.

Пока мы шли по улицам, мама была всё ещё злая. — Ищем кругляшки от мороженого. Это как искать грибы. Потом приносим мне.

— А почему мы пошли гулять? — спросила я.

— А что, не нравится? Можем вернуться обратно и дышать химией, которую наши соседи разлили в коридоре.

Лучше бы я и правда ничего не спрашивала и была незаметной. Кругляшки и правда были как грибы, их разбросали по всему городу. На траве, прилепленные к стенам домов и коре деревьев, они были везде, надо было только увидеть. И мы собирали их с Динькой, не обращая внимания на людей.

А потом Динька вскрикнул:

— Больно! Что-то жужжит, и больно. Больно, больно, больно!

Динька дёргал рукой и орал от боли. Он начал плакать и задыхаться от слёз. Я испугалась, что опять будет приступ, а мы не дома.

Мама взяла его за ладонь и подняла рукав футболки. Под ним была оса. Мама смяла её своими пальцами, растерев. Мне стало жалко осу. Она случайно запуталась в рукаве Диньки и от страха укусила, а теперь она мертва. Её раскатали между большим и указательным пальцем властной руки моей мамы.

— Чего ты орёшь? Оса уже мертва, — строго сказала мама.

— Бо-о-ольно, — завыл Динька, губы у него тряслись.

— Конечно, больно, ещё и опухнет. Дай посмотреть, не осталось ли жала.

Она взяла его руку и стала рассматривать укус. Место вокруг укуса быстро покраснело и опухало. У меня самой аллергия на укусы. Я понимала, что сейчас Диньке и больно, и чешется, и режет. Нужно было смазать спиртом, вот только мы не дома. И что они только пролили, эти соседи?

Мама надавила пальцами на опухоль и вытатила маленькое жало. Рывания Диньки стали громче, он испугался. Лицо его становилось красным, слёзы текли всё сильнее. Он уже начал немного задыхаться от плача. Мама присела на корточки и прижала его к себе, чтобы он успокоился. Я стала гладить его по спине. Когда он чуть затих, мама встала и повела его за ручку в магазин, где купила нам по мороженому.

— Только дайте вон то, на котором два кругляшочка, — сказала мама, когда продавщица открыла холодильник.

— Что, тоже собираете? — спросила продавщица.
— Да.

— Ну тогда вот ещё возьмите, — сказала продавщица, доставая из-под кассы пакетик, в котором было ещё несколько кругляшков. — Может, это обрадует вашего мальчика.

Я стояла за мамой, держа Диньку за руку, и удивлялась поступку мамы и поступку продавщицы. Мама развернулась и дала нам по мороженому, пакетик с кругляшками положила в свой пакет, к тем кругляшкам, которые собрали мы.

Мы начали есть мороженое, когда уже вышли из магазина. Сначала мы отдали маме кругляшки, а потом начали есть мороженое. Динька, как всегда, очень быстро ел. А мне было холодно кусать его, и я ела маленькими кусочками. Мама была без мороженого.

— Mam, хочешь попробовать мороженое? — спросила я.

— Нет, ешьте сами.

— А ты как?

— А я потом у вас двоих откушу.

Я посмотрела на Диньку: может, он быстро ест, чтобы никто у него ничего не забрал? Только мама же не ест сейчас мороженое, а мы едим — значит, надо делиться. А если бы и папа был, и с ним делиться. Только мама бы не разрешила с папой делиться, сказала бы, что он дармоед и без того жирный. Хотя папа у нас худой.

Мы медленно шли по городу. Динька успокоился. Мама откусила у каждого из нас по кусочку. Мне нравится в мороженом самое дно, где самая твёрдая вафля. А Динька, наоборот, её не любит, она у него тает постоянно и протекает. Хотя он съедает своё мороженое быстрее меня. Может, всё потому, что у меня холодные руки. Маме не нравится это. Когда она трогает мои руки, она говорит, что я ледышка, и начинает растирать мои ладони в своих. Она делает это, заботясь обо мне, но мне становится больно. И даже если я ей говорю об этом, она не прекращает растирать мои ладони. От маминой заботы ничего не может спасти.

75.

Гуляя, мы вышли к дому, где жила женщина, похожая на Хозяйку Медной горы.

— А мы тут с папой были, — сказала я.

— У кого? — спросила мама.

— Я не знаю, как зовут эту женщину, она на Хозяйку Медной горы похожа.

— И что вы тут делали?

— Черёмуховое варенье ели.

— С этого дерева?

— Да.

— А только она с него собирает ягоды?

— Нет, тут много мальчишек было.

— Ну, тогда лезь на дерево, черёмуха поспела.

Я с радостью полезла на дерево. Мне запрещалось обычно лазать, где мне хочется. Мама разрешала лазать только по турникам, с которых

я вечно падала. Вот когда я лазала по шкафам и книжным полкам, ничего подобного не случилось. А когда лазала последний раз под присмотром мамы на турнике, я упала вниз головой прямо на нижнее крепление.

Лазать по деревьям было одно удовольствие. Ветки всегда растут очень удобно для лазанья, если это не сосна и не кедр. Я залезла по стволу вверх и легла животом вдоль широкой ветки, стоя ногами в том месте, где ствол раздваивался. Внизу мама срывала ягоды Диньке и сама тоже ела. Я же была взрослой и не нуждалась в её помощи. Ягоды черёмухи были сладкие. Гораздо вкуснее, чем они были в варенье, и пахли лучше, правильнее. Дерево держало меня, покачиваясь на ветру. Казалось, что я на руках у огромной женщины. Она молода, и красива, и мудра — деревья глупыми не бывают.

Мимо прошла пожилая пара.
— Ну как так можно? Прямо варвары какие-то, — сказала женщина.

— Ягоды надо мыть! — строго сказал мужчина.
— Не ваше дело, — грозно сказала моя мама, и они поспешили удалиться.

Какое им дело, кто как ест? Взяли и влезли в наш праздник. У нас победа над осой и черёмуховый пир, а они морали читают. Я ещё немного поела ягод, но настроение испортилось, и я стала слезать, набрав заранее в ладонь горсть ягод; наверху ягод было больше, чем на нижних ветках.

Слезать сложнее, чем подниматься, когда ты неповоротливая и здороваешься со всеми углами. Так что я очень неудачно слезла, под конец спрыгнув и болезненно приземлившись на ноги.
— Вот ещё ягоды, — сказала я, протягивая маме ладонь.

— И ешь сама.

— Я наелась.

Мама подставила ладонь, и я ей ссыпала ягоды. Она ссыпала часть Диньке, и мы пошли гулять дальше.

76.

Проходя мимо свалки, мама увидела большую деревянную балку. Она была покрашена в синий цвет и размерами напоминала столб. Высотой она было чуть выше мамы, а вот по толщине она была как футбольный мяч. Мама подняла её на плечо и понесла. Я смотрела, как она несёт её, и не понимала, как она это делает. Мама была всегда сильной, даже сильнее папы. Чтобы он её немного догнал, она ему наказала поднимать вечером деталь от мотора, которую я двумя руками совсем поднять не могла, а он её над головой по двадцать раз поднимал. Но эта балка была гораздо тяжелее. Мы с Динькой шли рядом и смотрели на неё большими глазами, помочь мы ей не могли.

Только когда мы подошли к дому, мы открыли перед ней калитку. Мама зашла во двор с балкой

на плечах и пошла сразу вправо. Раньше там был какой-то погреб, потом земля провалилась, и стала помойка. Там всё заросло, и мы там никогда не ходили. Мама кинула балку поперёк ямы и пошла к нам, мы с Динькой так и стояли у ворот. Я посмотрела на крыльцо, там курили наши квартиранты и их друзья. Лица у них были испуганные.

— Ну вот, дети, — сказала мама, подходя к нам. — Теперь никто не упадёт в помойную яму.

Она взяла нас за руки, и мы пошли в дом. Квартиранты со своими друзьями так и стояли неподвижно на крыльце, пока мы проходили мимо. В коридоре пахло чем-то едким, но не сильно.

А в нашей комнате не пахло ничем.

Мама взяла папину тетрадь и вклеила туда кругляшки, чтобы мы могли видеть, сколько их у нас уже. Было двадцать четыре; я даже удивилась, что так много.

Динька лёг с мамой, у него ещё болел укус от осы. Дом затихал, даже соседей не было слышно.

77.

«Скажи, а ты уверен, что идти до бассейна — это удобно?» — спросила я.

«А как ещё можно до него добраться?» — ответил мой друг.

Я легла на спину в воздухе, словно это вода, и поплыла рядом с другом, глядя на него чуть снизу. Тут я и поняла, что это сон, я ещё не умею плавать на спине. Мой друг был взрослый, как папины студенты. А ещё он был лысый и выше папы. Как его зовут, я не помнила или не знала. Но с ним было безопасно.

Здание бассейна было старым, краска на стенах облупилась, когда-то белая крыша была теперь серой. Но бассейн был всё равно ярче всех серых зданий вокруг. Под всей серостью легко различались голубые волны и синие дельфины. И даже жёлтые двери, хотя они были покрыты большим слоем ржавчины.

Двери открыл мой друг, я не собиралась вставать на ноги, плыть по воздуху было приятно и казалось правильным. Сразу за дверью был бассейн. Такого тоже не могло быть. Где же фойе, раздевалки? Бассейн ещё и без воды был, и со всех сторон вокруг него толпились люди. Все они смотрели на дно бассейна и ждали воды.

Я решила наконец встать на ноги и тоже встала у края. Мой друг встал за моей спиной и взял меня за руку, чтобы я не упала. Только теперь я поняла, что я гораздо взрослее, чем на самом деле.

Плитка на дне была в трещинах, блёклая, кое-где не хватало частичек, и отверстия были замазаны бетоном. Я легла на воздух и немного спустилась, а потом я поплыла так, если бы в бассейне была вода и были бы разделительные канаты.

Моим примером вдохновились многие и тоже стали пробовать плыть по воздуху. Некоторые

падали, некоторые плыли. Становилось весело. Разве может отсутствие воды помешать плавать?

78.

Утром я проснулась без одеяла и без носков. Всё было кучей скомкано у моих ног. Казалось, одеяло—это облако, которое кушает носки. Мама готовила, Динька ещё спал, его одеяло тоже ело носки. — Сегодня День города,— сказала мама.

— Ага.

— В парке сегодня разыгрывают призы.

— В каком парке?

— У папиной музыкальной школы.

— Но там же просто луг и сцена. Ни одного дерева.

— Называется «парк».

— И мы там будем?

— Конечно. А зачем мы кругляшки искали?

— Ну, я думала, просто так.

— Просто так ничего не бывает. Вы ничем не хуже других детей.

Мама разбудила Диньку, мы позавтракали и пошли в город.

Мало того, что на улице было пекло, так ещё и везде были люди. Их было очень много, особенно детей. Все кричали, бегали, веселились. Праздник в парке должен был начаться в шесть вечера, и у нас было полно времени.

В парке поставили много прилавков, где продавали лапти, свистульки, леденцы. Ещё поставили странные большие столбы, с которых свисали длинные цветные ленточки. Между прилавков иногда проходил мишка, в народном костюме, вместе с дрессировщиком. На мишке были намордник и ошейник, но без поводка. Люди улыбались ему и просили сфотографироваться. Мы нашли пункт приёма кругляшков. Они даже не смотрели, сколько у нас, мама просто сказала количество, и девушка насыпала в общий круглый аквариум столько же бумажек с нашей фамилией.

После этого мы пошли гулять дальше между прилавков. Пока мы стояли, я услышала, что у некоторых больше сотни этих кругляшков, у нас просто не было шансов победить. Стало немного грустно.

А потом мы увидели маленький зоопарк. В клетках прыгали хорьки, причём каждый в своей. Ещё была огромная клетка с попугаями. А потом мы увидели аквариум с маленьким крокодилчиком.

Рот ему забинтовали скотчем, так что он не мог открыть его, только лежал и зло на всех смотрел. Все вокруг только и говорили хозяину крокодила, чтобы он убрал скотч с бедного животного, но хозяин был непреклонен. Крокодилчик лежал и совсем не двигался.

Тут один мужчина, от которого пахло так, словно он пил алкоголь, подошёл ближе. Левой рукой он за руку держал мальчика с большими испуганными глазами. А правой рукой дотянулся до аквариума и постучал пальцами по стеклу.

Крокодилчик среагировал моментально. Он словно резко взлетел к стеклянному потолку аквариума и вышиб своим телом стекло. Мужчина успел отдернуть руку, но неровный край стекла его всё же задел. С указательного пальца капнула кровь, и мужчина поспешил положить палец в рот.

Мальчик хмуро посмотрел на отца.

— Пап, ты же по изюбрю бил перчаткой, подойдя к нему со спины.

— Крокодил быстрее.

— Просто пить не надо.

Я удивилась их диалогу, я бы не отчитывала так папу, даже если он не прав. Взрослым нельзя говорить, где они не правы, а то они обидятся и перестанут быть взрослыми. Лучше сказать так, словно это говорил другой взрослый. Тогда все просто решают, что у тебя хорошая память. Папе я говорю, что мама сказала делать иначе, и тогда всё нормально. Он не будет переспрашивать маму, как она говорила, мама у нас страшная, если не делать так, как она сказала. А как надо, я порой знаю лучше, чем папа, потому нас ругают меньше.

Мама поспешила нас увести из парка, и мы пошли в кинотеатр. Жара была очень сильной, воздух был вязким и даже солёным. Везде было много людей. Некоторые обливали друг друга из бутылок. Мама вела нас к кинотеатру. В этот раз мы сидели в полном зале, такого не было никогда, обычно зал пустой и в нём очень холодно. Теперь мест в зале почти не было, и было теплее, хотя и прохладно.

Мы уселись на свои места и стали смотреть фильм про девочку, которой было суждено стать самой лучшей в боевых искусствах. Я сразу захотела тренироваться так же, как она. Но мне нельзя было даже на физкультуру ходить. Меня толкнули с ледяной горки в школе, и что-то повредилось в копчике. Мама всё смеялась, что теперь у меня вырастет хвост. Хвост не вырос, но мне больно долго сидеть.

После фильма мы ещё гуляли по городу. Люди заняли весь каменистый пляж. Мы смотрели на всё это с грустью. Они забрали наш город себе, они кричали в нём, мусорили в нём, ругались в нём. Светлые стены города серели от наглых людей вокруг, которые просто хотели праздника и не понимали красоты.

В парке начался концерт. Стали выступать музыкальные народные ансамбли, даже буряты приехали. У них были странные инструменты, похожие на папину домру, только вытянутые и с квадратными деками. Потом были танцоры. Все постоянно рекламировали розыгрыш призов. Мы сходили домой и покушали, а потом вернулись обратно.

Людей становилось всё больше, и они жались к сцене. Продавцы собирали свои прилавки.

Медведь сидел на траве и ел кочан капусты. Во всём происходящем не было радости, была какая-то странная злоба.

Вынесли круглый аквариум. Стали произносить фамилии победивших, и люди стали ещё больше жаться к сцене, толкая друг друга локтями. Мама увела нас за ворота, чтобы нас не задавили, из-за колонок всё и здесь было хорошо слышно. Тем более нашу фамилию. Но её не назвали.

— Ну и не выиграли мы. Это ничего. Зато поучаствовали, — сказала мама, когда мы пошли обратно.

Некоторые в парке рыдали, это было странно, они же не проиграли ничего своего. Они просто не получили ничего дополнительного.

— А мы и не могли ничего выиграть, там у некоторых больше сотни было, — сказала я.

— Только завидовать не надо. Вот они сколько денег потратили, и тоже не факт, что получили приз. А мы ничего не потратили и ничего не получили. Всё честно.

— Ага.

После такой жары ломило кости. Вечер был очень холодным.

В кровати я пыталась уговорить своё тело согреться. Суставы ломило. А папиной мази от хондроза не было. Мама усыпляла Диньку, её лучше не звать.

Я начала сжимать пальцы ног, чтобы кровь быстрее прилиwała к ногам, но боль становилась всё сильнее. Тогда я залезла с головой под одеяло, подтянула колени к лицу и стала дышать на них тёплым воздухом. Потом я начала растирать ноги от коленок к ступням. Стало чуть легче. Но потом опять стало очень больно, и я несколько раз ударила кулаками по костям. Тупая боль сместила острую на второй план. Я била по ногам, пока они не стали горячими. Боль отошла, я выпрямилась и уснула.

79.

Утром папа уже был у нас в комнате. Он приехал ночью, мама специально уложила нас раньше спать. Папа был радостный, он же от нас отдохнул. Вот бы он приехал на день раньше и был бы с нами на Дне города. И мазь бы привёз.

Прямо с утра мы засобирались. Мы все вчетвером шли к зубному. Точнее, шла мама, а мы её вели.

Больница была жёлтой и одноэтажной. На ней большими буквами было написано: «Дантист». Это те, кто зубами занимается. Мама шла к тёте Нине, она с папой в детстве дружила.

Пока маме сверлили зубы, мы с Динькой пытались угадать, в каком она кабинете. Везде были открыты окна. Правда, подойти к ним было нельзя. Прямо перед ними были высажены цветы.

Скоро вышла мама. Она сказала, что от анестезии она отказалась. У мамы, Диньки и меня была аллергия на новокаин. А лидокаина не было. У мамы не было нервов в передних зубах, и ей стали сверлить по живому. Она рассказывала, что теперь поняла, почему партизаны под пытками фашистов сдавали родную маму, когда им сверлили

зубы. А я шла и думала, можно ли удалить нервы в голове, чтобы не реагировать ни на что.

Дома мы взяли купальники и пошли в гости. Это были какие-то новые знакомые папы, потому что мы шли в часть города, где ещё не бывали. Сразу после моста мы повернули налево и пошли вдоль речки, что теперь ручьём тянулась на дне оврага.

У одного из домов стояла пожилая пара. Они улыбались нам и махали. Папа пошёл с ними в дом, а мы с мамой пошли в их баню.

В бане было очень жарко. Мама переодела нас в купальники, и мы парились, а когда она говорила, мы выходили на воздух. Иногда она нас поливала из маленькой ванны. А потом пришёл дедушка и дал нам по половинке свежего огурца с солью. И мы пошли в дом.

Дома нас встретили две взрослые девочки, они были, как наши сёстры Люба с Катей, близнецами. Папа нас отвёл в пустую комнату и переодел в простую одежду.

— Ну теперь с вами можно играть? — спросили девочки, заглядывая в комнату.

— Не можно, а нужно, — сказал папа, и мы с Динькой пошли к девочкам в комнату.

— У нас тут «Лего», и «Денди», и ещё фигурки из «Киндер-сюрприза», — сказала та, что с хвостиками.

— А машинки у вас есть? — спросила я.

— Были где-то, баба убрала часть игрушек в коробки, сейчас найдём, — сказала та, что с косичками, и полезла открывать коробки.

Я не знала, как их зовут, и они не спрашивали, как зовут нас. Так что мы просто играли в «Лего», а Динька ездил машинками между нашими домами и деревьями.

— А хотите, покажу красоту? — спросила та, что с косичками.

— Хочу, — сказала я.

Девочки были хорошие, я не боялась, что они сделают подлость.

Та, что с хвостиками, принесла спичечный коробок. Она села на ковёр и отодвинула крышку. Внутри была стрекоза.

Она была красивая, глаза её были изумрудные, а тело как из сапфира. Она вся была и хрупкая, и твёрдая. Мы все боялись её трогать, просто смотрели. Лишь иногда девочка с косичками чуть двигала коробок, чтобы свет лампы отразился на стрекозе по-новому.

— Это не мы её убили, — сказала девочка с хвостиками. — Мы её такой на пляже нашли. Даже трогать боялись, сразу в коробок положили.

— Красивая, — сказала я.

— Ага, красивая, — сказала девочка с косичками. — Мы её в город привезём и папе с мамой покажем.

Она встала и унесла коробок.

Мы продолжили дальше играть в город, но все мысли были о волшебной стрекозе. Из чего

делают таких стрекоз? Как они себе выбирают такие крылья?

Пришёл папа и забрал нас кушать.

Когда мы вернулись, девочки уже собирались. Девочка с хвостиками надевала гольфы, которые ей были до трусов.

— Бабушка так постирала, что гольфы стали как чулки, ещё одна стирка—и можно будет из них колготки сделать,—сказала она.

Я представила, что где-то именно так и делают колготки. Получается, что можно из колготок сделать гольфы.

Мама забрала нас из комнаты, взрослые уже прощались у порога.

А когда мы вышли на улицу, нас ждал сюрприз. У калитки стоял серый двухколёсный велосипед. Он не был взрослым, он был для нас с Динькой. Правда, пока Динька мог ездить на трёхколёсном.

Папа вёз велосипед одной рукой, а я любовалась на наш велосипед. Мы повезём его в Красноярск и будем на нём учиться ездить.

Дома папа поставил велосипед у крыльца.

Ночью родители собирали вещи, и я то просыпалась, то опять засыпала.

На следующий день папа решил что-то с квартирантами, потом взял сумки, и мы пошли на автовокзал. Мне разрешили везти велосипед. Я шла, держа его за руль, и пыталась понять, как на нём будет ехать самой. На руле были специальные рычаги для торможения, как у мотоциклов. Велосипед был весь серый, с чёрным седлом, ещё на руле была сетка, чтобы что-нибудь возить.

На вокзале я увидела мужчину и мальчика, которые приставали к крокодильчику. Когда подъехал автобус, папа положил велосипед и наши сумки в багажник.

В автобусе было всё новое, он всё ещё пах пластиком и разной химией. Мама села с Динькой, а мы с папой сели за ними, причём папа сел у окна. А через проход от меня сели мужчина с мальчиком.

Я долго и осторожно разглядывала мальчика. У него странные, очень тёмные глаза, почти чёрные, но с оранжевыми полосками. Я таких никогда не видела. Автобус ехал медленно, меня почти не тошнило от запахов. Когда наши папы уснули, я спросила:

— А кто такой изюбрь?

— Олень, папа на них в тайге охотится.

— Я Соня.

— А я Миша.

— Вы в Красноярск едете?

— Да, к папиным друзьям.

— А сам ты откуда?

— Из Иркутска. А ты?

— А я из Красноярска.

— А ты охотилась?

— Нет, мы даже не рыбачили.

— А я из настоящего оружия стрелял.

— Ух ты! А как так вышло?

— У меня папа самый крутой военный.

— А у меня папа музыкант, я только на его домре играла. Она мастером сделана.

— А я стану великим архитектором, мне так друзья папы сказали.

— А у меня мама художник, я тоже рисую. А ещё у меня мама психолог и строитель. Она много на кого училась и много знает.

— Круто.

Мама передала мне варёное яйцо, и разговор прекратился сам собой. Когда я поела, меня начало мутить. Я постаралась уснуть.

80.

Мы снова в Енисейске. Я стою у аптеки, родители куда-то ушли. Мне нужно их разыскать. Может, они зашли с Динькой в «Детский мир»? На тротуар садится птица, большая, как голубь, но вытянутая. С изумрудными пёрышками на голове, коричневыми пёрышками на теле и с чёрным хвостиком. Птица смотрит на меня.

Ко мне подходят мои друзья, Кристина и Дима. «Ты чего такая потерянная?»—спрашивает Кристина.

«Родителей не могу найти»,—отвечаю я.

«Давай вместе поищем».

Я оглядываюсь на птицу, она словно кивает и улетаёт.

Мы идём по городу. Улицы изменились, дома покрасили в другие цвета. Памятник Ленину и вовсе стал фонтаном. Как и при Ленине, вокруг фонтана цветы, только теперь это кустарники. Не найдя «Детского мира» на своём месте, я решаю пойти к дому.

Мимо едут машины, жара, видимо, царит давно, в городе пыльно. И моста нет, точнее, есть, но он верёвочный и идёт вдоль обрыва. Справа от меня возвышается скала, а слева, метров через десять внизу, начинаются верхушки деревьев. Уберёзок уже жёлтая листва, скоро осень.

Мы проходим мост. Поворот в сторону дома бабы Нади. А вот там, где должен быть мой дом,—дома соседей. Они встали на место моего дома. Нет ни зелёных ворот, ни дома—ничего. Мне становится очень страшно.

Дома больше нет.

Где-то внутри появляется ощущение, что дом со мной говорит. Дом есть. Но меня в нём больше не будет. Теперь дом внутри меня.

Меня будит мама:

— Просыпайся, мы приехали в Красноярск.